

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ΕPISTEMOLOGY
& **Φ**HILOSOPHY OF SCIENCE

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ и ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Т. 62 • № 1

Ежеквартальный научно-теоретический журнал

МОСКВА
2025

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Ежеквартальный научно-теоретический журнал

2025. Том 62. Номер 1

Главный редактор: *И.Т. Касавин* (Институт философии РАН, Москва, Россия)
Зам. главного редактора: *А.Ю. Антоновский* (Институт философии РАН, Москва, Россия),
И.А. Герасимова (Институт философии РАН, Москва, Россия),
П.С. Куслий (Институт философии РАН, Москва, Россия)
Ответственный секретарь: *Л.А. Тухватулина* (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

В.А. Бажанов (Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия), *В.В. Васильев* (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), *Джон Греко* (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США), *И.Н. Грифцова* (Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия), *Д.Н. Дроздова* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *Н.И. Кузнецова* (Институт истории естествознания и техники РАН, Москва, Россия), *Джоан Лич* (Университет Куинсленда, Брисбен, Австралия), *Дженнифер Лэки* (Северо-Западный университет, Чикаго, США), *И.Б. Миркутумов* (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия), *И.Д. Невважай* (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия), *Ханс Позер* (Берлинский технический университет, Берлин, Германия), *Данкан Притчард* (Калифорнийский университет в Ирвайне, Ирвайн, США), *Александр Рузер* (Университет Агдера, Агдер, Норвегия), *С.Г. Секундант* (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Одесса, Украина), *В.Э. Терехович* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *Тимоти Уильямсон* (Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания), *А.А. Филатова* (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия), *В.П. Филатов* (независимый исследователь, Москва, Россия), *Стив Фуллер* (Уорикский университет, Ковентри, Великобритания), *Л.В. Шитовалова* (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия), *Нико Штер* (Университет Цепелина, Фридрихсхафен, Германия)

Редакционный совет:

В.А. Лекторский (председатель, Институт философии РАН, Москва, Россия), *А.А. Гусейнов* (Институт философии РАН, Москва, Россия), *Джон Дюпре* (Экстерский университет, Экстер, Великобритания), *Ханс Ленк* (Технологический институт Карлсруэ, Карлсруэ, Германия), *В.Н. Порус* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *Том Рокмор* (Университет Дюкейн, Питтсбург, США; Пекинский университет, Пекин, Китай), *Стивен Тернер* (Университет Южной Флориды, Тампа, США), *Эндрю Финберг* (Университет Саймона Фрезера, Бернаби, Канада), *Дэвид Хесс* (Университет Вандербильта, Нашвилл, США)

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Периодичность: 4 раза в год. Выходит с 2004 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-57113 от 3 марта 2014 г.

Подписной индекс каталога Почты России – ПН141

Журнал включен в: Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (группа научных специальностей 09.00.00 «Философские науки»); Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Ulrich's Periodicals Directory; ERIH PLUS; Philosophy Documentation Center; Russian Science Citation Index (Web of Science); Web of Science (Core Collection); SCOPUS

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 315
Тел.: +7 (495) 697-95-76; e-mail: journal@iphras.ru; сайт: <https://journal.iphras.ru>

EPISTEMOLOGY & PHILOSOPHY OF SCIENCE

Quarterly peer-reviewed journal

2025. Volume 62. Number 1

Editor-in-Chief: *Ilya T. Kasavin* (RAS Institute of Philosophy, Russia)

Editorial Assistants: *Alexander Yu. Antonovski* (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Irina A. Gerasimova (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Petr S. Kusliy (RAS Institute of Philosophy, Russia),

Liana A. Tukhvatulina (RAS Institute of Philosophy, Russia)

Editorial Board:

Valentin A. Bazhanov (Ulyanovsk State University, Russia), *Daria N. Drozdova* (HSE University, Russia), *Asya A. Filatova* (Tyumen State University, Russia), *Vladimir P. Filatov* (Independent Scholar, Russia), *Steve Fuller* (University of Warwick, UK), *John Greco* (Georgetown University, USA), *Irina N. Griftsova* (Moscow Pedagogical State University, Russia), *Natalia I. Kuznetsova* (RAS Institute for the History of Science and Technology, Russia), *Jennifer Lackey* (Northwestern University, USA), *Joan Leach* (Queensland University, Australia), *Ivan B. Mikirtumov* (Saint Petersburg State University, Russia), *Igor D. Nevvazhay* (Saratov State Law Academy, Russia), *Hans Poser* (Technical University of Berlin, Germany), *Duncan Pritchard* (University of California, Irvine, USA), *Alexander Ruser* (University of Agder, Norway), *Sergei G. Sekundant* (Odessa I.I. Mechnikov National University, Ukraine), *Nico Stehr* (Zeppelin University, Germany), *Lada V. Shipovalova* (Saint Petersburg State University, Russia), *Vladislav E. Terekhovich* (HSE University, Russia), *Vadim V. Vasilyev* (Lomonosov Moscow State University, Russia), *Timothy Williamson* (Oxford University, UK)

Editorial Council:

Vladislav A. Lektorsky (the chairman) (RAS Institute of Philosophy, Russia), *John Dupré* (University of Exeter, UK), *Andrew Feenberg* (Simon Fraser University, Canada), *Abdusalam A. Guseinov* (RAS Institute of Philosophy, Russia), *David Hess* (Vanderbilt University, USA), *Hans Lenk* (Karlsruhe Institute of Technology, Germany), *Vladimir N. Porus* (HSE University, Russia), *Tom Rockmore* (Duke University, USA; Peking University, China), *Stephen Turner* (University of South Florida, Tampa, USA)

Publisher: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Frequency: 4 times per year. First issue: 2004

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media Registration Certificate No. FS77-57113 on March 3, 2014

Subscription index in the catalogue of Russian Post is IPI141

Abstracting and Indexing: the list of peer-reviewed scientific edition acknowledged by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Ulrich's Periodicals Directory; ERIH PLUS; Philosophy Documentation Center; Russian Science Citation Index (Web of Science); Web of Science (Core Collection); SCOPUS

All materials published in the "Epistemology & Philosophy of Science" undergo peer review process

Editorial address: 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 697-95-76; e-mail: journal@iphras.ru; website: <https://journal.iphras.ru>

CONTENTS

EDITORIAL

Lada V. Shipovalova. The Concept of Objectivity
as a Problem of Philosophy of Science.....6

PANEL DISCUSSION

Alexander Yu. Antonovski. “Natural Kinds” and Communicative
Dimensions of Disciplinary Differentiation.....22

Anna V. Sakharova. Demarcation of Scientific Disciplines:
Separation or Integration?.....39

Evgeniy V. Maslanov. Communicative Classification of Science:
Some Comments.....49

Olesya I. Sokolova. On the Unity of Normative
and Cognitive Expectations in Science.....58

Alexandra A. Argamakova. Natural and Other Kinds.....67

Alexander Yu. Antonovski. Communicative Classification
of Scientific Disciplines – *pros and cons*. Reply to Critics.....77

EPISTEMOLOGY & COGNITION

Bogdan V. Faul. The Epistemic Relevance
of the Experience of Libertarian Agency.....83

Alexey Z. Chernyak. The Problem of the Value of Knowledge.....99

LANGUAGE & MIND

Ivan A. Sobolev. The Gricean Approach to Utterance Felicity Conditions.....116

VISTA

Valentin A. Bazhanov. The Phenomenon of Number
from the Lens of Psychologism: Can We Claim
that Numbers Are Being “Made Up”?.....134

CASE STUDIES – SCIENCE STUDIES

Irina A. Savchenko. The Status of a Scientist
in the Corporate Culture of the University.....148

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Anastasia V. Kolmogorova, Polina A. Nalobina.
Conceptualizing the Space: How Natural and Artificial Cognitive
Agents Use Topological Semantics Schemes
(Based on Descriptions of Paintings from the Hermitage Collection).....170

ARCHIVE

Viktor D. Bakulov, Danil R. Melnikov. The Evolution
of Hilary Putnam’s Philosophy of Mind: Or Putnam Against Putnam.....198

NEW TRENDS

Ekaterina V. Vostrikova. Knowledge and Context.
Reflections on Michael Blome-Tillmann’s
“Semantics of Knowledge Attribution”.....215

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

Лада Шиповалова. Концепт объективности как проблема философии науки..... 6

ПАНЕЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ

Александр Антоновский. «Виды природы» и коммуникативные измерения дисциплинарной дифференциации..... 22

Анна Сахарова. Демаркация научных дисциплин: разделение или интеграция?..... 39

Евгений Масланов. Коммуникативная классификация науки: некоторые замечания..... 49

Олеся Соколова. О единстве нормативных и когнитивных ожиданий в науке..... 58

Александра Аргамачева. О естественных и других видах..... 67

Александр Антоновский. Коммуникативная классификация научных дисциплин – pro et contra. Ответ оппонентам..... 77

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ПОЗНАНИЕ

Богдан Фауль. Эпистемологическая релевантность опыта либертарианской агентности..... 83

Алексей Черняк. Проблема ценности знания..... 99

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

Иван Соболев. Грайсианский подход к условиям успешности высказывания..... 116

ПЕРСПЕКТИВА

Валентин Бажанов. Феномен числа с позиций психологизма: можно ли утверждать, что числа «сочиняются»?..... 134

СИТУАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ирина Савченко. Статус ученого в корпоративной культуре университета..... 148

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анастасия Колмогорова, Полина Налобина. Осмысля пространство: как используют схемы топологической семантики естественные и искусственные когнитивные агенты (на материале описаний картин из коллекции Эрмитажа)..... 170

АРХИВ

Виктор Бакулов, Данил Мельников. Эволюция философии сознания
Хилари Патнэма: или Патнэм против Патнэма..... 198

ТЕНДЕНЦИИ

Екатерина Вострикова. Знание и контекст.
Размышления о книге Майкла Бломе-Тильманна
«Семантика агрибуции знания»..... 215

КОНЦЕПТ ОБЪЕКТИВНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; e-mail: ladaship@gmail.com

В статье рассматривается современная противоречивость объективности в философии науки. С одной стороны, она признается критерием научности, научной ценностью и добродетелью ученых. С другой, обнаруживается ее дискуссионный статус, нередуцируемая сложность, подвергается сомнению ее актуальность. Предлагается работа с концептом объективности, которая должна раскрыть проблему, ради которой он возникает, трансформируется в истории, показать, как становится актуальным многообразие смыслов объективности и сомнение в ее значимости. Такая работа связывает философию науки и историческую эпистемологию, а также демонстрирует расширение сообщества тех, кто, возможно, заинтересован в сохранении объективности. В ходе работы объективность, во-первых, раскрывается в своих истоках как концепт, отвечающий на проблему связи элементов познания, и трактуется в своей посреднической функции. Во-вторых, объективность трактуется как регулятивный идеал, в стремлении к которому происходит преодоление субъективности познающего. В-третьих, объективность объясняется в своей историчности, понятой как способность возобновляться в реагировании на изменяющуюся проблему. Слабость концепта, приводящая к сомнению в объективности, раскрывается через ее уклонение в объективизм. Сохранение силы концепта связывается с возможной заинтересованностью в нем современного сообщества ученых и исследователей науки, а также с его интерпретацией, включающей не преодоление, но открытие границ субъективности познающего.

Ключевые слова: научная объективность, историческая эпистемология, научное сообщество, объективизм, открытость

THE CONCEPT OF OBJECTIVITY AS A PROBLEM OF PHILOSOPHY OF SCIENCE

Lada V. Shipovalova – DSc in Philosophy, Professor. Saint Petersburg State University. 11 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russian Federation; e-mail: ladaship@gmail.com

The article examines the contemporary contradictions surrounding objectivity in the philosophy of science. On the one hand, historians and philosophers of science regard objectivity as a criterion of scientificity, a marker of scientific value, and a scientific virtue. On the other hand, they highlight its contested status, irreducible complexity, and question its continued relevance. The article proposes a framework for engaging with the concept of objectivity, one that reveals the historical problems it addresses, traces its transformations over time, and demonstrates how the diversity of its meanings as well as doubts about its significance remain relevant today. This approach bridges the philosophy of science and historical epistemology while also illustrating the growing community of stakeholders invested in preserving objectivity. In this analysis,

objectivity is explored in three key dimensions. First, it is examined in its origins as a concept that addresses the problem of connecting the elements of cognition, emphasizing its mediating function. Second, objectivity is interpreted as a regulative ideal, the pursuit of which seeks to overcome the subjectivity of the knower. Third, it is analyzed in its historicity, understood as its capacity to renew itself in response to evolving challenges. The article identifies the weakness of the concept, which leads to skepticism about objectivity, as its tendency to devolve into objectivism. Conversely, its strength lies in its potential to engage the modern scientific community and researchers of science, particularly through interpretations that do not seek to eliminate subjectivity but rather to expand its boundaries.

Keywords: scientific objectivity, historical epistemology, scientific community, objectivism, openness

Введение

Объективность в философии науки давно и не без оснований признается критерием научности, научной ценностью, а с некоторых пор и эпистемической добродетелью ученых. В то же время не умолкают споры относительно ее статуса и значения. Историки и философы науки раскрывают ее «нередуцируемую сложность» [Duglas, 2004] и историческую изменчивость [Степин, 2000; Daston, Galison, 2010]. Они используют ее как аргумент в «научных войнах», защищают от вызовов со стороны «постнормальной науки» или считают утратившим актуальность критерием научности, по крайней мере для современных гуманитарных и социальных наук. В условиях противоречивой значимости объективности актуальны вопросы: не стоит ли оставить в стороне как избыточные философско-научные дискуссии об объективности, признав право ее относительно незаинтересованного обсуждения только за историками науки? Не следует ли перестать заботиться о смысле этого концепта и предоставить объективности возможность скрытого присутствия в научных практиках и экспертной деятельности ученых, тревожащихся об общественном доверии их результатам, о реальности их объектов или об основаниях научного консенсуса [Hacking, 2015]? Более того, не стоит ли признать лишь относительную релевантность объективности, часто проигрывающей в современных научных исследованиях в убедительности другим характеристикам научности? В статье предлагается дать конструктивный ответ на такие вопросы, а также обосновать значение и продемонстрировать возможность концептуальной работы с объективностью в философии науки.

Что можно сказать о содержании такой работы¹? Во-первых, она включает раскрытие проблемы, в ответ на которую концепт объективности возникает, ради которой существует и возобновляется. Выявление многообразия смыслов объективности и того, что она имеет историю, в частности, в текстах Л. Дастон и П. Галисона, представляет собой подступы к проблеме, но не раскрывает ее. Концепт не может иметь точного терминологического определения, потому он будет показан в своей медиативной функции, в установлении связи между образами и смыслами, в своем становлении и развитии, объясняющем то, как стало возможным его содержательное многообразие, как становятся актуальными современные сомнения и как эти сомнения можно разрешить. Такая работа представляется не только философской, но и исторической, историко-эпистемологической. Во-вторых, концепт объективности трактуется как встраивающийся в реальность практик научного познания. Заинтересованная апелляция к нему может раскрывать проблематичность этих практик, способствовать их организации и приводить к их изменению. В процессе своего становления и развития концепт объективности приобретает друзей² или авторов, тех, кто заинтересован, зависим в своей идентичности от признания или отрицания концепта, а также от конкретности его содержания. Потому предлагаемая работа включает внимание и даже, возможно, присоединение к тем, кто признает и разделяет значимость объективности, к тем коллективным практикам, в которых этот концепт обретает смысл, а признающие его – определенность сообщества. Такая работа с концептом должна быть не только философской и исторической, но и отчасти социальной, социально-эпистемологической.

¹ Само понятие концепта, определяющего содержание этой работы, уже давно оказывается предметом серьезных исследований в отечественной традиции, в частности в логике, психологии, филологии и истории философии. В нашем контексте соответствующие исследования учитываются только в самом общем виде. Предлагаемая работа отталкивается от идей Ж. Делёза и Ф. Гваттари о философском концепте, возникающем «ради проблемы», автореферентном, находящемся в становлении и включающим множественность связанных элементов [Делёз, Гваттари, 1998, с. 25–47]. Кроме того, она отчасти пересекается с концептуальной инженерией, развиваемой в отечественной эпистемологии [Грифцова, Козлова, 2024].

² Использование в тексте словосочетания «друзья концепта» не столько отсылает к изначальному смыслу философии, сколько подчеркивает способность концепта объективности объединять в сообщество тех, кто признает ее значение. В этом смысле и ученые, которых описывают Л. Дастон и П. Галисон в тексте *Объективность*, могут считаться «друзьями концепта», поскольку они апеллируют к объективности, работая с атласами и другими научными объектами, наполняя ее конкретным содержанием.

Концепт объективности предстает как предмет философии науки. Его проблемность может быть истолкована в двух смыслах. Во-первых, это условие возникновения и исторического изменения концепта. В современности оно связано с противоречивым отношением к значимости объективности. Результат работы, которая будет представлена ниже, должен прояснить, как такое отношение стало возможно, а также то, как, несмотря на него, можно сохранить объективность. При этом позиция современных философов и других исследователей науки будет раскрыта также через их заинтересованность в объективности своего обращения к науке. Во-вторых, проблему на метауровне составляет то, что сама значимость работы с концептом объективности может быть поставлена под вопрос: заложена нейтральным исследованием многообразия ее значений либо заменена ее более или менее скрытым присутствием как ценности или добродетели в научных практиках. Вторая задача работы состоит в ответе на такие сомнения, в обосновании значения возобновления концептуальной работы с объективностью. Такое обоснование предполагает, что выявленные в ходе работы аргументы и предложенное истолкование смысла объективности окажутся не только признанными, но и уместными в практиках научного познания. Поэтому полное решение второй задачи должно оставаться лишь предметом надежды.

Ради какой проблемы концепт объективности возникает и обретает историю?

Исток истории объективности³ можно искать там и тогда, где возникает соответствующий философский термин – *conceptus obiectivus* – в поздней схоластике. Такой поиск начала научной объективности оправдан идеями современных историков науки. Так, Л. Дастон отмечает, что Кант, используя объективность, извлекает «из забвения» термин, «имевший ранее вполне определенное и отличающееся от современного схоластическое употребление» [Дастон, 2007, с. 47]. Истоки же кантовского коперниканского поворота в его значении для современной науки можно находить в так называемом трансцендентальном развороте, осуществляемом поздними средневековыми философами, начинающими предполагать, что сущее в его бытии соотносится с его познанием. На какую проблему в этом контексте

³ Говоря далее об объективности или научной объективности, ее истоках, истории, многообразии смыслов и современной проблематичности, мы имеем в виду философско-научный концепт объективности. Научной объективностью становится с XIX в., о чем пишут историки науки.

отвечает *conceptus obiectivus*? Историки философии отмечают его медиативную функцию, возможность связывать в познавательном отношении две различные актуальные «вещи» – познающий интеллект и познаваемое материальное сущее [Cronin, 1956, p. 124]. *Conceptus obiectivus* оказывается средним термином и может трактоваться и как понятие в уме, и как вещь, представляемая умом. Первое толкование знакомо нам в том числе благодаря исследованиям отечественных историков философии [Вдовина, 2007, с. 145]. Связь со вторым мы можем найти, например, в *Философском Лексиконе (1613)* Р. Гоклениуса в раскрываемом им термине достоверности, которая может быть объектной и субъектной⁴. Некоторые историки философии отмечают неслучайную двойственность (идеалистическую и реалистическую) интерпретации средневекового предшественника объективности [Pereira, 2007, p. 30]. Следует подчеркнуть, что объяснение этой двойственности лежит в функции концепта, появляющегося *ради проблемы связи* различных, но равно необходимых элементов познания. «Друзьями концепта» в этом случае оказываются философы, отвечающие посредством него на вопрос о том, как возможно познание сущего человеческим интеллектом, схоласты и иезуиты, уточняющие значение существенных для этого процесса терминов⁵.

Отголоски функции посредника, связывающего познаваемую реальность и реальность познающего, звучат в современных исследованиях объективности. Например, П. Галисон отмечает, что история объективности, в которой перемешаны этические, связанные с познающим, и эпистемические, связанные с познанием и его объектом, проблемы, разворачивается в изменении «границ между нами и миром вокруг нас» [Galison, 2015, p. 58]. Следы такого понимания мы находим и у современной исследовательницы Х. Лонжино, выделяющей два смысла объективности – один характеризующий наши представления о естественном мире как таковом и второй относящийся к самому исследованию, к научному взгляду, использующему не произвольные и не субъективные критерии. При этом Лонжино замечает, что объективность во втором смысле служит условием объективности в первом [Longino, 1990, p. 62–63]. Здесь первоначальная посредническая функция концепта скрывается за причинной связью его двух современных смыслов. В этом контексте следует подчеркнуть, с одной стороны, дискуссионность отдельной актуализации первого смысла, например, в объектно ориентированной онтологии или в целом в так

⁴ «Достоверность есть прочность и неизменность некоторой истины. Существует достоверность объекта, то есть вещи познаваемой, которую в противном случае невозможно познать, и достоверность субъекта, то есть Человека познающего... И та, и другая достоверность необходимы в науке» [Goclenii, 1968, p. 361].

⁵ История трансформации соответствующих понятий в трудах иезуитов XVII в. представлена в [Dear, 1992].

называемом современном онтологическом повороте. Тезис об объективности как отношении представления к независимой реальности проблематичен, поскольку реальность, поставленная в отношение, не может считаться полностью независимой. Такой тезис требует дополнительной работы для того, чтобы не считаться наивным. Однако, с другой стороны, сложно не признать значение вопроса о *существовании* объектов исследования для современной науки⁶.

Как правило, классическое философское понимание объективности, основания которого формулируются Гегелем в *Науке Логике*, представляет два элемента познания – познающего субъекта и познаваемую вещь – посредством уже разделенных смыслов концепта. В первом смысле объективное определяется как характеристика «существующего во внешнем мире в отличие от только субъективного – мнения, мечтания и т.д.» [Гегель, 1974, с. 156]. Второй – Гегель называет его кантовским – смысл объективности задается субъектом в его всеобщности, а также характеризуется *преодолением* «принадлежащего нашему ощущению случайного, партикулярного, субъективного» [Там же]. Отмечаемая Гегелем в этом же контексте возможность проводить кантовское различие «между объективным и субъективным интересом» и по отношению к научной деятельности задает историческую границу, за которой к философам, заинтересованным в соответствующем концепте, присоединяются ученые, голоса и эпистемические тревоги которых по поводу объективности их исследования звучат и в упомянутом выше тексте Л. Дастон и П. Галисона.

Ради какой проблемы трансформируется в XIX в. смысл объективности, в своем истоке отвечавший на проблему связи между различными элементами процесса познания? В ответ на какой существенный вопрос начинает акцентироваться именно смысл, связанный с преодолением случайного, частного, субъективного? Этот смысл, называемый негативным, становится едва ли не основным для философской и исторической рефлексии концепта объективности в современности [Hacking, 2015, p. 24–26; Hoyningen-Huene, 2023; John, 2021, p. 14]. Он присутствует при отождествлении объективности с незаинтересованностью, обезличенностью, преодолением предвзятости, уходом от ценностной ангажированности, свободой от оценочных суждений и т.д. Представляется, что такая трансформация может быть

⁶ В частности, речь может идти о признании *существования* определенных заболеваний, которые только при этом условии могут стать объектом диагностики, лечения, мотивировать создание лекарств. О дискуссиях такого рода, относящихся к признанию объективно существующим заболеваниям слабых когнитивных расстройств, которые могут вести (или нет) к болезни Альцгеймера, отличаясь при этом от нее, см. [Moreira et al., 2009]. В этом случае ответ на вопрос о «признании существующим» оказывается зависимым от силы представленных учеными аргументов.

объяснена осознанием специфики познающего, человеческого интеллекта в его (не)адекватности задаче познания. Коль скоро в Новое время в качестве сущего, подлежащего познанию, предстает окружающий мир в его бесконечности, становится актуальным вопрос о возможном соответствии такой задаче познающего в его конечности и несовершенстве. Именно этот вопрос может объяснить тревоги ученых и философов относительно присутствия человека как субъекта познания в исследовании⁷.

Именно этим набирающим силу негативным смыслом объективности объясняется и то, что она обретает историю, изменяясь в зависимости от того, в какой научной деятельности и какая сторона субъективности ученого оказывается опасной и подлежащей преодолению. При этом негативность смысла может быть истолкована двояко. Во-первых, объективность обнаруживается через свое отсутствие, *нехватку* и, следовательно, «присутствует» в деятельности ученых лишь как предмет стремления, *регулятивный идеал*, но не как описание определенного положения дел⁸. Во-вторых, движение к идеалу обеспечивается *преодолением субъективности*. Эта двойственность, редко попадающая в поле внимания современных исследователей, делает негативный смысл не только способом решения проблемы соответствия человеческого интеллекта задаче познания, но и источником новой проблемы, о которой будет сказано ниже.

В XX в. появляется дополнительный аргумент за внимание к негативному смыслу объективности в форме поиска научной свободы от оценочных суждений. Это аргумент связан с существованием науки как объекта научной политики и с угрозой ее политической ангажированности. Дж. Бернал, обращаясь к социальной истории науки, пишет о первой половине XX в. как о времени, когда влияние

⁷ Задача познания, связанного с универсальностью человеческого рода, осуществляющего власть над *всей* природой для всеобщей пользы, звучит в *Новом Органоне* Бэкона. В этом контексте объяснима актуальность критики несовершенства человеческого познания, его идолов. Также у Декарта заметна интенция преодоления несовершенства чувственного познания, противопоставляемого познанию посредством врожденных идей. Такой смысл объективности присутствует в современной эпистемологии в известном определении В.С. Степиным классической научной рациональности, где ученый, «центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности» [Степин, 2000, с. 633]. Также этот смысл можно обнаружить в понимании объективности как специфической надежности, основанной на том, что риски, связанные с «несовершенством нас как эпистемических агентов, были эффективно преодолены» [Koskinen, 2020, p. 1187].

⁸ С таким статусом объективности связана критика С. Хардинг «слабой объективности» как характеристики уже имеющегося знания, противостоящей «сильной объективности», допускающей и даже требующей своего усиления, максимизации.

результатов научной деятельности на общественное развитие становится неустрашимым и, очевидно, не всегда позитивным. Необходимость внешнего управления научными исследованиями в такой ситуации вызывает ответную реакцию – стремление отстоять научную автономию. В этом контексте можно понять обоснование собственного этоса научного сообщества (Р. Мертон) и его скрытого, не поддающегося внешнему регулированию знания (М. Полани). Здесь же и интенция сохранить объективность как свободу от оценочных суждений, различая позицию ученого на кафедре, способного представлять аудитории неудобные для его субъективной позиции факты, и позицию вождя на трибуне, следующего определенному политическому интересу (М. Вебер). Так к проблеме соответствия конечного субъекта задаче познания бесконечного мира и приобретения трансфинитного знания добавляется проблема отстаивания автономии науки, становящейся очевидной социально-политической силой. К возможным «друзьям концепта» объективности присоединяются ученые не только как исследователи, но и как эксперты, действующие в поле проблематичной связи научной и политической власти. Сама объективность становится характеристикой научного знания и познания в его не столько индивидуальной, сколько социальной природе⁹. При этом легитимируется стремление к знанию, в котором следы присутствия субъективности ученого стерты, то есть процесс совершенствования, предположенный негативным смыслом объективности, завершен. Так возникает соединение объективности и объективизма¹⁰.

Научная объективность в современности: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

В результате реагирования на историческое разворачивание проблем познания, имеющих как эпистемологический, так и социальный характер, к XX в. объективность становится эпистемической

⁹ Т. Портер [Porter, 1995], обращаясь к истокам объективности в XIX в. и связывая их с квантификацией оценки результативности науки, объясняет становление доверия числам, с одной стороны, слабостью научного экспертного сообщества и, с другой, демократическими требованиями общественной понятности результатов научной деятельности. Такая объективность также представляет научную деятельность в поле социальных отношений, но при этом преодоление субъективности, присутствующей в оценках экспертов, вносит вклад скорее в создание проблемы автономии науки, но не в ответ на нее.

¹⁰ Объективизм допускает возможность рассматривать знание без отношения к его субъекту. Этот термин близок «объектности описания, т.е. описания реальности такой, как она существует сама по себе, без отсылки к наблюдателю» [Мамчур, 2008, с. 23].

ценностью (Г. Риккерт), придающей всеобщую значимость объектам научного исследования. Она трактуется в качестве результата взаимной критики внутри научного сообщества (К. Поппер). Историки науки видят в ней добродетель ученого, работающего над преодолением собственной субъективности. Философы науки признают ее как критерий научности, свидетельствующий о достаточной обоснованности знания, готового к применению в контексте реализации целей общественного развития. Может быть поставлен вопрос: существует ли связь между этими истолкованиями и может ли выражать ее негативный смысл объективности?

В это же время научная объективность сталкивается с двумя вызовами. Первый – сомнение в релевантности объективности, соединяемой с объективизмом, звучащее как со стороны современных ученых физиков [Мамчур, 2008, с. 23–32], так и со стороны философов. Э. Гуссерль критикует наивность объективизма европейских наук, забывших субъективность, лежащую в их основании и способную на ответственность за их результаты. Представители Франкфуртской школы разоблачают объективность научных законов как новую форму угнетения, дополняющую социально-политическую власть классового общества. Кроме того, подвергается сомнению ключевой смысл объективности, связанной с объективизмом, – ценностная нейтральность. В известной статье Р. Руднера *Ученые как ученые производят ценностные высказывания*, автор показывает неизбежность включения неэпистемических ценностей в основания научных высказываний [Rudner, 1953], открывая работу по возвращению ценностной составляющей в научное знание. Ценности важны, поскольку они заставляют ученых тщательным образом тестировать результаты. Они позволяют ученым сделать выбор определенного объяснения в случае нехватки для этого эпистемических оснований. Ценности в любом случае присутствуют в нормативных научных высказываниях в экономике, медицине, социальных науках. Значимый удар по ценностной нейтральности науки наносит и «разоблачение» некоторых социальных исследований, скрывающих под маской свободы от ценностей служение интересам власти. Это можно сказать, в частности, об антропологии на службе у колониальных властей или о политических исследованиях, занимающихся описанием (оправданием) существующих кризисов. Критика объективизма и ценностной нейтральности не отменяет научную объективность, но делает ее проблематичной. Остается открытым также вопрос о возможности совмещения политической субъектности современной (постнормальной) науки и ее стремления к объективности [Бажанов, Порус, 2021, с. 28–29].

Второй вызов создают для объективности сами исследователи концепта. Кропотливая историческая работа, обращенная к истории научных практик, обнаруживает историческое многообразие и прехо-

дящий характер объективности. Она имеет историю, когда-то возникла в качестве добродетели ученого, но со временем ее место на пьедестале научных ценностей может быть передано другим. Даже признаваемая философами и учеными, она не имеет единого определения и изменяется в зависимости от того, какая черта субъективности угрожает научности знания [Daston, Galison, 2010]. Объективность трактуется в зависимости от контекста, в котором о ней идет речь – гуманитарные науки, общественное признание научного знания, его философская рефлексия или идентификация сообщества в качестве научного [Megill, 1994]. Смысл объективности связывается с тем, в какие отношения с объектом исследования или с другими учеными вступает субъект научного познания [Douglas, 2004]. Философы науки подчеркивают в научной объективности ее «нередуцируемую сложность» или останавливаются на ее конкретном смысле, палитра которых также в высшей степени вариативна – от привычной интерсубъективности [Sciortino, 2021] до повторяемости и воспроизводимости [Gunton et al., 2022]. Почему многообразие смыслов объективности и ее исторический характер могут трактоваться как вызов? В случае такой релятивности каждое «дисциплинарное» и «ситуационное» утверждение объективности становится самодостаточным, что препятствует признанию ее всеми учеными. Следствием отсутствия такой «распределенной объективности» оказывается снижение ее значимости. То, что может быть почти каким угодно, сложно считать тем, что имеет всеобщий характер.

Объективизм и релятивность оказываются следствием исторической трансформации объективности, и они же создают угрозу ее признанию. Может ли существовать объективность без объективизма? Можно ли представить объективность общей, разделяемой многими, но оставить ее исторически и ситуационно конкретной? Ответ на эти вопросы связан с акцентом на отмеченной выше двойственности негативного смысла объективности. С одной стороны, она дана в своей *нехватке*, в процессе стремления к ней, как регулятивный идеал, организующий в определенном смысле научное познание. С другой – сам процесс реализуется как *преодоление* субъективности ученого. Пренебрежение первой стороной негативного смысла, забвение смысла объективности как *регулятивного идеала*, а не как характеристики уже существующего знания приводит к соединению объективности и объективизма, приводит к невозможной, хотя и, возможно, желаемой позиции «взгляда из ниоткуда» (Т. Нагель). Опасность такой ситуации возрастает с верой в ее достижимость. Объективизм, скрывая идеологическую нагруженность существующих знаний [Kasavin, 2023, p. 19], делает первоначальную посредническую функцию, присутствующую в истоках объективности, избыточной. Соответственно, разотождествление объективности и объективизма может быть связано с возвращением необходимости работы над собой несовершенного

эпистемического субъекта, с возобновлением вопроса о связи этого субъекта с познаваемой реальностью, с подчеркиванием смысла объективности как регулятивного идеала. Не следует ли в этой связи предположить трансформацию и второй стороны негативного смысла – преодоления субъективности познающего?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует уточнить современные коррективы исторического разворачивания проблемы, на которую отвечает концепт объективности, а также предположить существование «друзей концепта», заинтересованных в ее решении.

Научная объективность в современности: новые ответы

Новыми заинтересованными в объективности субъектами во второй половине XX в. становятся ученые, представители социальных и гуманитарных наук. Их голоса не присутствуют отчетливо в поле исследования историков науки, однако их собственная рефлексивная позиция делает очевидной их тревогу по поводу объективности как научности собственных исследований. Ученый гуманитарий интерпретирует свой предмет и потому сталкивается с неизбежным присутствием своей субъективности в отношении к нему¹¹. Социальный ученый отдает себе отчет в возможности подчинения объективности (как объективизма) научной методологии практическим интересам управления конкретным сообществом людей [Lienhardt, 1964, p. 3–4]. Эту тревогу могут разделить с учеными и философы, исследователи науки. Они также обнаруживают себя в дискуссионном поле интерпретаций науки как своего предмета, раскрывающегося в различии понятий нормальности и постнормальности, реализма и конструктивизма, нормативизма и дескриптивизма и т.д. Учет собственной субъективной позиции и преодоление ее неполноты представляется значимым в таких дискуссиях. Кроме того, исследователи науки, так же как и социальные ученые, могут быть обескуражены использованием собственного стремления к созданию объективного образа науки в целях управления ею. Последнее можно отнести, в частности, к использованию наукометрических методов, в научную разработку

¹¹ Это отношение должно не преодолеваться, но учитываться в методологии проведения исследования, при интерпретации стилей художественного произведения или событий прошлого историком [Carrier, 1989], в проведении качественных исследований социологом, при осуществлении включенного наблюдения антропологом и т.д. Истолкованный в широком смысле такой учет становится характеристикой неклассических типов рациональности [Степин, 2000, с. 633–634].

которых внес вклад В. Налимов, при реализации административной оценки эффективности научных исследований.

Заинтересованность в объективности в современности становится заметной, если припомнить и известную историю о дискуссиях в немецком обществе конца прошлого века по поводу исторической памяти¹². Эти дискуссии начались с критики Ю. Хабермасом тезисов немецкого историка Э. Нольте, относящихся к возможности объективного, точнее, объективистского исследования событий Второй мировой войны. Нольте предлагал исследовать национал-социализм без оценочных суждений в контексте всей европейской истории, критиковал распространенные в то время (80-е годы) взгляды о коллективной вине немецкой нации. Публичное столкновение интеллектуалов – сторонников Хабермаса и защитников Нольте – касалось интерпретации фактов в их необходимой связи с ценностями и/или в отсутствие такой связи. Считается, что в этом споре одержала победу сторона левых интеллектуалов во главе с Хабермасом. Важно подчеркнуть, что этот спор о немецкой истории и отношении к ней, в том числе посредством исторической науки, был не столько научным, сколько публичным, а возможными субъектами интереса в нем оказывались не только ученые, но и публика, граждане Германии.

Итак, у сохраняющегося, но изменяющегося в современности концепта объективности есть актуальные и потенциальные «друзья». Ради какой проблемы этот концепт может быть возобновляем? Почему может быть важна объективность, разрывающая с объективизмом, объективность как регулятивный идеал, и к чему она может сегодня вести тех, кто сможет увидеть не только ее опасность, но и спасительное? Проблемный вопрос, на который отвечает стремление к объективности, возобновляет смысл ее истока как посредника между познающим и познаваемым миром, но учитывает исторические дополнения этого смысла. Сформулировать его можно следующим образом: как нам, с различающимися ценностными и познавательными установками, жить в общем мире? Как создавать научно обоснованные представления и как взаимодействовать с предметами нашего знания – с нашим прошлым, нашим человеческим и нечеловеческим (природным и техническим) окружением, отличающимся от нас и отчасти остающимся независимым от нас?

Отвечая на этот вопрос, удерживаясь от объективизма, но стремясь к объективности, мы обращаем внимание на присутствие в науке субъективности и можем учитывать ограничения, которые она производит. При этом, удерживаясь от объективизма, мы понимаем, что полное преодоление этих ограничений невозможно. Потому термин «преодоление» следует заменить на «открытие границ» субъективности, которое, напротив, возможно. Открытие границ субъективности

¹² См. описание этой дискуссии и ее рефлексю в [Лоренц, 2012].

перед лицом другого ученого, другого как непрофессионала, другого как предмета своего исследования предполагает сохранение этих границ, но допускает и даже требует признания иной позиции, во взаимодействии с которой может возникнуть ответ на собственный актуальный вопрос. Открытие границ субъективности не только удерживает от объективизма, но и может стать общим, разделяемым многими смыслом объективности, реализуемым в различных практиках научной коммуникации, в том числе в работе со своим предметным полем. Последнее при этом становится познаваемым, но всегда остается отчасти независимым, поскольку открытие границ не означает их стирания.

В завершение можно привести один пример современного истолкования объективности, отвечающего на такую проблему. Речь идет об объективности ситуационного познания Д. Харауэй. В чем ее специфика и общность с предложенным выше смыслом? В тексте Харауэй очевидно звучит как тревога о «действительном познании мира» науками [Харауэй, 2022, с. 241], апелляция к которому не должна быть забыта, так и забота о преодолении позиций, создающих эпистемические и этические риски. Однако преодолению подлежит не частность, субъективность познающего, но, напротив, абсолютизация частности или ее сокрытие. Вместе с абсолютизацией частности должна преодолеваться позиция релятивиста, останавливающегося на фиксации множественности ценностей и остающегося с «расстройством множественной личности» [Там же, с. 242]. Вместе с сокрытием частности преодолевается позиция «реалиста» (как объективиста), полагающего себя незаинтересованным, познающим с чистого листа. Риски таких позиций – в неспособности к ответственности того, кто их занимает, поскольку как в первом, так и во втором случае нет значимого Другого, перед которым следует отвечать.

Заключение

В чем результат и значение работы с концептом объективности? Условием ее было внимание к творению и развитию концепта, к изменяющейся в истории проблеме, ответом на которую он становится, а также к тем субъектам, для идентичности которых важен этот ответ. В такой работе объективность, во-первых, раскрывается в своих истоках как концепт, отвечающий на проблему связи элементов познания, а не только акцентирует разрыв этих элементов (в случае поиска независимой реальности или всеобщности субъекта). При этом она трактуется в своей посреднической функции. Во-вторых, в своем историческом развитии объективность понимается по преимуществу негативно. В таком понимании она должна оставаться регулятивным

идеалом, а не конститутивной характеристикой уже имеющегося знания. Содержание же процесса стремления к объективности может описываться не как преодоление, но как открытие границ субъективности познающего. В-третьих, объективность признается и объясняется в своей историчности, однако историчность раскрывается не только и не столько как временность и многообразие смыслов, сколько как способность возобновляться в реагировании на трансформирующуюся проблему. Раскрытие современной трансформации проблемы, приводящей к сомнению в объективности, демонстрирует угрозу и слабость концепта объективности, уклоняющейся в объективизм. Демонстрация силы концепта, выражающейся в ответах на трансформирующуюся в истории проблему, дает надежду на то, что и в современности мы окажемся способны на адекватный ответ.

Список литературы

Вдовина, 2007 – *Вдовина Г.В.* Сущее и реальность в метафизике Франсиско Суареса // Франсиско Суарес. Метафизические рассуждения. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. С. 87–415.

Гегель, 1974 – *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.

Грифцова, Козлова, 2024 – *Грифцова И.Н., Козлова Н.Ю.* Идеи философии языка Р. Карнапа в контексте концептуальной инженерии // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 1. С. 122–133.

Делёз, Гваттари 1998 – *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Академический проект, 2009. 261 с.

Дэстон, 2007 – *Дэстон Л.* Научная объективность со словами и без слов // Наука и научность в исторической перспективе / Ред. Д. Александров, М. Хагнер. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2007. С. 37–71.

Лоренц, 2012 – *Лоренц К.* Историческое знание и историческая действительность: в защиту «внутреннего реализма» // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 1 (№ 69–70). С. 70–81. Вып. 2 (№ 71–72). С. 89–98.

Мамчур, 2008 – *Мамчур Е.А.* Образы науки в современной культуре. М.: Канон+, 2008. 400 с.

Порус, Бажанов, 2021 – *Порус В.Н., Бажанов В.А.* Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 4. С. 15–33.

Степин 2000 – *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

Харауэй, 2022 – *Харауэй Д.* Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32 (1). С. 237–271.

References

Carrier, 1989 – Carrier, D. “Erwin Panofsky, Leo Steinberg, David Carrier: The Problem of Objectivity in Art Historical Interpretation”, *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 1989, vol. 47, no. 4, pp. 333–347.

Cronin, 1956 – Cronin, T.J. *Objective Being: in Descartes' Thought and in a Source of Descartes: Theses PH.D.* Toronto, 1956.

Daston, Galison, 2010 – Daston, L. & Galison, P. *Objectivity*. Zone Books, New York, 2010.

Daston, L. “Nauchnaja objektivnost' so slovami i bez slov” [Scientific Objectivity With and Without Words], in: D. Aleksandrov, M. Hagner (eds.) *Nauka i nauchnost' v istoricheskoy perspective*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge; Aleteija, 2007, pp. 37–71. (Trans. into Russian)

Dear, 1992 – Dear, P. “From Truth to Disinterestedness in Seventeenth Century”, *Social Studies of Science*, 1992, no. 22, pp. 619–631.

Deleuze, G., Gvattari, F. *Chto takoe filosofija?* [Qu'est-ce que la philosophie]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2009. (Trans. into Russian)

Douglas, 2004 – Douglas, H. “The Irreducible Complexity of Objectivity”, *Synthese*, 2004, vol. 138, no. 3, pp. 453–473. DOI: 10.1023/b:synt.0000016451.18182.91.

Galison, 2015 – Galison, P. “The Journalist, the Scientist, and Objectivity”, in: F. Padovani, H. Eichardson & Tsou, Y. (eds.) *Objectivity in Science*. Springer, 2015, pp. 57–75.

Goclenii, 1968 – Goclenii, R. “Certitudo”, in: Goclinii, R. *Lexicon Philosophicum*. Darmstadt, Fotocop, 1968 (1613), p. 361.

Griftsova, I.N., Kozlova, N.Ju. “Idei filosofii jazyka R. Karnapa v kontekste konceptual'noj inzhenerii” [Rudolf Carnap's Ideas in Philosophy of Language in the Context of Conceptual Engineering], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2024, vol. 61, no. 1, pp. 122–133. (In Russian.) DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202461111>.

Gunton et al., 2022 – Gunton, R.M., Stafleu, M.D., & Reiss, M.J. “A General Theory of Objectivity: Contributions from the Reformational Philosophy Tradition”, *Foundations of Science*, 2022, vol. 27 (3), pp. 941–955. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10699-021-09809-x>.

Hacking, 2015 – Hacking, I. “Let's Not Talk about Objectivity”, in: F. Padovani, H. Richardson & Tsou, Y. (eds.) *Objectivity in Science*, ed. by Springer, 2015, pp. 19–34.

Haraway, D. “Situativnye znaniya: vopros o nauke v feminizme i preimushhestvo chastichnoj perspektivy” [Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective], *Logos*, 2022, vol. 32 (1), pp. 237–271. (Trans. into Russian)

Hegel, G.W.F. *Jenciklopedija filozofskih nauk* [Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse], vol. 1, Nauka logiki. Moscow: Mysl, 1974. (Trans. into Russian)

Hoyningen-Huene, 2023 – Hoyningen-Huene, P. “Objectivity, Value-free Science, and Inductive Risk”, *European Journal for Philosophy of Science*, 2023, vol. 13, article 14. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13194-023-00518-9>.

John, 2021 – John, S. *Objectivity in Science*. Cambridge University Press, 2021.

Kasavin, 2023 – Kasavin, I. *A Social Philosophy of Science. An Introduction*. Baden-Baden: NOMOS Verlag, 2023.

Koskinen, 2020 – Koskinen, I. “Defending a Risk Account of Scientific Objectivity”, *The British Journal for the Philosophy of Science*, 2020, vol. 71 (4), pp. 1187–1207. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjps/axy053>.

Lienhardt, 1964 – Lienhardt, G. “On the Concept of Objectivity in Social Anthropology”, *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1964, vol. 94, no. 1, pp. 1–10.

Longino, 1990 – Longino, H.E. *Science as a Social Knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry*. Princeton University Press, Princeton, 1990.

Lorenz, Ch. “Istoricheskoe znanie i istoricheskaja dejstvitel’nost’: v zashchitu ‘vnutrennego realizma’” [Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for ‘Internal Realism’], *Lichnost’. Kul’tura. Obshchestvo*, 2012, vol. XIV, iss. 1, no. 69–70. pp. 70–81, iss. 2, no. 71–72, pp. 89–98. (Trans. into Russian)

Mamchur, E.A. *Obrazy nauki v sovremennoj kul’ture*. [Images of Science in Contemporary Culture]. Kanon+, Moscow, 2008. (In Russian)

Megill, 1994 – Megill, A. “Introduction: Four Senses of Objectivity”, in: A. Megill (ed.) *Rethinking Objectivity*. Duke University Press, Durham, London, 1994, pp. 1–20.

Moreira et al., 2009 – Moreira, T., May, C., Bond, J. “Regulatory Objectivity in Action: Mild Cognitive Impairment and the Collective Production of Uncertainty”, *Social Studies of Science*, 2009, vol. 39, no. 5, Biomedical Conventions and Regulatory Objectivity, 2009, pp. 665–690. DOI: <https://doi.org/10.1177/030631270910348>.

Pereira, 2007 – Pereira, J. *Suares: Between Scholasticism and Modernity*. Marquette University Press, Milwaukee, 2007.

Porter, 1995 – Porter, T.M. *Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life*. Princeton University Press, Princeton, 1995.

Porus, V.N., Bazhanov, V.A. “Postnormal’naya nauka: mezhdru Stilloj neopredelennosti i Kharibdoj politizatsii znaniya” [Post-Normal Science: Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge], *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, vol. 5 (4), pp. 15–33. (In Russian)

Rudner, 1953 – Rudner, R. “The Scientist qua Scientist Makes Value Judgments”, *Philosophy of Science*, 1953, vol. 20 (1), pp. 1–6.

Sciortino, 2021 – Sciortino, L. “The Emergence of Objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking”, *Studies in History and Philosophy of Science Part A*, 2021, vol. 88, pp. 128–137. DOI: 10.1016/j.shpsa.2021.06.005.

Stepin, V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Tradicija, 2000. (In Russian)

Vdovina, G.V. “Sushhee i real’nost’ v metafizike Fransisko Suaresa” [Being and Reality in the Metaphysics of Francisco Suarez], in: Francisco Suarez. *Metafizicheskie rassuzhdenija* [Metaphysical Disputations]. Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, Moscow, 2007, pp. 87–415. (In Russian)

«Виды природы» И КОММУНИКАТИВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ*

Антоновский Александр

Юрьевич – доктор философских наук, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: antonovski@hotmail.com

В статье ставится проблема дисциплинарной дифференциации современных наук и вопрос о том, отвечает ли их таксономическое и структурное разнообразие фактической дифференциации уровней и видов природы, существующих объективно в своей автономности. Или сами дисциплины конституируют собственные домены в континуальном и целостном теле природы? В поисках решения этой дилеммы предлагается рассматривать науку как коммуникативную систему, где каждое высказывание (публикация) получает определение в предметном, социальном и темпоральном измерении. Коммуникативные измерения предлагается рассматривать в качестве принципов дифференциации научных дисциплин с функцией «прерывателя природной континуальности». Соответственно, выделяются (1) фундаментальные науки, ориентированные предметно; (2) дисциплины, ориентированные на внешние – социальные – запросы из сопредельных науке коммуникативных систем, а также – дисциплины, кристаллизирующиеся в ответ на эпохальные вызовы времени. Обосновывается, что такого рода когнитивное обособление научных доменов сопровождается противоположной – интегративной – тенденцией. Последняя связывается, во-первых, с социально-структурными и социально-нормативными требованиями со стороны научно-образовательных функций науки, закрепленных в социальных структурах факультетов и кафедр. Во-вторых, выводится из континуального, холистического и иерархически организованного внешнего мира природы, не допускающего резких разрывов и прерываний.

Ключевые слова: естественные виды, таксономии, научные классификации, наука как коммуникативная система, научные дисциплины

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» в МРОО «Русское общество истории и философии науки». The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of grant 24-18-00183 “Taxonomies in the ontological, methodological and disciplinary structures of science” in Inter-Regional Non-Government Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”.

“NATURAL KINDS” AND COMMUNICATIVE DIMENSIONS OF DISCIPLINARY DIFFERENTIATION

Alexander Yu. Antonovski –
DSc in Philosophy, Researcher.
Inter-Regional Non-Government
Organization “Russian Society
of History and Philosophy
of Science”.
1/36 Lyalin Lane, build. 2,
Moscow 105062,
Russian Federations;
e-mail: antonovski@hotmail.
com

The article raises the problem of disciplinary differentiation of modern sciences and the question of whether their taxonomic and structural diversity corresponds to the actual differentiation of levels and kinds of nature that exist objectively in their autonomy? Or do the disciplines themselves constitute their own domains in the continuous and integral body of nature? In search of a solution to this dilemma, it is proposed to consider science as a communicative system, where each statement (publication) is defined in subject, social and temporal dimensions. These communicative dimensions are proposed to be considered as principles of differentiation of scientific disciplines with the function of “breaker of natural continuity”. Accordingly, I distinguish (1) fundamental sciences oriented subject-wise; (2) disciplines oriented to external (social) requests from communicative systems adjacent to science, as well as disciplines crystallizing in response to epochal challenges of the time. It is substantiated that this kind of cognitive isolation of scientific domains is accompanied by an opposite – integrative – tendency. The latter is associated, firstly, with the socio-structural and socio-normative requirements of the scientific and educational functions of science, enshrined in the social structures of faculties and departments. Secondly, it is derived from the continuous, holistic and hierarchically organized external world of nature, which does not allow for sharp breaks and interruptions.

Keywords: natural kinds, taxonomies, scientific classifications, science as a communicative system, scientific disciplines

Проблема: являются ли дисциплинарные границы следствиями различий «видов природы»? Реализм и антиреализм

Процесс дисциплинарной дифференциации наук имеет своим коррелятом типологическое разнообразие природы. Фундаментальный вопрос, который возникает в отношении этой сопряженности, состоит в том, что первично: дифференциация сообществ, выбирающих собственные цели исследования и в соответствии с ними фиксирующих некий «вид природы», или же в самой природе обнаруживаются разрывы однородностей, четко отграниченные домены, принуждающие исследователей к дисциплинарной специализации?¹ Являются ли

¹ В социальном познании эта оппозиция, в свою очередь, разделила исследователей: «Классификации людей лежат в основе классификации вещей», – утверждает

«виды природы» объективно данными или теоретическими конструктами? Сегодня на этот счет нет согласия в философии науки [Dupré, 2005]. Эссенциализм (реализм) исходит из того, что «виды природы» существуют не только вследствие познавательного интереса соответствующих сообществ, но определены множеством объективных дистинкций, разрывов однородности, распадающейся на отдельные популяции, элементы, системы, сообщества и т.д. Фиксация таких (объективно данных) границ и обеспечивают предсказательный, объяснительный и индуктивный успех науки. В этом смысле исследователи и дисциплины словно «раскраивают природу вдоль ее суставов». С другой стороны, такого рода «суставов» или разрывов однородности оказывается избыточно много. Поэтому их приходится выбирать, ориентируясь на те или иные исследовательские, в каком-то смысле идиосинкразийные и даже материальные интересы и цели ученых.

Антиреализм постулирует, что типологическое разнообразие природы проистекает из той или иной теории или теоретической модели [Giere, 2006]. В каком смысле существуют модели, описываемые научными законами, под которые подводятся их «инстанциации», т.е. воплощающие их эмпирические феномены? Так, модель движения, описываемая в первом законе Ньютона, как известно, в принципе эмпирически нереализуема. Тем не менее она, как своего рода таксон, объединяет или включает в себя виды механического движения и сама служит «естественным видом». В социальной теории аналогом такого абстрактного таксона является «идеальный тип» действия.

Но как в таком случае различать между «видами природы» и объединять их в домены, изучаемые отдельными научными дисциплинами? Существует как минимум две попытки обосновать объективный характер «природных видов». Так, (1) фиксируют *границы* природных видов или (2) реконструируют специфические *каузальные механизмы*, определяющие феноменологическое своеобразие этих видов. Кажется, что у каждого вида природы должны быть свои причины (появления, развития и т.д.). Законы фиксируют воспроизводимые каузальные взаимодействия, что и позволяет дать *объяснение* тому или иному феномену в гемпелевском смысле. Фиксация специфических типов каузальных связей приводит к однородности феноменологическое разнообразие природных типов, регулярно воспроизводимых «кластеров свойств» или корреляций переменных.

Так, физические законы молекулярно-кинетической теории *объясняют* корреляции давления, объема и температуры. Это делает возможным фиксацию соответствующих видов (в данном случае –

Эмиль Дюркгейм. «Классификации классифицируют классификаторов» – уточняет Пьер Бурдьё.

газов). Очевидно, что такая фиксация типов каузальностей (физических, химических, биологических, социальных и т.д.) как основание для обособления природных видов имеет своим следствием обособление соответствующих научных дисциплин. Фиксация социальных каузальностей (например, корреляции религиозных доктрин и типов хозяйства М. Вебер, Дж. Коулман) делают возможным выделение «социальных видов»: типов религий, типов экономики и т.д., и одновременно служит оправданием для соответствующей дисциплины, в частности социологии.

Но есть ли у нас объективные наблюдательные средства, позволяющие отличить каузальные факторы, формирующие соответствующий вид, от конститутивных частей самих «видов природы»? Или представляет ли собой *социальное действие* отдельный вид природы, который требовал бы для себя соответствующей дисциплины, а именно – социологии? У каждого действия есть причины, например *желание* его совершить и *знание* о том, как это сделать. Но причины действия, как это принято в функционализме, вполне допустимо рассматривать и как *конститутивные условия* всякого действия, *входящие в него* как его подсистемы: действия адаптации, ценностно и нормативно ориентированные действия, целевые действия и интегративно-ориентированные действия. При этом каждая из этих функций, причин или подсистем действия может разрабатываться собственной дисциплиной: этологией, психологией, социологией и культурологией. И если так, то являются ли тогда означенные процессы или функции *каузальными* факторами действия или входят в его состав как конститутивные, *лишь аналитически различимые* части?

Итак, приходится констатировать, что у нас нет возможности объективного различения как между *границами* «природных видов», так и отдельными *каузальными* механизмами, позволяющими эти виды различить и классифицировать. Это не дает нам возможности рассматривать законы и регулярности как основания для выделения «природных видов» и, соответственно, – отдельных научных дисциплин, специализирующихся на отдельных природных видах – элементарных частицах, химических элементах, клетках, социальных действиях, ментальных актах.

Как же быть и какую методологию можно было бы использовать для анализа классификационных оснований дисциплин вместо непосредственного сопряжения «(под)дисциплина – вид природы»?

Тезис: дисциплинарная дифференциация описывается в смысловых измерениях коммуникации (темпоральном, предметном, социальном).

Наука является социальной коммуникативной системой, операции которой ориентированы и получают определенность в соответствующих коммуникативных горизонтах: *темпоральном, предметном*

и социальном. Доминирование того или иного системного измерения смысла научного высказывания во многом определяет кристаллизацию соответствующих дисциплин и поддисциплин. Согласно этой методологии: (1) всякое коммуникативное сообщение темпорально, поскольку получает свой смысл, ретроспективно отсылая к прошлым и подготавливая перспективу будущих высказываний; (2) всякое сообщение реферирует некоторую тему в предметном измерении и (3) ориентировано на социальные ожидания – консенсуса или конфликта, принятия или отклонения запроса со стороны соответствующего сообщества.

Научное исследование как коммуникативное сообщение или запрос на контакт, чтобы быть принятым системой науки, должно (1) фиксировать актуальную научную тему в предметном измерении коммуникации, (2) получить форму тезиса, допускающего верификацию и консенсусное решение о ее истинности или ложности, как правило, в ходе экспертного рецензирования статьи в социальном измерении, (3) заявить о новизне и временном приоритете относительно прошлых утверждений (в форме цитирования), предполагать проверяемые предсказания в темпоральном измерении.

Принятие или отклонение научного высказывания зависит от того, какие значения оно получает. Высказывание может быть прорывным во временном измерении, но не получить консенсусного признания научного сообщества в социальном и на этом основании отклоняться. Каждая дисциплина может таким образом пониматься как комплекс высказываний, ориентированный (в большей или меньшей степени) на то или иное измерение. Процесс обособления дисциплин коррелируют со специализацией по каждому из измерений. Так, (1) дифференцируются дисциплины, инореферентно-ориентированные в предметном измерении. Они типологизируют «природные виды», при том что процесс дифференциации тематик и предметная специализация продолжается *бесконечно* и зависит в том числе и от интересов самих исследователей, а парадоксы и нечеткости границ природных видов решаются образованием трансдисциплинарных дисциплин (физическая химия, молекулярная биология, социальная психология и т.д.). Традиционно такого рода науки характеризуются как фундаментальные. При этом фундаментальными могут быть и науки, которые свой предмет определяют самореферентно. Таковы *самореферентально-ориентированные* дисциплины (например, философия, социология, история и психология науки, историография как дисциплина, тематизирующая историю). Важным признаком фундаментальной науки является ее неопределенность в темпоральном измерении: непрерывное уточнение и разработка ее предмета, соответствующая внутренняя дифференциация (на субдисциплины, исследовательские группы) и специализация могут осуществляться бесконечно долго. Далее, (2) обособляются *социально-ориентированные*

дисциплины, отвечающие коммуникативной дифференциации внешнего социального мира науки, прежде всего структуре важнейших профессий современного общества (медицина, филология, юриспруденция, социология, культурология и т.д.). Наконец, (3) обособляются дисциплины (экология, геновая инженерия, фармакология, материаловедение, технонауки, генетика), ориентированные на *актуальные вызовы* со стороны внешнего мира в *темпоральном* измерении коммуникации. Речь идет об экологических вызовах, об актуальных болезнях (рак, эпидемии и т.д.), о производстве питания, генно-модифицированных продуктах, но также и о запросах со стороны индустрии, в условиях конкуренции (темпоральности), запрашивающей материалы с более оптимальными свойствами. Эти проблемно-ориентированные дисциплины, как правило, носят прикладной и междисциплинарный характер.

Рабочее определение научной дисциплины и природа внутренней дифференциации науки

Для анализа дисциплины мы пользуемся системно-теоретическим определением Рудольфа Штихве, согласно которому дисциплины суть формы *социальной институционализации* и *когнитивной дифференциации* наук [Stichweh, 2021]. Эмпирическими признаками дисциплины в таком определении выступают:

1. Наличие относительно однородного «*научного сообщества*».
2. Корпус научного знания, представленного в соответствующих учебниках (кодификация условий консенсуса в признании чего-то в качестве знания по дисциплине).
3. Некоторое множество относящихся к дисциплине *проблемопостановок*.
4. Множество исследовательских методов и парадигмальных решений проблем.
5. Дисциплинарно-специфическая карьерная траектория (отбор и индоктринация научной молодежи).

Если трактовать это определение в системно-коммуникативном контексте, то в нем можно обнаружить зафиксированные выше измерения смысла научной коммуникации. Так, научное сообщество («множество исследователей» с заданными предметными интересами) определяет *стабильность* предметного измерения научной коммуникации. Это так называемые *пир-ревьюеры*, образующие дисциплинарную элиту и определяющие экспертную политику научных журналов. В них задаются критерии истинности соответствующего знания, и знание их содержания отвечает за начальную инклюзию в научное сообщество.

Но эта стабильность может быть подорвана в темпоральном измерении, от которого и следует ожидать инноваций. Статус или индекс *проблемы*, который приписывается некоторому знанию, – это третье значение в структуре бинарного кода *истины/ложь* как регулятора социального согласия в науке. Если индекс *истинности* фиксирует социальный консенсус, а приписывание ложности в ходе критики провоцирует конфликт, то статус знания как *проблемного* выводит знание из-под прессинга социального контроля и – например, в формате рабочей гипотезы – позволяет формулировать самые смелые и рискованные предположения, не боясь социального осуждения. Время покажет, кто был прав. В том же темпоральном измерении можно рассматривать карьерные траектории молодых исследователей, привносящих новые исследовательские интересы, нарушающие гомогенность научного сообщества.

Исторически в XIX в. в процессе профессионализации науки возникает три комплекса дисциплин. В естествознании прежде всего выделяются химия и физика, а в гуманитарных науках – классическая филология и история. Затем как результат синтеза методов естествознания и гуманитарных наук возникают социальные науки или науки о действии. Коррелятивно этому процессу осуществляется соответствующее преобразование университетов. Функция университета – социально упорядочить, институционализировать текущую и аморфную когнитивную дифференциацию науки, ее специализацию, нередко ограничиваемую лишь интересом исследователя.

Таким образом, дисциплины, социально-институционализованные в виде факультетов и кафедр – и *дисциплинирующие* уже по самой своей семантике в фукодианском смысле, – выполняют функции *прерывателя* природной континуальности. Постепенно общие темы и проблемы естествознания (тепло, электричество, магнетизм) утрачивают *общенаучную* релевантность, преобразуются в дисциплинарно-специфические понятия *поля, энергии* и в итоге – закрепляются за предметно-обособившейся физикой. При этом то, что должно было бы попасть в междисциплинарную область связей физики и химии (например, такие *физические* факторы, как гравитация, температура, электричество, воздействующие на *химические* связи), благодаря данной дифференциалистской функции прерывания континуальности пропадает на время из поля зрения обеих дисциплин, с тем чтобы через 50 лет вернуться уже в формате новой транс-дисциплины – физической химии [Dolby, 1977]. При этом *функция прерывания*, институционально закрепленная в структуре факультетов, оказывается тормозящим эффектом в темпоральном измерении научной коммуникации и затрудняет коммуникации между дисциплинами. И наоборот, субдисциплины в дисциплинах, не институционализованных в формате факультетов и выходящие за дисциплинарные границы, как раз делают такую коммуникацию возможной

(в особенности в социальном измерении). Так, биологи встречаются с химиками в рамках молекулярной биологии, а социологи формулируют эпистемические концепции (STS, сильная программа в социологии знания и т.д.); социальная эпистемология, напротив, выделившись из философии, рассматривает науку как социальный институт и в этом аспекте приближается к социологии. Как часто бывает, полезная функция дисциплинарно-определенного прерывания континуальности видов природы, которую выполняет «архаическая» структура факультетов университетов, сопряжена с дисфункцией, затрудняющей отбор и стабилизацию дисциплинарных инноваций.

В современной социальной теории, начиная с Э. Дюркгейма, в качестве классического основания дифференциации постулируется различие механической (сегментарной) и органической (функциональной) солидарности. В случае *сегментарной* дифференциации структура и функционал сообществ воспроизводится в неизменном виде через внутренние подразделения структурно-аналогичных сообществ. Примером служат *сегментарные* родоплеменные образования, сельские общины или греческие полисы, образующие колонии, воспроизводящие те же социальные структуры, что и материнские политические образования.

Функциональная дифференциация предполагает обмен «достижениями» в результате разделения труда, где единство материнского сообщества поддерживается гетерогенной специализацией на разных функциях и последующим обменом функциональными достижениями. Так, политические сообщества специализируются на принятии и обеспечении коллективно обязательных решений в отношении других сообществ (социальный порядок), а экономические сообщества словно в обмен на такую защиту и упорядочивание обеспечивают дистрибуцию произведенных материальных благ, предоставляя их в распоряжение других сообществ. Функциональные единицы самосубститутивны в том смысле, что в своих базовых операциях не могут заменяться операциями других систем, а только своими собственными. Нельзя заменить дефицит товаров большим количеством произведений искусства, дефицит политических решений – истинными утверждениями.

Наука как коммуникативная система, специализирующаяся на когнитивной функции производства и проверки истинного знания, на научном исследовании, которое, кроме нее, никто осуществить не в состоянии, возникает в форме именно *функционально* обособившейся системы. Свой научный продукт она поставляет в распоряжение других сообществ в обмен на прежде всего финансовую и организационную, правовую поддержку со стороны своего *внутреннего внешнего мира*. Однако это еще не гарантирует, что и дифференциация дисциплин должна следовать *исключительно* функционально-

дифференциалистской логике. Так возникает вопрос о природе научной дисциплинарной дифференциации.

С одной стороны, очевидно, что центральная для науки функция – научное исследование внешнего мира в форме проверяемых истинностных пропозиций – воспроизводится и во внутренних сегментах науки – дисциплинах и субдисциплинах. При этом социальная структура этих сегментов тоже довольно однородна (ролевая структура научных организаций, номенклатура должностей, карьерные научные траектории). С другой стороны, субдисциплины обладают элементами функциональной дифференциации, прежде всего когнитивной автономией в выборе предмета научного интереса и, как следствие, – самосубституитивностью. Нельзя помочь разрешению проблемы социальной теории привлечением биологических обоснований общественного поведения. И все же нельзя сказать, что дисциплины (по крайней мере, на регулярной основе) *обмениваются* своими достижениями, истинными высказываниями друг с другом, обеспечивая тем самым органически-солидарное функционирование науки как целостности.

И в то же время эта относительная автономия дисциплины в вопросе выбора ее предметного домена должна быть совмещена с той обязательностью и объективностью, которых требует от нее ее предметная область в функции определения истинности (truth-maker) научных высказываний. Истинность научных высказываний как условие консенсуса в социальном измерении должна быть совмещена с инновативностью и *свободным* критическим отклонением любой истины в темпоральном измерении, свободным выбором предметной дисциплинарной перспективы (аспекта, проблемы) в предметном измерении.

Такого рода *тройкая* определенность характеризует не только саму дисциплину, но и науку в целом и выступает в качестве основания обособления самих дисциплин, каждая из которых как бы «выбирает» для себя то или иное *доминантное* измерение (при этом, конечно, сохраняя внутри себя ориентацию на все три вышеозначенных основания).

Так, социальные науки ориентированы предметно в формате *самореферентной предметности* (исследуют *внутренний* внешний мир науки, общество и его подсистемы). Дальнейшая дисциплинарная дифференциация социальных наук (в *предметном* измерении) может – во времени – продолжаться бесконечно. Но обособление ключевых поддисциплин (теории социальной дифференциации, теории социальной эволюции и теории социальных медиа) отвечают той же базовой структуре смысловых измерений. Так возникает теоретическая проблема. Требуется объяснить ту фактическую дифференциацию научных дисциплин, с которой мы имеем дело.

Темпоральное измерение в дисциплинарной дистинкции *hard/soft-sciences*

Нет недостатка в многочисленных попытках зафиксировать основания, определяющие эмпирически состоявшуюся дисциплинарную матрицу современной науки. Тот же Р. Штихве фиксирует такие измерения, как «формализация и математизация, точность и абстрактность применяемых понятий», открытость или самодостаточность дисциплинарной понятийности. Эти дистинкции в числе прочих выступают критериями, позволяющими прерывать и континуальность самих научных дисциплин (как внешнего внутреннего мира для философии науки и эпистемологии), различая их на дисциплинарные комплексы. Одним из такого рода ведущих различий дисциплинарных комплексов является дистинкция *hard/soft-sciences*. Эта классификация является довольно разработанной и именно в аспекте научной коммуникации.

В этом контексте «жесткие» науки, среди прочего, характеризуются высокой степенью консенсуса, узким списком тематических журналов, игнорированием литературы из смежных дисциплин, редкостью отклонений статей в журналах, высокой частотой работ в соавторстве, переходом от монографий к оперативной публикации журнальных статей и, как следствие, – стремительным обновлением корпуса научного знания и устареванием знания прошлого. Представляется, что именно *темпоральное измерение* коммуникации (в его структурных дистинкциях (*прежде/после, стабильное/нестабильное, прогресс/стагнация, зрелые/незрелые*)) оказывается ведущим для данного дисциплинарного различения и определяющим в том числе и выбор предметов исследования. И именно оно, на наш взгляд, определяет (1) отбор стремительно меняющихся тематик в «строгих» дисциплинах и, (2) напротив, – реитирации тематик в «мягких» дисциплинах (в предметном измерении); а также отсутствие серьезной конкуренции в строгих дисциплинах и, напротив, избыточную конкуренцию в мягких дисциплинах (в социальном измерении).

Если стабильность строгих дисциплин носит динамический характер, т.е. обеспечивается – парадоксальным образом – быстрым обновлением научного знания (и в этом смысле – прогрессом), то стабильность мягких дисциплин в большей степени легитимируется апелляцией к темпоральной семантике: прежде всего – к его вневременности: «вечные проблемы человека», «сова Минервы вылетает в полночь».

Социальное и предметное измерение смысла в дистинкции когнитивных/нормативных ожиданий

Итак, теоретико-познавательную проблему (научного) *реализма-анти-реализма*, заявленную во введении, мы переводим в практический план анализа социальной теории. Научное познание тем или иным образом институциализируется и, значит, может быть рассмотрено не только в чисто когнитивном смысле, но и социально-эмпирически. Последнее может быть уточнено в трех вопросах:

1. как наука обособляется или дифференцируется как особая система коммуникации, отличная от политики, хозяйства, искусства, религии и т.д.?
2. как наука в свою очередь дифференцируется на дисциплины?
3. как дифференцируются дисциплины?

Этот процесс дисциплинарной дифференциации структурно ориентирован на два фундаментальных типа ожидания²: *когнитивные и нормативные*. Когнитивные ожидания требуют учета реалий внешнего мира науки (ее предмета), а значит – допускают и даже требуют периодических разочарований в нормативных представлениях – уже утвердившихся генерализациях, законах, устойчивых взглядах на структуру природы и общества. Эти ожидания операционализируются в научной коммуникации в виде *критики*, ожидаемом отклонении теорий и журнальных статей, оппонировании диссертаций, игнорировании надоевших тематик и проблем («куновскими утратами» в широком смысле). В самом общем смысле когнитивные ожидания выражают свойства темпоральности научной коммуникации. Научная статья, представляющая новый тезис, новый взгляд или новый предмет исследования выражает это свойство, являющееся условием вариативности и инновативности науки.

Но когнитивные ожидания *фрагментируют* соответствующую дисциплину и в конечном счете выводит *субдисциплину за дисциплинарные рамки*, что отражает континуальность самой природы. Так, цитология уже выходит за пределы биологии, поскольку изучает молекулярные механизмы, лежащие в основе репликации и других функций клеток. Это показывают, что простого членения на дисциплины и поддисциплины оказывается недостаточным, прежде всего ввиду предположительной *континуальности* естественных видов. Это очевидно противоречит смыслу и функции дисциплины как

² Ожидания мы понимаем как социальные структуры общества, ориентиры для действий и коммуникаций.

прерывателя природной континуальности. В то же время отмечается тенденция превращения субдисциплин в полноценные научные дисциплины и утверждения в них новых нормативных ожиданий.

Нормативные ожидания, напротив, требуют восстановления и укрепления нормы даже в случае разочарования в ожиданиях. Научное цитирование, обращение к авторитетам, at hoc-объяснения, научные репутации, монографии, словари, справочники и энциклопедии, кодифицирующие наличное научное знание, выражают эти самореферентные свойства научной коммуникации, требующие *воспроизводства* научной парадигмы. Но прежде всего нормативные ожидания стабилизируются посредством организационной структуры дисциплин, номенклатуры научных должностей, системы госзаданий, социальных ролей в лабораториях и институтах, практически неотличимых в самых разных когнитивно-различных дисциплинах. Нормативные ожидания служат условием стабилизации научной коммуникации, обобщения широкого круга лиц, посвященных в стабилизированное научное знание. Нормативная ориентация обеспечивают функционирование больших и когнитивно-гомогенных коллективов, объединенных общим, неспециальным и актуально непроблематизируемым знанием. Как правило, эти нормативные ожидания институционализированы в кафедральной структуре факультета, в университетских программах обучения и т.д. В грубом приближении можно утверждать, что нормативные ожидания, институционализированные в структуре университетов, факультетов и кафедр, удерживают дисциплинарные рамки и обеспечивают *функцию прерывания* континуальности природы, а когнитивные ожидания, напротив, подрывают единство дисциплины, выводят дисциплину за ее предметные границы. Если в когнитивном срезе дисциплины отличаются друг от друга и дифференцированы функционально, то в нормативном срезе дисциплины похожи и в этом смысле дифференцированы сегментарно.

Можно ли, не теряя функции прерывания, иерархизировать дисциплины и утверждать континуальность науки вопреки очевидным доменным разграничениям? Эту задачу можно понимать как задачу поиска объединяющей семантики понятия науки [Harris, 2005]. Ее отчасти решают трансдисциплины путем взаимного наложения, способные перекрывать дисциплинарные границы. Подобную «теорию чешуйчатого покрытия» фрагментированных доменов науки развивает Дональд Кэмпбелл [Campbell, 1969].

Социальная интеграция науки и новое дисциплинарное обособление

Доведенная до субдисциплинарности внутренняя *дифференциация* науки выступает и условием коммуникативной *интеграции* науки. С системно-коммуникативной точки зрения всякая система воспроизводится как граница между собой и (обсуждаемым и *тематически* представленным в ней) *внешним миром*. Когнитивно перерабатывая этот мир, наука дифференцируется в соответствии (1) с его многообразием и (2) со своей способностью распадаться на исследовательские группы с идиосинкразийным интересом к конкретному аспекту природы.

Однако в своей *социальной* ипостаси наука не может не реагировать и на свой внутренний (социальный) внешний мир – на сопредельные ей коммуникативные системы. И именно в отношении к этому миру ей приходится выступать неким *единым* агентом, субъектом или так или иначе отвечать на коммуникативные запросы из этого мира, во многом реагируя на то, что и самому этому внешнему миру наука представляется как нечто дисциплинарно единое. Другими словами, дисциплины, *когнитивно отличные* друг от друга, структурно *однородны* (сегментарны) в их коммуникации с научной публикой, другими коммуникативными системами: политикой, хозяйством, образованием, правом, религией и т.д.

Эта субъектность науки в целом обособывается прежде всего необходимостью защититься в своем специфически монопольном праве называть вещи своими именами, квалифицировать высказывания о мире как истинные или ложные и составлять из них комплексы в виде теорий, проверять их валидность с помощью научных методов. Эта защита корпоративных ценностей научного этоса (организованного критицизма или скептицизма по отношению к любой реальности, свободного обмена знанием внутри себя) сегодня, очевидно, является нетривиальной задачей. Но одновременно всем без исключения дисциплинам требуются ресурсы, поставляемые внешними для науки социальными системами. Образование должно дать специалистов, а хозяйство и политика – предоставить финансирование.

«Дайте денег и не мешайте» – так можно резюмировать общедисциплинарный принцип коммуникации науки и публики, так или иначе заставляющий сотрудничать между собой даже самые далекие друг от друга дисциплины. В борьбе за эти две общедисциплинарные функции наука парадоксальным образом распадается во второй раз. За полученные деньги и свободу она предлагает определенную компенсацию, а именно – обеспечивает функционирование *профессий*, на каждую из которых работает соответствующая дисциплина. Именно этот функционал обеспечения социально значимых профессий

требует обособления филологии (профессия учителя), геологии, юриспруденции, медицины, политологии, экономики, химии. Сюда же можно отнести и прикладные дисциплины, инженерное дело и многие другие. В этом смысле социальное измерение научной коммуникации требует междисциплинарных подходов.

Кроме того, право на исследовательскую свободу (поскольку за каждым правом стоит чья-то обязанность) обеспечивается специфическими «силовыми структурами». В науке действует некая «научная полиция нравов», которой надлежит следить за тем, чтобы ценности других систем (например, ценности, идеологии, власть или деньги) не подменяли ценности научного этоса. «Научная полиция» (в ее трансдисциплинарном формате как СТС, социальная эпистемология, социология науки, наукометрия) самореференциально обосновывает и концептуализирует специфические ценности научного этоса, эпистемологические добродетели [Касавин, 2019; Шиповалова, 2014] и т.д. *Так кристаллизуется комплекс дисциплин, отвечающий за поддержание системной исключительности науки через контакт с социальным внешним миром науки. Мы обозначили выше этот тип обособления как реализующийся в социальном измерении коммуникации.*

Но и в предметном измерении фиксируются интегративные перспективы науки, за которые отвечают трансдисциплинарно-ориентированные дисциплины (социальная психология, физическая химия, биофизика, молекулярная биология и т.д.). В этом случае междисциплинарные связи отвечают континуальности, нечеткости границ самих «видов природы», образующих иерархию взаимопроникающих уровней. На нижних или более фундаментальных уровнях образуются элементы, которые на следующих более высоких уровнях инкорпорированы в единства. Атомы и элементарные частицы как предмет анализа физики образуют молекулярные связи, изучаемые химией. Ментальные акты и социальные действия, предмет анализа психологии и социологии, образуют единства (в виде коммуникативного акта), изучаемые в социальной психологии. Этот инореферентный вызов требует гибридных дисциплин и образования той самой «дисциплинарной чешуи» [Campbell, 1969], покрывающей «тело природы» и нейтрализующей противоположность дискретности и непрерывности «естественных видов». Такие дисциплинарные иерархии отражают холистический, единый и континуальный характер внешнего мира, сохраняя при этом функцию науки как прерывателя континуальности природы.

Различие между дисциплинами проистекает из свойств самой иерархии природы. Ее уровни существенно отличаются по их сложности, вертикально возрастающей по мере эволюции природных видов в направлении от неживой материи к живой природе, психическим и социальным системам. Это означает, что различия между

уровнями в предметном измерении науки определяют темпоральные дистинкции: различия в «когнитивной зрелости» дисциплин, дисциплинарно различающуюся динамику научного прогресса. Soft-sciences как менее зрелые и «запаздывающие» дисциплины имеют дело с эволюционно «более поздними» природными видами (обществом, сознанием). При этом нормативность «более зрелых» и «более ранних» строгих дисциплин, имеющих дело с менее сложным миром, словно навязывается «более поздним» «мягким дисциплинам». В этом случае предметное измерение доминирует также и над социальным, прежде всего в вопросе исследовательских и публикационных стандартов, критериев проблемопостановок и проблемных решений, стандартов научной аргументации и структуры научных публикаций. Предметная иерархия уровней природы делает возможным интеграцию науки путем трансляции стандартов от более зрелых к более молодым дисциплинам. В более глобальном смысле это означает, что социальная иерархия (основанная на различиях репутаций представителей разных наук, престиже соответствующих научных профессий, различающихся общественных оценках «социальных заслуг» «физиков» и «лириков») отвечает и следует за «предметной» иерархией природой. Представители мягких наук в своей коммуникации вынуждены принимать стиль и стандарты «жесткой» или «строгой» естественнонаучной коммуникации.

Заключение

Природа как внешний мир науки не дает возможности проводить жесткие разграничения предметных областей, которые бы служили для соответствующего структурного дисциплинарного деления науки. Естественные виды выказывают свойства непрерывности, и науки ориентируются на это путем создания все новых и новых трансдисциплинарных областей, призванных заполнить образующиеся лакуны между доменами ранее утвердившихся наук. Тем не менее и трансдисциплинарные подходы в конечном счете обретают формат стандартных дисциплин, обзаводятся необходимой дисциплинарной инфраструктурой, институционализируются и начинают воспроизводить важнейшую задачу науки – препарировать и «разрезать природу вдоль ее суставов», осуществлять функцию «прерывателя континуальности» как основное ее когнитивной автономии.

Параллельно силам дифференциации действует и тренд на интеграцию, источником которого являются единство и иерархический порядок природы, принуждающий науку к тому, чтобы в ней самой выстраивать соответствующие дисциплинарные иерархии, образующиеся словно *вслед* за эволюцией природы – в направлении

от более простых и фундаментальных уровней к эмерджентным свойствам живой, психической и социальной реальности. Именно это обстоятельство указывает на доминирующий характер темпорального измерения в кристаллизации все новых и новых дисциплин, где более зрелые (и ранее утвердившиеся) дисциплины определяют нормы и стандарты научного исследования. Темпоральные различия лежат и в основе дисциплинарных различий (прежде всего между «строгими» и «мягкими» науками), образующихся вопреки континуальности природы, но облегчающих когнитивную переработку реальности. Время «течет быстрее» в ранее кристаллизовавшихся дисциплинах, что во многом предопределяет социальные и предметные эффекты (различие в конкуренции, принятии статей, в степени тематической специализации).

Однако дисциплинарные различия и сами нестабильны (темпоральны!). Неизбежная внутренняя дифференциация, появление субдисциплин выводят дисциплину за пределы ее дисциплинарного домена и этим парадоксальным образом *интегрируют* науку, разрушая сложившиеся дисциплинарные иерархии. Так, социология в своих специфических изводах («Сильная программа», «Теория коммуникативных систем») ставит *философские* вопросы научной истины. Выделившаяся из биологии теория органической эволюции ставит вопросы о принципах эволюции неживых, психических и социальных систем. Теория коммуникации, обособившаяся в социологии, связывает психологию, социологию, лингвистику, информатику и теорию эволюции. Генетика, цитология в форме молекулярной биологии интегрирует химию и биологию.

Но и это все менее «зернистое» и более детализированное дисциплинарное покрытие «тела природы» не отражает всего природного многообразия в его *фактической* дифференциации. Ведь эта классификация осуществлена лишь в одном, а именно – в *предметном* (инореферентном) измерении научной коммуникации, и реализуется лишь в одной из ипостасей различия *система/внешний мир*. Между тем в социальном и темпоральном измерениях наука вынуждена учитывать и свой внутренний внешний мир, импульсы и запросы, поступающие из сопредельных социальных систем, прежде всего связанные со структурой профессий, но также и с вызовами из внешнего мира, требующими «безотлагательных» когнитивных реакций – на экологические угрозы, нарушения социального порядка, потребности в питании, болезни и эпидемии. В этих областях реализуется *междисциплинарная* интеграция науки, ориентированная на решение «социальных», а не собственно научных теоретических проблем.

Список литературы

Касавин, 2019 – Касавин И.Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 6–19.

Шиповалова, 2014 – Шиповалова Л.В. Объективность как научная ценность и добродетель: условия возможности // Альманах «Дискурсы этики». 2014–2015. Т. 4 (9) 2014 / 1 (10) 2015. С. 95–110.

References

Campbell, 1969 – Campbell, D.T. “Ethnocentrism of Disciplines and the Fish-scale Model of Omniscience”, in: M. Sherif & C.W. Sherif (eds.) *Interdisciplinary Relationships in the Social Sciences*, Chicago: Aldine, 1969, pp. 328–348.

Clark, Chalmers, 1998 – Clark, A., Chalmers, D.J. “The Extended Mind”, *Analysis*, 1998, no. 58 (1), pp. 7–19.

Dolby, 1977 – Dolby, R.G.A. “The Transmission of Two New Scientific Disciplines from Europe to North America in the late Nineteenth Century”, *Annals of Science*, 1977, vol. 34, pp. 287–310.

Dupré, 2000 – Dupré, J. “Natural Kinds”, in: Newton-Smith, W. (ed.) *A Companion to the Philosophy of Science*. Oxford: Blackwell, 2000, pp. 311–319.

Epstein, 2016 – Epstein, B.A. “Framework of Social Ontology”, *Philosophy of Social Sciences*, 2016, vol. 46, no. 2, pp. 147–167.

Giere, 2006 – Giere, R.N. *Scientific Perspectivism*. Chicago: University of Chicago Press, 2006.

Harris, 2005 – Harris, R. *The Semantics of Science*. London, New York: Continuum International Publishing Group Ltd., 2005.

Kasavin, 2019 – Kasavin, I.T. “Epistemologiya dobrodetel'ej: k sorokaletiyu povorota v analiticheskoy filosofii” [Epistemology of Virtues: On the Fortieth Anniversary of the Turn in Analytical Philosophy], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, no. 3, pp. 6–19. (In Russian)

Knorr, 1978 – Knorr, K.D. “The Nature of Scientific Consensus and the Case of the Social Sciences”, *International Journal of Sociology*, 1978, vol. 8, no. 1/2, pp. 113–145.

Ruphy, 2010 – Ruphy, S. “Are Stellar Kinds Natural Kinds? A Challenging Newcomer in the Monism/Pluralism and Realism/Antirealism Debates”, *Philosophy of Science*, 2010, vol. 77 (5), pp. 1109–1120.

Shipovalova, 2014 – Shipovalova, L.V. “Ob’ektivnost’ kak nauchnaya cennost’ i dobrodetel’: usloviya vozmozhnosti” [Objectivity as a Scientific Value and Virtue: Conditions of Possibility], *Diskursy etiki*, 2014, no. 4 (9), 2015, no. 1 (10), pp. 95–110. (In Russian)

Stichweh, 2004 – Stichweh, R. *Wissenschaftler. Der Mensch des 20. Jahrhunderts*. Essen: Magnus Verlag, 2004, pp. 163–196.

Stichweh, 2021 – Stichweh, R. „Disziplinarität, Interdisziplinarität, Transdisziplinarität. Strukturwandel des Wissenschaftssystems (1750–2020)“, in: Schmoehl, T., Philipp, Th., Schabert, J. *Handbuch Transdisziplinäre Didaktik*. Bielefeld, 2021, S. 433–448.

ДЕМАРКАЦИЯ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН: РАЗДЕЛЕНИЕ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ?*

Сахарова Анна Владимировна – кандидат филологических наук, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2; e-mail: hanna.lazareva@gmail.com

В статье – реплике на работу А.Ю. Антоновского «Виды природы и коммуникативные измерения дисциплинарной дифференциации» – ставится под сомнение базовая предпосылка автора стартовой для дискуссии статьи о возможности анализа некоторой «целой» науки, которая, как предполагается, может быть разделена на дисциплины по коммуникативным критериям. Приводятся аргументы о невозможности «разрезания науки на части» и предлагается концепция, основанная на первичности выделения дисциплин перед демаркацией науки. Коммуникативная методология, предложенная автором стартовой статьи, в этом случае оказывается хорошо применима к анализу отдельных дисциплин, но не к проведению границ между ними. Отдельно описано следующее из предложенного нами подхода понимание объекта исследования на основе базовых предпосылок дисциплины. Также высказаны гипотезы об особой роли субъекта науки в определении границ своей предметной области. В частности, решающую роль при описании границ дисциплины предлагается отвести лежащим в ее основе установкам, теориям и методологиям, формирующим объект исследования дисциплины и критерии истинности исследования. Описание этих факторов оказывается доступным исследователю, принадлежащему изучаемой предметной области. В связи с этим важную роль при описании границ дисциплины мы предлагаем отвести самим ученым, которые, реализуя свое право на самоопределение, сами обозначают границы своей науки.

Ключевые слова: таксономии, научные дисциплины, эпистемология, коммуникативная теория, научная коммуникация

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) в МРОО «Русское общество истории и философии науки». The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of grant 24-18-00183 “Taxonomies in the ontological, methodological and disciplinary structures of science” (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) in Inter-Regional Non-Government Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”.

DEMARCATIION OF SCIENTIFIC DISCIPLINES: SEPARATION OR INTEGRATION?

Anna V. Sakharova –
PhD in Philology, Researcher.
Inter-regional
Non-Governmental
Organization “Russian Society
of History and Philosophy
of Science”.
1/36 Lyalin Lane, Moscow
105062, Russian Federation;
e-mail: hanna.lazareva@
gmail.com

This response article to A.Yu. Antonovsky and T.D. Sokolova's work, “Types of Nature and Communicative Dimensions of Disciplinary Differentiation”, challenges the foundational assumption of their article that it is possible to analyze science as a “whole” entity, which can then be divided into separate disciplines based on communicative criteria. The response argues that science cannot be neatly “cut into parts” and instead proposes an alternative concept that prioritizes the autonomy of individual disciplines before attempting to delineate boundaries between science and non-science. While the communicative methodology introduced in the original article is acknowledged as useful for analyzing individual disciplines, it is deemed less effective for defining boundaries between them. The response outlines several key approaches: understanding the object of research through the fundamental principles of a discipline and hypothesizing about the specific role of the subject matter in shaping the scope of the discipline. It is argued that the boundaries of a discipline are primarily determined by the underlying attitudes, theories, and methodologies that define its research object and establish criteria for truth within that field. These elements are accessible primarily to researchers within the discipline itself. In this context, the response emphasizes the importance of granting scientists themselves a central role in defining the boundaries of their discipline. By exercising their right to self-determination, researchers can actively shape and delineate the contours of their field.

Keywords: taxonomies, scientific disciplines, epistemology, communication theory, scientific communication, science communication

А.Ю. Антоновский в статье «Виды природы и коммуникативные измерения дисциплинарной дифференциации» в качестве решения проблемы демаркации научных дисциплин предлагает коммуникативную концепцию. Представленная автором методология анализа, включающая темпоральный, предметный и социальный аспекты, на наш взгляд, достаточно хорошо продумана и может быть использована для анализа характеристик отдельных дисциплин, но вряд ли может быть достаточной для деления «единой» науки на дисциплины. Более того, мы выражаем сомнение, что любое нисходящее деление (основанное и на реалистических принципах, и на коммуникативных) может быть оценено как произвольное и субъективное. Аргументы автора, спорящие с реалистической интерпретацией разделения видов, кажутся нам рациональными и уместными. Однако эта же логика и аргументация, если мы ее перенесем с реалистического описания объектов природы на коммуникативное описание науки, может опровергнуть и предлагаемое самим автором разделение дисциплин на основании коммуникативных критериев. Парадоксально,

но получается, что автор, оспаривая реалистический подход, этими же аргументами может опровергнуть и свою коммуникативную концепцию.

Возможность «нисходящего» направления демаркации научных дисциплин

В основе исследования А.Ю. Антоновского лежит тезис, что существует некая цельная наука, которая разделяется на дисциплины по различным критериям. Однако, какие бы критерии мы ни выбрали, выбор пределов для разрывов между дисциплинами останется неочевиден. Рассмотрим аргументы автора исходной статьи, говорящие о невозможности объективного разделения видов природы, в приложении к коммуникативному подходу и его трем измерениям – темпоральному, предметному и социальному.

Первый аргумент связан с тем, что природа демонстрирует множество разрывов однородности, и совершенно не очевидно, как именно мы должны провести размежевание дисциплин. Приведем в пример физику. С точки зрения темпоральной не очень понятно, как ответить на вопрос, будет ли физикой физика Аристотеля или более «медленные» (в терминологии А.Ю. Антоновского) сферы физики, такие как механика. Возможность обозначения границ по социальному критерию также неочевидна, ведь физическое сообщество очень неоднородно и представители одних направлений физики не могут оценить работы коллег из другой сферы. Например, концептуальные рамки научных программ радиофизиков и физиков-материаловедов фактически не пересекаются, что делает невозможной представителям каждого из этих направлений оценить результаты другого. Внутри одной субдисциплины также могут быть представители конкурирующих теорий, которые могут по-разному оценивать работы оппонентов. Раздробленность научного сообщества не позволяет с однозначностью выстроить границы дисциплин по социальному критерию. У автора исходной статьи указано, что дробление дисциплин – нормальный процесс, но не выявлено явно, как определялась изначальная целостность, до дробления. С точки зрения предметности, даже понимаемой коммуникативно, мы возвращаемся к тому же вопросу о границах предметных сфер. Пусть в этом случае предметные области конструируются в результате коммуникации, однако принципы выделения границ также оказываются неясны.

Второй аргумент касался разрешающей способности наблюдения. В случае рассмотрения социального объекта – дисциплин – она может коррелировать с развитием теоретической базы. Изменение критериев выделения науки в философии науки в чем-то аналогично

развитию исследовательской оптики в естественных науках. У приверженцев логического позитивизма границы науки будут проходить совсем не там же, где их проведут исследователи, опирающиеся на принцип фальсификации. Здесь еще важно указать, что философы науки могут исследовать какую-либо одну дисциплину, что, по-видимому, может влиять и на их вариант дифференциации других дисциплин.

Если же при помощи коммуникативных критериев попытаться выделить более крупные группы наук – мягкие и жесткие, фундаментальные и прикладные, то мы опять столкнемся со сложностями. Предел классификации здесь также не может быть установлен: коммуникативное различение дисциплин мы можем проводить до последней науки. Более того, некоторые науки даже придется «разрезать» на несколько частей, отнеся, например, компьютерную лингвистику к жестким наукам, а социолингвистику – к мягким. При этом когнитивную лингвистику придется, по-видимому, делить пополам, а лингвистическая семантика с ее использованием языка логики вообще займет некоторую промежуточную позицию. Причем вероятно, что такой составной характер будет иметь большинство наук: «...междисциплинарное (не предполагающее при этом жестких границ каждой вовлеченной дисциплины) взаимодействие есть естественное состояние науки» [Касавин, 2004, с. 7]. Темпоральная неопределенность, предложенная в качестве критерия, также не кажется нам принципом, который может обозначить границы: если для фундаментальных исследований характерны неопределенные сроки для получения результата, это совсем не значит, что они не могут получать «проектное» финансирование (в наших реалиях, например, некоторое время назад в Российском фонде *фундаментальных исследований*). И вполне возможно, что результаты фундаментальной дисциплины неожиданно «сыграют» в каком-либо прикладном аспекте, как, например, исследования атома.

«Восходящее» направление демаркации научных дисциплин

Неопределенность такого «разрезания на части», на наш взгляд, непреодолима в онтологии, предполагающей выделение целой науки и разделение ее на дисциплины. Мы предлагаем следующий вариант выделения и дифференциации дисциплин, который, как нам кажется, позволит избежать этого парадокса (впрочем, вероятно, привести к другим).

Возможно, если мы хотим разобраться в логике выделения научных дисциплин, нам нужно отказаться от возможности определить

границы науки целиком и предположить первичность научной дисциплины перед наукой в целом. Различные дисциплины могут быть выделены на основании внутренних критериев: на основании аксиом, теорий, методов и объекта, которые конструируются внутри дисциплины. Они конструируют свой объект на языке своей дисциплины, причем выбору объекта для реферирования предшествует часто неосознаваемый ученым выбор предпосылок, языка описания, той или иной теории – основания для классификации. Предпосылки, предшествующие выбору объекта и влияющие на него, конструируются наукой на непроясненных внутри научной дисциплины основаниях: «Наука по определению – предпосылочное знание, т.е. всегда содержит в себе некоторые основания, которые не обосновываются в ней самой. Эта предпосылочность касается... сущности научных предметов, поскольку в самой науке подлежит не обсуждению, а изначальному принятию в качестве сущего то, что называется научной предметностью (химическое в химии, физическое в физике, “чет/нечет” в геометрии)» [Шиповалова, 2011, с. 98]. То есть в основе реконструкции в этом случае лежит комплекс методологических и теоретических предпосылок, позволяющих сформировать язык науки для кодирования определенной предметной области.

В этом случае границы между дисциплинами лежат на границах действия базовых предпосылок, которые позволяют на языке дисциплины реферировать какую-то предметную область, что позволяет дисциплине оформиться как системе знания по своим собственным правилам, со своими способами описания мира, теориями, классификациями и терминологическими системами: «Разного рода отношения между дисциплинами, в том числе и выходящие за границы всякой дисциплины, – это в сущности отношения между системами знания, которые могут анализироваться в разных аспектах» [Касавин, 2010, с. 64].

Сопутствующим выводом из такого подхода может стать тот факт, что мы теперь имеем дело не с системой взаимосвязанных дисциплин (как предполагается при «разрезании» целой науки), а с множеством отдельных дисциплинарных явлений, которые могут быть не связаны между собой. То есть совершенно не очевидно, что в этом случае описание и определение границ науки как единой системы знаний возможно в принципе. Далее, принимая такую разрозненную картину науки, при помощи той же коммуникативной методологии можно исследовать «сращения» наук и образования междисциплинарных областей. Вероятно, наука в итоге так и не «срастется» в единое целое, но, возможно, мы сможем рассматривать область науки как несколько крупных агломераций с «неровными краями» и «семейным сходством» дисциплин.

Научные дисциплины в поисках объекта

Вернемся к тезису о невозможности определения границ видов и, соответственно, предметов и границ дисциплин. На наш взгляд, дело тут не в том, что научные дисциплины не могут выделить свой объект (на что указывает А.Ю. Антоновский), а в том, что они и не должны этого делать. Если мы осознаем невозможность непосредственного познания природы и рассматриваем науку как предпосылочное знание, то и предмет дисциплины не берется из природы, а конструируется на основании методов и подходов, свойственных дисциплине.

В этом случае предмет дисциплины понимается не как природный, а как эпистемологический объект – объект, конструируемый той или иной областью знания. Один и тот же объект будет по-разному закодирован и изучен представителями разных наук. Категориальное членение мира в этом случае производится на основаниях и на языке той или иной дисциплины. И результат этого членения должен отвечать внутренним дисциплинарным критериям истинности, при этом сохраняя связь с реальным объектом и в той или иной степени и с той или иной позиции отражая его свойства, вероятно, никогда не «схватывая» его целиком.

Объекты описания у разных научных дисциплин могут физически совпадать, но результаты исследования будут различными за счет различных теоретических и методологических установок. Например, металлы как объект исследования изучает физика твердого тела, и физика, и химия, и механика, и материаловедение. И они прекрасно делят этот объект, исходя из задач, методологий исследования и языка описания. Описание одного объекта – металлов при помощи химических формул, физических формул или материаловедческого моделирования формирует из одного физического объекта различные эпистемологические объекты. Дисциплинарные матрицы (картины мира) задают «системно-структурное видение предмета научного исследования и тем самым репрезентируют представления о том или ином типе системной организации изучаемых объектов» [Степин, 2009, с. 250].

Конечно, ученые, работающие в той или иной дисциплинарной рамке, исходят из того, что они изучают реально существующий предмет. Отсутствие такой установки лишает смысла их деятельность, хоть они и имеют дело с реальностью только в том виде, в котором им это позволяют теоретические и методологические установки дисциплины. Но значит ли это, что где-то в мире, непосредственный анализ которого нам недоступен, не существуют реальные природные виды? Мы можем предположить их существование гипотетически, сославшись на то, что несмотря на все «промежуточные

фильтры», которые находятся между нами и природой, мы можем ухватить какие-то черты реальности. Аргументами, поддерживающими реально существующую предметность, стоящую за множеством социальных и когнитивных надстроек, оказываются, в терминологии А.Ю. Антоновского, темпоральный и социальный. В темпоральном горизонте научные теории и классификации обладают предсказательной силой, а в социальном – могут быть эмпирически проверены и не зависят от культурных и исторических контекстов.

Научные дисциплины в поисках субъекта

Когда речь идет о коммуникативности, мы не можем не обратиться к вопросу о субъекте в различных науках. Демаркация дисциплин, базирующаяся на теоретических и методологических основаниях, оказывается доступной только изнутри каждой из дисциплин и предполагает наблюдателя, находящегося внутри научной области и определяющего ее границы. В этом случае мы говорим не о критериях различения отдельных областей науки с позиции извне (как делает А.Ю. Антоновский), а о критериях определения границ отдельной дисциплинарной области изнутри. В этой логике различение может провести человек, настолько погруженный в дисциплинарную область, чтобы осознавать методологические и теоретические основания конкретной дисциплины. В этом случае картина осмысления границ дисциплин дробится на различных акторов, каждый из которых говорит только об известной ему области.

Обоснование этого тезиса, как нам кажется, возможно в логике лингвистических исследований.

Лингвисты, выделяя различные языки и отделяя их от диалектов, используют различные критерии. Это и структурные (фонетические, морфологические, синтаксические и пр.), и социально-политические критерии (совпадения границ распространения языков/диалектов с границами стран и регионов, сферы использования языков). Однако решение о различии языка и диалекта основывается в том числе и на самоидентификации носителя языка. Если провести аналогию, то в случае выделения различных дисциплин важнейшим критерием станет самоидентификация ученого как физика, биолога или филолога, которая основывается на базовых, часто неосознаваемых основаниях и аксиоматиках научной дисциплины. И в идеальном мире эту свободу в определении границ своей дисциплинарной области мы должны оставить ученым.

В реальности, конечно, это не так. На границы дисциплин, проводимые изнутри науки, накладываются жесткие институциональные рамки [Касавин, 2004, с. 7]. И здесь могут быть интересны

случаи несовпадения нормативных институциональных рамок, задаваемых извне, и внутренней логики развития науки: об этой ситуации пишут авторы, говоря о дистинкции когнитивных/нормативных ожиданий.

Выводы

В статье-реплике на работу А.Ю. Антоновского мы, не оспаривая общий методологический коммуникативный подход, попытались критически рассмотреть базовые установки, которые связаны с разделением «цельного» поля науки на дисциплины. Как нам кажется, сама идея разрезания «целого» с неявно очерченными границами не может быть методологически реализована при помощи коммуникативных инструментов, предлагаемых автором.

В качестве альтернативы мы предлагаем изменить направление взгляда на дифференциацию научных дисциплин с нисходящего (от науки к дисциплинам) на восходящий (от дисциплин к науке). Дисциплины предлагается рассматривать как более основательные, чем наука в целом, системы знаний, основанные на собственных теоретических и методологических предпосылках, исходя из которых они формируют свой предмет и выстраивают свои границы. Коммуникативный подход, предложенный А.Ю. Антоновским, в этом случае оказывается применим для анализа отдельных научных дисциплин, но не как критерий разделения их на виды.

Определение границ научной области без распространения ее критериев на другие научные сферы возможно с позиции субъекта, находящегося «внутри» той или иной науки. В связи с этим предлагается особую роль в определении границ дисциплины отвести самим исследователям или хорошо погруженным в контекст философам науки. Здесь нам кажется важным указать на право ученых на учет их субъективных представлений о своем предмете и о границах своих дисциплин. В пределе, конечно, мы рискуем попасть в ситуацию, когда чуть ли не у каждого ученого будет своя наука. Однако, по-видимому, такая перспектива пока не просматривается.

Предмет дисциплины также определяется изнутри науки – он не берется из природы, а конструируется как эпистемологический объект, к которому могут быть применены критерии истинности, выработанные в рассматриваемой области. То есть объект науки оказывается обусловлен установками, теориями, методами и границами дисциплины. Но эта обусловленность не может отменить реального существования этого объекта в мире и возможности его познания, хоть и всегда неполной и опосредованной. Этот тезис обосновывается

прагматическими аргументами об эффективности и универсальности результатов, полученных различными науками, а также интуициями самих исследователей. Без базового представления самих ученых о существовании (хотя бы где-то за границами нашего восприятия) реального объекта и хотя бы частичной возможности его исследования любая научная дисциплина теряет смысл.

Список литературы

Антоновский, 2025 – Антоновский А.Ю. Виды природы и коммуникативные измерения дисциплинарной дифференциации // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62. № 1. С. 22–38.

Касавин, 2004 – Касавин И.Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. 2004. № 2. С. 5–14.

Касавин, 2010 – Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61–73.

Сахарова, 2024 – Сахарова А.В. Таксономии и научные коммуникации: социокультурный подход к научным классификациям // Философский журнал. 2024. Т. 17. № 4. С. 144–156.

Степин, 2009 – Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295.

Шиповалова, 2011 – Шиповалова Л.В. О философском обосновании наук и научном достоинстве // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 3. С. 97–104.

References

Antonovski, A.Yu. “Vidy prirody i kommunikativnye izmereniya distsiplinaroi differentsiatsii” [Types of Nature and Communicative Dimensions of Disciplinary Differentiation], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2025, vol. 62, no. 1, pp. 22–43. (In Russian)

Kasavin, I.T. “Filosofiya poznaniya i ideya mezhdistsiplinarosti” [The Philosophy of Cognition and the Idea of Interdisciplinarity], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2004, no. 2, pp. 5–14. (In Russian)

Kasavin, I.T. “Mezhdistsiplinaroe issledovanie: k ponyatiyu i tipologii” [Interdisciplinary research: towards the concept and typology], *Voprosy filosofii*, 2010, no. 4, pp. 61–73. (In Russian)

Sakharova, A.V. “Taksonomii i nauchnye kommunikatsii: sotsiokul’turnyi podkhod k nauchnym klassifikatsiyam” [Taxonomies and Scientific Communications: A Sociocultural Approach to Scientific Classifications], *Filosofskii zhurnal – Philosophy Journal*, 2024, vol. 17, no. 4, pp. 144–156. (In Russian)

Shipovalova, L.V. “O filosofskom obosnovanii nauk i nauchnom dostoinstve” [On the Philosophical Justification of Sciences and Scientific Dignity], *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*, 2011, no. 3, pp. 97–104. (In Russian)

Stepin, V.S. “Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya” [Classics, Non-classics, Post-non-classics: Criteria of Distinction], *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-non-classics: Philosophy, Science, Culture]. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom «Mir», 2009, pp. 249–295. (In Russian)

КОММУНИКАТИВНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАУКИ: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ*

Масланов Евгений

Валерьевич –

кандидат философских наук,
исследователь.

Межрегиональная
общественная организация
«Русское общество истории
и философии науки».

Российская Федерация,
105062, Москва, Лялин пер.,
1/36, стр. 2;

e-mail: evgenmas@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению предложенной А.Ю. Антоновским коммуникативной классификации науки. Ключевая ее особенность – попытка избежать обращения к концепции естественных видов как основе построения классификации. Показано, что несмотря на стремление избавиться от этой идеи, она присутствует в ней. При этом представление естественных видов отдельных дисциплин как тематизаций исследовательского поля, вокруг которых она и формируется, позволяет избежать обращения к данной концепции. Это позволяет рассматривать исследовательские области как большие научные домены, которые в процессе коммуникации между учеными постепенно конкретизируются и превращаются в отдельные научные дисциплины. В этом случае развитие научного знания становится процессом формирования и расширения коммуникации как между учеными, так и между учеными и обществом. На наш взгляд, подобное уточнение позволяет сделать концепцию классификации наук на основе процессов коммуникации более прозрачной.

Ключевые слова: классификация наук, коммуникация, естественные виды, домены науки, социальная эпистемология

COMMUNICATIVE CLASSIFICATION OF SCIENCE: SOME COMMENTS

Evgeniy V. Maslanov –

PhD in Philosophy, Researcher,
Inter-Regional

Non-Government Organization
“Russian Society of History
and Philosophy of Science”.

1/36 Lyalin Lane, build. 2,
Moscow 105062,

Russian Federations;

e-mail: evgenmas@rambler.ru

The article is devoted to the consideration of the communicative classification of science proposed by Alexander Antonovski. Its key feature is an attempt to avoid referring to the concept of natural kinds as a basis for constructing the classification. It is shown that despite the desire to get rid of this idea, it is present in it. At the same time, the presentation of natural kinds of individual disciplines as thematizations of the research field, around which it is formed, allows us to avoid referring to this concept. This allows us to consider research areas as large scientific domains, which in the process of communication between scientists are gradually concretized and transformed into separate scientific disciplines. In this case, the development of scientific knowledge becomes a process of formation and expansion of communication

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) в МРОО «Русское общество истории и философии науки». The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of grant 24-18-00183 “Taxonomies in the ontological, methodological and disciplinary structures of science” (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) in Inter-Regional Non-Government Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”.

both between scientists and between scientists and society. In our opinion, such clarification allows us to make the concept of classification of sciences based on communication processes more transparent.

Keywords: classification of sciences, communication, natural kinds, domains of science, social epistemology

Вопрос о построении классификации знания имеет давнюю историю. Еще в Античности были предложены первые подходы к решению этой задачи. Обсуждение особенностей классификации новоевропейского научного знания проходит практически через всю историю его развития. Сначала, например, дискуссия была связана с его соотношением с теологией, а после ставится вопрос о классификации самого научного знания, о специфике естественных и гуманитарных наук. В своей статье Александр Юрьевич Антоновский обращает внимание на то, что подход, который кажется наиболее естественным, – классификация наук на основе объекта и предмета их изучения – не может рассматриваться как достаточно убедительный. По его мнению, связано это с тем, что он в неявном виде предполагает существование естественных видов, которые изучают дисциплины, но само их «выделение» представляет собой нетривиальную задачу. Более перспективным представляется построение классификации научного знания на основе рассмотрения науки как коммуникативной системы. Высказывание в ней должно: 1) фиксировать определенную научную тему (предметность науки); 2) получать форму тезиса, который может быть проанализирован другими участниками коммуникации (социальность науки); 3) заявлять о новизне и возможности использования сообщаемой информации (ее темпоральность). В этом случае научные дисциплины могут быть «классифицированы» относительно наиболее важного для каждой из них измерения коммуникации. Для фундаментальных наук основную роль играет «тематизация» «внешнего мира» науки, представленного в форме «природных видов», «парадоксы и нечеткости границ природных видов решаются образованием трансдисциплинарных дисциплин (физическая химия, молекулярная биология, социальная психология и т.д.)» [Антоновский 2025, с. 26]. Для них важную роль играет «неопределенность в темпоральном измерении» [Там же]. Второй тип оказывается связан с социально ориентированными дисциплинами, а третий предполагает поиск ответа на актуальные вызовы. А.Ю. Антоновский утверждает, что в итоге применения подобной классификации можно выделить различные дисциплинарные комплексы и показать специфику научного знания. Однако, на наш взгляд, подобная системы вызывает несколько важных вопросов. Остановимся на некоторых из них.

Один из тезисов А.Ю. Антоновского заключается в том, что «приходится констатировать, что у нас нет возможности объективного

различения как между *границами* “природных видов”, так и отдельными *каузальными* механизмами, позволяющими эти виды различить и классифицировать. Это не дает нам возможности рассматривать законы и регулярности как основания для выделения “природных видов” и, соответственно, – отдельных научных дисциплин, специализирующихся на отдельных природных видах...» [Антоновский, 2025, с. 25] При этом фундаментальные научные дисциплины оказываются связаны с «тематизацией» внешнего мира науки, представленного в форме естественных видов и иногда наук, изучающих самих себя в форме собственного внешнего мира (философия (как история философии), история социологии, история и философия науки и техники и ряд других научных дисциплин). В этом случае становится совершенно неясно, зачем надо было отказываться от классического использования концепции естественных видов для выстраивания классификации наук, ведь она сразу же была «возвращена» в первом механизме дифференциации. Возможно, теперь под ними можно понимать именно те объекты, которые изучают данные дисциплины, и поэтому для них они являются «естественными». Тогда, например, физик изучает «физическую реальность», к которой он имеет доступ благодаря своим теоретическим конструкциям и экспериментально полученным данным, а не непосредственно «реальность сама по себе». Конечно, это приводит к непоправимой странности в определении этих «объектов» не просто как определенного научно-теоретического конструкта, но и имеющего непосредственное отношения к реальности. Тем более что естественные виды одной из дисциплин могут терять этот статус в другой. Периодическая таблица химических элементов Д.И. Менделеева может рассматриваться как один из классических примеров «естественных видов», но ясно, что для ученых, работающих в области фундаментальных исследований в рамках физики высоких энергий, подобным статусом она не обладает – для них скорее бозоны и фермионы будут им обладать. Ян Хакинг отмечает, описывая историю применения этого понятия в англоязычной традиции и отдавая должное полученным в ней результатам, что «в настоящее время в ходу так много радикально несовместимых теорий естественных видов, что само понятие самоуничтожилось» [Hacking, 2007, p. 205].

При этом представляется, что обращение к ним оказывается ключевым элементом предложенной коммуникативной классификации. Именно они дают возможность разграничить «темпоральные» характеристики различных дисциплин. Так «фундаментальные» науки работают с естественными видами и именно поэтому не обременены «временным» измерением. Подобные сущности вечны, и поэтому их изучение вполне может игнорировать и темпоральное измерение, и, как следствие, социальное. Независимо от того, будет высказывание о них корректно оценено в этих измерениях или нет, оно получит

свою вечную «истинность», которая затем может быть обнаружена будущими исследователями или историками науки. При этом перед дисциплинами, предполагающими важность социальной оценки и темпоральности, стоят другие вызовы – они выстраивают описание социальной дифференциации и решают задачи, стоящие перед обществом. Однако «естественные виды» могут быть описаны не только как имеющие отношение к «объективной реальности», но и просто как сущности, тематизированные в процессе научной коммуникации. Тогда и объекты наук, ориентированных на темпоральность и социальность, становятся ими, а само понятие теряет какой-либо смысл, о чем и предупреждает Я. Хакинг. Правда, подобное понимание позволяет не отказаться от выдвинутых коммуникативных критериев классификации, а трансформировать сам механизм дифференциации.

В этом случае тематический компонент коммуникативной дифференциации науки связан не с выделением естественного вида, а формированием специфической исследовательской области. Она создается в процессе коммуникации между учеными, что предполагает набор базовых представлений о ее общих характеристиках и специфике взаимодействия с ней. К примеру, подобной областью исследования может выступать «Природа», но ее тематизация, а следовательно, и ключевые представления о том, что под ней можно понимать и как ее необходимо исследовать, могут быть различными. Так, изучаемая в Античности «Природа», понимаемая как фюсис, может не полностью совпадать с «Природой», изучаемой в современном естествознании [Ахутин, 1988]. Это позволяет описывать пространство различных дисциплин как специфических коммуникативных доменов. Доменные предпосылки определяют как их метафизику, так и механизмы работы с ними. Их усвоение происходит в процессе обучения категориальному языку описания области домена. «Попросту говоря, – замечает А.У. Гоулднер, – все эти конституирующие домены категории появляются и функционируют во многом подобно “стереотипам”» [Гоулднер, 2003, с. 58]. Уточнение категорий и, следовательно, появление новых поддоменов позволяет расширять имеющуюся дисциплинарную структуру внутри большого домена и создавать новые исследовательские поля.

Формирование этих единств как раз и связано с социальной компонентой коммуникации – только взаимодействие между учеными дает возможность им появиться. Дисциплинарная система науки оказывается производной от внутринаучной коммуникации и связана как с необходимостью оценки научных высказываний, так и взаимодействия науки и ученых с другими социальными группами, «внешним миром» науки. При этом дифференциация тематизации постоянно расширяет «внешний мир», который становится ей интересен. Так происходит уточнение исследовательского поля доменов. На место исследований «Природы» в целом, натуральной философии

и естественной истории, приходит физика и химия, биология. Оказывается, что можно формировать учение об обществе и государстве, которое стремится не просто описывать законы правильного управления, а «знать», из чего состоит государство. С XVII в. становится понятно, как отмечает М. Фуко, что «знание, необходимое суверену, будет, скорее, знанием вещей, чем законов», ему нужно знание о населении и экономике государства [Фуко, 2011, с. 358]. Подобное же знание приводит к представлению о рациональном государственном управлении, которое постепенно формирует понятийный аппарат, способный описать историю не просто как трагедию правителей, но и как структурные изменения, меняющие и нравы людей.

Темпоральный компонент предполагает, с одной стороны, изменение научного знания, трансформацию его структуры, а с другой, как справедливо отмечает А.Ю. Антоновский, ответ на различные актуальные вызовы. При этом они могут носить как характер запросов от «внешнего мира» науки – решение задач, важных для развития общества и экономики, так и формирования специфической «научной моды», когда сама система науки предпочитает решать определенный круг задач. В настоящее время обе эти серии вызовов могут быть тесно взаимосвязаны, но не обязательно тождественны. Например, исследования в области физики высоких энергий требуют финансовых вложений как минимум для строительства исследовательского оборудования – ускорителей элементарных частиц. На них тратятся значительные средства, но они скорее отражают интересы отдельных исследовательских групп, чем отвечают на актуальные технологические потребности всего общества. Хотя некоторые модели подобных ускорителей вполне могут иметь прикладное значение. «Мода» и «специализация» на определенных видах научных исследований может существовать и не только в общемировой науке, но и в научных системах отдельных стран. Так, исследователи из ВШЭ отмечают, что в сферу научной специализации России в 2019–2021 гг., «помимо традиционных дисциплин физико-технического профиля, вошли гуманитарные науки, а также экономика, эконометрика и финансы. По научной специализации Россия отличается от мировых лидеров – Китая, который специализируется прежде всего на технических науках, и США с их заметным фокусом на биомедицинских и общественных науках» [Российская наука в цифрах, 2023, с. 16].

Подобная классификация на основе тематизации, социальной и темпоральной дифференциации позволяет выявить структурные особенности больших доменов научного знания. Она может использоваться и для определения перспектив развития отдельных научных доменов. М.Н. Эпштейн, к примеру, формулирует вопрос о необходимости принципиально нового этапа в развитии гуманитарных наук, которые он связывает с изучением культуры. Он отмечает, что

между естественными, социальными и гуманитарными науками есть как минимум одно принципиальное отличие – для первых двух существует сфера их практического применения – технология и политика. Третья же ее лишена. В итоге он ставит вопрос: «Может ли у гуманитарных наук, исследующих культуру, быть особая практическая ветвь, свои способы воздействия на культурную жизнь, – подобно тому, как техника преобразует природу, изучаемую естественными науками, а политика – общество, изучаемое социальными науками?» [Эпштейн, 2019, с. 18]. В этом случае нас не столько интересует ответ, который дает исследователь, а фиксация различия между большими науками-доменами. Правда, ориентация на концепцию не связанных между собой доменов, казалось бы, полностью разрушает единство научного знания.

В предложенной А.Ю. Антоновским классификации этот вопрос опять же снимается за счет обращения к концепции темпоральной и социальной дифференциации науки. Предполагается, что это приводит к формированию дисциплинарного деления на *hard/soft science* (твердые и «мягкие» науки). Первым свойственен динамический характер, постоянная изменчивость при наличии консенсуса, тогда как для вторых апелляция к «вневременности» полученного знания и отсутствие консенсуса. С. Шейпин в своем анализе становления разделения на *hard/soft science* в англоязычных социальных науках, откуда оно и было заимствовано науками на других языках, отмечает, что, по-видимому, впервые оно было использовано в 1945 г. в речи Гану Данна (Gunu Dunn), политически активного инженера. Он исходил из того, что «капиталистические производители должны знать не только как производить, но и как продавать, а это, по словам Данна, зона экспертизы социальных наук» [Shapin, 2022, p. 294–295]. По мнению инженера, разделение на *hard/soft science* связано с точностью их предсказаний. *Hard science* – это науки с высокой предсказательной силой, и относятся к ним математика, физика и биологические науки, а *soft* – с низкой, такие как социология, психология, история, экономика и другие науки. По его мнению, инженеры, вооруженные знаниями из точных наук, смогут трансформировать *soft science* и сделать их похожими на *hard science*. С. Шейпин отмечает, что в 1950–1960-х гг. подобная дихотомия стала использоваться как в академических, так и в не академических кругах. Но особую роль она приобрела в процессе создания Национального научного фонда (National Science Found (NSF)) в США. Разделение на *hard* и *soft science* оказалось удобным приемом, позволяющим обосновывать отказ в финансировании через этот фонд социально-гуманитарных наук. И хотя даже среди ученых, связанных с *hard science*, были сторонники поддержки *soft science*, например такие знаменитости, как Роберт Опенгеймер и Джеймс Брайант Конант, в законе о NSF 1950 г. финансирование социальных наук не упоминалось, хотя присутствовала

фраза о возможной поддержке не только наук, связанных с *hard science*, но и «других наук» [Shapin, 2022]. С. Шейпин описывает процесс «нормализации» подобного разделения в том числе и как один из элементов борьбы за финансирование, что влекло к разделению наук по категориям. Однако он отмечает и то, что подобное деление имеет хоть какой-то смысл лишь в том случае, если мы говорим о «дисциплинарной» системе университетов и кафедр. Оно теряет свое значение при реализации наукоемких проектов в экономике знаний. Например, создание современного программного обеспечения не может обойтись не только без «написания кода» и учета аппаратных особенностей вычислительной техники, но и формирования дружелюбной для пользователя среды. Поэтому деление наук на *hard* и *soft*, возможно, продолжает играть сколько-нибудь значимую роль в попытках разграничить континуум дисциплин на основании критериев, которые изначально были характерны для тематизации и исследовательских практик, существующих в естествознании «быстрых открытий», а не в системе гуманитарных дискуссий вокруг «вечных тем» [Collins, 1998]. Но в технонауке это разделение постепенно начинает терять свой смысл.

При этом деление наук на эти два типа справедливо фиксирует различие, существующее между дисциплинами. Но оно же и формируется в процессе тематизации собственных исследовательских полей и практик, конструирования исследовательского домена. Но почему же мы можем говорить о едином континууме наук, а не просто о разрозненных исследовательских практиках? Возможно, ответ заключается именно в том, что сами эти тематизации оказались закреплены в системе образования, готовившей специалистов, способных работать с ними в независимой социальной подсистеме, которая затем получила название – наука. Хотя не стоит забывать и о наличии некоторых языковых несовпадений – ведь “*science*”, например, не совсем тождественно понятию “*Wissenschaft*”. При этом не сразу и не все дисциплины, связанные с *hard science*, получили свое независимое институциональное существование в системе университетов. Конечно, вхождение дисциплин, принадлежащих к различным большим доменам, в единую систему науки может определяться не только их общей включенностью в систему академии и особенностями коммуникативного конструирования собственного исследовательского поля, но и другими характеристиками, например общими этосом или особенностями исследовательских практик, но рассмотрение этого вопроса выходит за пределы этой статьи.

В результате стоит констатировать, что предложенный А.Ю. Антоновским подход к классификации наук на основе коммуникационных критериев представляется нам вполне перспективным и обоснованным. Он позволяет показать науку как целостность. При этом, на наш взгляд, он требует доработки и возможного выявления новых

оснований для выстраивания системы классификации. Представляется, что более перспективным является выстраивание коммуникативных систем на основе специфической тематизации внешнего мира, а не только рассмотрения их темпоральности.

Список литературы

Антоновский, 2024 – Антоновский А.Ю. «Виды природы» и коммуникативные измерения дисциплинарной дифференциации // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62. № 1. С. 22–38.

Ахутин, 1988 – Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 208 с.

Гоулднер, 2003 – Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии / Пер. с англ. А.С. Фомина, В.В. Кузнецова, М.Г. Ермакова. СПб.: Наука, 2003. 576 с.

Российская наука в цифрах, 2023 – Российская наука в цифрах: 2023 / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир, С.В. Мартынова, А.В. Нестеренко, В.В. Полякова, Т.В. Ратай, Г.С. Сагиева, Е.А. Стрельцова, И.И. Тарасенко, И.Б. Юдин. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 48 с.

Фуко, 2011 – Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с фр. В.Ф. Быстрова, Н.В. Сулова, А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2011. 544 с.

Эпштейн, 2019 – Эпштейн М.Н. Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 239 с.

References

Akhutin, A.V. *Ponyatiye “priroda” v antichnosti i v Novoye vremya (“fyusis” i “natura”)* [The Concept of “Nature” in Antiquity and Modern Times (“Fusis” and “Nature”)]. Moscow: Nauka, 1988. (In Russian)

Antonovskiy, A.Yu. “Vidy prirody” i kommunikativnyye izmereniya distsiplinarnoy differentsiatsii [“Natural Kinds” and Communicative Dimensions of Disciplinary Differentiation], *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 62, no. 1, pp. 22–38. (In Russian)

Collins, 1998 – Collins, R. *The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.

Epstein, M.N. *Budushcheye gumanitarnykh nauk: Tekhnogumanizm, kreatorika, erotologiya, elektronnyaya filologiya i drugie nauki XXI veka* [The Future of the Humanities: Techno-Humanism, Creativity, Erotology, Electronic Philology and Other Sciences of the 21st Century]. Moscow: RIPOL Classic Group of Companies / Pan-gloss, 2019. (In Russian)

Foucault, M. *Bezopasnost', territoriya, naseleniye. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population. A Course of Lectures given at the Collège de France in the 1977–1978 Academic Year]. Trans from French by V.F. Bystrov, N.V. Suslov, A.V. Shestakov. St. Petersburg: Nauka, 2011. (Trans. into Russian)

Gouldner, A.W. *Nastupayushchiy krizis zapadnoy sotsiologii* [The Coming Crisis of Western Sociology]. Trans. by A.S. Fomin, V.V. Kuznetsov, M.G. Ermakov. St. Petersburg: Nauka, 2003. (Trans. into Russian)

Hacking, 2007 – Hacking, I. “Natural Kinds: Rosy Dawn, Scholastic Twilight”, *Royal Institute of Philosophy Supplements*, 2007, vol. 61, pp. 203–239.

V.V. Vlasova, L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky, et. al. (eds.) *Rossiyskaya nauka v tsifrakh: 2023* [Russian Science in Numbers: 2023]. Moscow: NIU VSHE, 2023. (In Russian)

Shapin, 2022 – Shapin, S. “Hard Science, Soft Science: A Political History of a Disciplinary Array”, *History of Science*, 2022, vol. 60, no. 3, pp. 287–328.

О ЕДИНСТВЕ НОРМАТИВНЫХ И КОГНИТИВНЫХ ОЖИДАНИЙ В НАУКЕ*

Соколова Олеся Игоревна – кандидат философских наук, исследователь.
Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: gum.idc@mail.ru

В данной реплике к статье А.Ю. Антоновского высказывается сомнение по поводу тезиса о разведении когнитивных и нормативных ожиданий. Представляется спорным утверждение о зависимости от указанных типов ожиданий форм представления научных результатов. На примере энциклопедических изданий, получивших распространение в разные периоды истории философии и науки, анализируются эпистемологические установки отказа от авторитета, открытости и пополняемости знания. По мнению автора, основанием единства нормативных и когнитивных ожиданий в науке выступает авторитетная составляющая знания. Наука представляет собой монополию на авторитетное достоверное знание, выделяя классы и категории объектов. Автором подчеркивается, что различие между формами представления научных результатов (например, научная статья / энциклопедическая статья) заключается в целях, которые преследуют авторы, делая выбор в пользу того или иного формата.

Ключевые слова: нормативные ожидания, когнитивные ожидания, энциклопедия, классификация, открытый характер знания, достоверное знание, авторитет

ON THE UNITY OF NORMATIVE AND COGNITIVE EXPECTATIONS IN SCIENCE

Olesya I. Sokolova – PhD in Philosophy, Researcher. Inter-Regional Non-Government Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”. 1/36 Lyalin Lane, build. 2, Moscow 105062, Russian Federations; e-mail: gum.idc@mail.ru

In this remark to the article by A.Yu. Antonovsky, doubts are expressed about the thesis about the separation of cognitive and normative expectations. It seems controversial to assert that the forms of presentation of scientific results depend on these types of expectations. Using the example of encyclopedic publications that became widespread in different periods of the history of philosophy and science, the epistemological attitudes of rejection of authority, openness and replenishment of knowledge are analyzed. According to the author, the basis of the unity of normative and cognitive expectations in science is the authoritative component of knowledge. Science is a monopoly on authoritative reliable knowledge, distinguishing classes and categories of objects. The author emphasizes that the difference between the forms

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) в МРОО «Русское общество истории и философии науки». The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of grant 24-18-00183 “Taxonomies in the ontological, methodological and disciplinary structures of science” (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) in Inter-Regional Non-Government Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”.

of presentation of scientific results (for example, a scientific article / encyclopedic article) lies in the goals pursued by the authors, making a choice in favor of one or another format.

Keywords: normative expectations, cognitive expectations, encyclopedia, classification, open nature of knowledge, reliable knowledge, authority

В своей статье А.Ю. Антоновский [Антоновский, 2025] акцентирует внимание на проблеме установления соответствия между «природными видами» и научными дисциплинами, объектами которых они являются. В более широком значении эта проблема может быть обозначена как противостояние реализма (эссенциализма) и антиреализма в науке и сведена к вопросу о том, что первично: изучаемая природа (непосредственно природные объекты, человек, социум) или цели, которые преследует ученый. В качестве варианта решения данной проблемы предлагается переход к противопоставлению когнитивных и нормативных ожиданий. Эти типы определяют стратегии практических действий в науке, задают модели научной коммуникации. Когнитивные ожидания учитывают внешние реалии и выступают в качестве научного прогресса, поскольку допускают отказ от устоявшихся представлений и ориентированы на поиск новых решений и новых ответов. Нормативные ожидания характеризуют парадигмальный характер научного знания, укрепление нормы и сохранение наличного знания.

Однако остается открытым вопрос: под влиянием каких факторов осуществляется выбор того или иного типа ожидания? На основании приведенных аргументов можно заключить, что субъект науки в своей деятельности ориентируется либо на один, либо на другой тип ожиданий. Некоторые ученые выбирают путь критики и отказа от авторитета, обозначая свою позицию в формате, например, журнальных статей. Другие – выбирают путь следования традиции и пишут очередной учебник или энциклопедию.

Представляется необоснованным тезис о зависимости форм представления научных результатов от типов ожиданий. Очевидно, что относительно ограниченного временного интервала ученый может являться как автором нескольких журнальных статей, так и работать над созданием справочного издания. Кроме того, в истории философии и науки мы находим примеры создания энциклопедических изданий, для демонстрирующих приверженность традиции, так и заявляющих о своем отказе от авторитета, вместе с тем декларирующих принципы открытости и пополняемости. Далее кратко охарактеризуем особенности этих изданий и ответим на вопрос: может ли нормативность допускать вариативность знания?

Роберт Бёртон: компиляция, цитирование и ускользящая реальность

Английский писатель, ученый Роберт Бёртон (1577–1640) является автором энциклопедического сочинения «Анатомия меланхолии», первое издание которого вышло в свет в 1621 г. Под «меланхолией» понимается болезнь своего времени, трактуемая автором как глупость, безумие, «умоиступление» [Бёртон, 2005, с. 108]. Но в своем труде Р. Бёртон не ограничивается описанием болезни, его интересует сам человек, его условия пребывания, общество, весь мир: «Если ты... взберешься повыше, чтобы обозреть происходящее, то вскоре убедишься, что весь мир безумен, охвачен меланхолией, впал в слабоумие... Меланхолией охвачены целые королевства и провинции, равно как и города, семьи, все твари и растения, чувственные и разумные» [Там же, с. 107]. Для излечения болезни необходим поиск причин – поэтому сочинение представляет собой подобие энциклопедического издания, содержащего все известные автору научные сведения. «Анатомия...» представляет собой сложноструктурированное сочинение, последовательно состоящее из частей, разделов, глав и подразделов. Между вводной частью («Демокрит Младший – читателю») и основными разделами приведен Синописис – схематическое изложение содержания книги. Синописис задает таксономию знания, структурирует его в зависимости от поставленной автором цели.

Для ответа на вопрос о возможности взаимосвязи нормативных и когнитивных ожиданий обратим внимание на две особенности сочинения.

Первая особенность – обилие цитирований – представляет автора в свете основных гносеологических тенденций своего времени, допускающих компилятивность текста. Местами издание предстает исключительно в виде перечисления цитат с небольшими комментариями автора. Р. Бёртон признается, что в некоторых областях знания он ничего не знает, поэтому опирается на авторитет ученых в тех или иных областях: «Я ссылаюсь на моих авторов и цитирую их... ибо считаю это своим долгом и намерен поступать таким образом и впредь; я заимствовал, а не воровал» [Там же, с. 88]. Заслуга автора, по его мнению, заключается в порядке и способе изложения.

Другая особенность, которая у Р. Бёртона не противоречит первой, а вполне согласуется с ней, – открытость и пополняемость знания. Стоит обратить внимание на тот факт, что при жизни автора «Анатомия меланхолии» переиздавалась пять раз и с каждым новым изданием предполагала дополнение. Научная картина мира уточнялась, дополнялась новыми сведениями, представляя собой компендиум по разным отраслям знаний.

Каким образом автору данного сочинения удалось примирить две противоположные тенденции: ссылки на авторитет и открытость системы знания? Но если в следовании первой тенденции сомнения нет (цитаты представлены в изобилии), то утверждение об открытости системы требует уточнений. Г. Уильямс предупреждает о типичной ошибке отождествления «Анатомии...» с прототипом «интеллектуального или энциклопедического препарирования» [Williams, 2001, p. 593]. «Особый разрез» автора уродует объект исследования, представляя знание в нужном свете. Автор господствует над знанием, цитирует только то, что вписывается в его структуру знания. Исследователи отмечают также, что Р. Бёртон иногда правил цитируемый источник с целью подкрепления утверждаемых тезисов или для большей художественной выразительности [Игнер, 2005, с. 18]. Произвол проявляется и в выборе источников для цитирования. Известно, что автор не знал других языков, кроме английского и латыни, поэтому либо ограничивался цитированием исключительно этих источников, либо прибегал к ссылкам на распостраненные своды знаний по различным областям знаний на латинском языке.

Пример «Анатомии меланхолии» демонстрирует примирение в одном научном труде эпистемологических принципов: ссылку на авторитет и пополняемость системы знания. Но в данном случае принцип открытости оказывается зависимым от целей автора создаваемой системы.

Энциклопедия Дидро и Даламбера: отказ от авторитета и традиции

«Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», главными редакторами которой были Ж. Даламбер и Д. Дидро, издавалась в период с 1751 по 1780 г. В отличие от рассмотренного выше примера, замысел энциклопедии не сводился исключительно к переводам и компиляции уже имеющихся энциклопедий. Издание энциклопедии представляло собой попытку подготовки самостоятельного сочинения, описывающего достижения человечества в области науки, искусства и техники.

Одним из принципов, которым вдохновлялись просветители – авторы энциклопедии, – был принцип отказа от следования авторитету и традиции. В энциклопедических статьях демонстрировалась несостоятельность догматического мировоззрения. Через критику предшествующих метафизических систем обосновывался материалистический взгляд на природу, приводилось новое видение общественных отношений, выстроенных на рациональных началах.

Систему знания, воплощенную в энциклопедии, можно характеризовать посредством понятий системности и открытости. Системность предполагает наличие единства знания, классификации, определяющей иерархию наук, искусств и ремесел в зависимости от познавательных способностей человека. Открытость ориентирует на пополняемость этой системы. Причем Энциклопедия включает статьи как известных деятелей Просвещения, так и «исключительных людей» [Pannabecker, 1994, p. 53] – ремесленников, которые разбирались в своем предмете и могли детально описать ремесло или техническое устройство.

Таким образом, французская энциклопедия предстает как научный труд, фиксирующий достижения своей эпохи в области науки и техники, являя собой некоторую «точку» на пути интеллектуального развития общества. Вместе с тем, исходя из разделения трех видов познавательных способностей, просветители вводят классификацию знания, дифференцируя его. Единая система знания потенциально предполагает дополнение, включение новых знаний в наличное знание. Опора на факты и открытость системы выступают в качестве нормативных требований. Их же можно рассматривать в аспекте когнитивных ожиданий, поскольку они ориентированы на прерывание традиции, ниспровержение старого строя, а также дисциплинарное разделение.

Британская энциклопедия и принцип постоянного пересмотра

«Британская энциклопедия» (Encyclopaedia Britannica) представляет собой издание, впервые вышедшее в свет в 1768–1771 гг. Изначально она задумывалась как альтернативное французской энциклопедии издание, ориентированное на национальные особенности просвещения и культуры в Британии. «Британника» переиздавалась 15 раз, причем после 14 издания стала публиковаться по системе постоянного пересмотра – с ежегодными изменениями в части материала. С 2016 г. она переходит в формат сетевой энциклопедии, продолжающий принцип открытости системы.

«Британника» не была ориентирована на создание системы знания, скорее, предполагала его упорядочивание. В первую очередь это обнаруживается в принципах подбора материала: компиляция и ссылки на авторитетных авторов первоначально составляли основной объем сочинения (французские просветители готовили словарные статьи самостоятельно). Кроме того, у авторов французской энциклопедии систематичность и упорядочивание представляли собой две стороны одного и того же познавательного процесса, система

знания предполагала наличие взаимосвязи между научными дисциплинами, или «энциклопедического древа». В таком случае словарная статья не просто предлагала некоторую информацию, она отсылала к отрасли знания, задавая эпистемологическую стратегию.

Авторитетный характер знания как основание единства нормативных и когнитивных ожиданий

В трех приведенных примерах мы говорим о наличии нормативных ожиданий. Полагаем, что в указанных случаях имеет место ориентация на авторитет, но он проявляет себя с разной степенью явности. «Анатомия меланхолии» Р. Бёртона предполагает явную ссылку на авторитет и традицию. Энциклопедия Дидро и Даламбера декларирует отказ от следования авторитетам, предполагая открытость системы, но вместе с тем дальше деклараций здесь дело не идет. Система является пополняемой, но не всеми знаниями, а только теми, которые согласуются с гносеологическими установками просветителей. Критикуя «дух систем», преобладающий в учениях Р. Декарта и Б. Спинозы, просветители сами становятся его заложниками, но уже на иных, материалистических и атеистических началах. Ведущим методом выступает эмпирический метод, разработанный Ф. Бэконом. Энциклопедия «Британника», изначально представляющая переписывание и компиляцию статей авторитетных авторов, ориентирует читателя энциклопедии на самостоятельный выбор.

Можно говорить о том, что авторитетом в рассмотренных примерах выступает:

- предшествующий автор, труды или идеи которого заимствуются или закладываются в основу собственных выводов (1);
- знание как система, задающая некую эпистемологическую стратегию познавательного отношения к миру (2);
- научный текст, который является авторитетным справочным изданием для читателя (3).

Если в первом случае мы говорим о системе коммуникации *предыдущий ученый – действующий ученый*, во втором случае – *действующий ученый – будущий ученый*, то в третьем – *действующий ученый – неподготовленный читатель*. Во всех случаях мы имеем дело с нормативными ожиданиями как обращением к авторитету.

Согласимся с А.Ю. Антоновским, что энциклопедическое издание, наряду со справочником или словарем, имеет ряд отличий от научной статьи в периодическом издании, однако эти отличия можно считать скорее формальными. В журнальной статье мы имеем

дело с авторской позицией, видением, достижением в данный момент (где зачастую имеет значение скорость публикации) в частной области знания. В случае с классическими энциклопедиями, распространенными в эпоху Возрождения и Нового времени, мы имеем дело с такой позицией автора, которая претендует на монопольное видение в той или иной области, распространяя авторитет своего издания на читателей. Здесь энциклопедия задает некий ракурс, точку зрения на изучение и рассмотрение тех или иных вопросов. Современные пополняемые сетевые энциклопедии лишают себя функции *монопольного взгляда* на реальность: авторами сетевых энциклопедий выступают сотни человек (ученых и не только), предполагающих различные, порой противоположные взгляды на рассматриваемые аспекты реальности. Это приводит к тому, что статья в сетевой энциклопедии и статья в научном журнале в содержательном значении становятся трудноразличимыми. Обоснованность, достоверность, а также указание автора (современные энциклопедии предполагают ссылку на автора статьи) – это характеристики, присущие им в равной мере. Можно заключить, что наука претендует на *монополию на достоверное знание* в интеллектуальной среде, выделяя классы и категории объектов (хотя бы в качестве объектов внимания) причем вне зависимости от формата публикации.

В подтверждение этого положения можно сослаться на аргументы Х.-Г. Гадамера, связывающего познание с авторитетом. Еще со времен Просвещения формулируется гносеологическая тенденция противопоставления между верой в авторитет и использованием собственного разума. Если авторитет занимает место собственных суждений, и то он и «в самом деле становится источником предрассудков» [Гадамер, 1988, с. 330]. Но сугубо негативная трактовка авторитета приводит к искажению его роли в познании. Авторитет может выступать основанием как заблуждений, так и истинных представлений. В познавательном отношении ссылка на авторитет есть «акт признания», т.е. предполагает допущение, что суждения другой личности обладают большим достоинством, нежели наши. Тем самым это приводит нас к осознанию собственных границ познания предмета. Наличие ссылок на труды ученых в научных публикациях в этом смысле можно трактовать как признание научным сообществом значимости интеллектуальной деятельности со стороны ученых-коллег.

Различие между энциклопедией и научной статьей, скорее, состоит не в эпистемологических притязаниях на авторитетность текста: авторитетная составляющая знания неустранима. Различие заключается в целях, которые преследуют авторы, выбирая тот или иной формат, в «деятельностной способности» [Штер, 2002, с. 32], обеспечивающей взаимосвязь действий отдельных ученых и научных сообществ с внешней средой. Научная статья ориентирована

преимущественно на профессиональное сообщество с учетом специализации дисциплины. Энциклопедия предполагает больший охват аудитории – обывателей и дилетантов.

Таким образом, описанное А.Ю. Антоновским различие между нормативными и когнитивными ожиданиями может быть сведено к различию между экстерналистским и интерналистским подходом к пониманию науки. Нормативные ожидания предполагают учет социальных потребностей в научной деятельности, когда попытки удержаться в рамках парадигмы представляют собой ориентацию на сохранение сложившегося знания. Чувствительность к восприятию внешнего мира характеризует позицию интернализма, осуществляющего попытку отвлечения от социокультурного бытия науки. Стоит признать, что эти позиции представляют собой скорее две крайности в анализе науки; а «универсум самой “чистой” науки является таким же социальным полем» [Бурдые, 2005, с. 473]. Нормативные ожидания выступают в качестве основы выбора методов, осознания критериев научности и выбора проблем. Не разделение, а единство нормативных и когнитивных ожиданий отражает отношение взаимосвязи между социокультурной средой и научными идеями.

Список литературы

Антоновский, 2025 – Антоновский А.Ю. «Виды природы» и коммуникативные измерения дисциплинарной дифференциации // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62. № 1. С. 22–38.

Бертон, 2005 – Бертон Р. Анатомия Меланхолии / Пер. с англ., вступ. статья и коммент. А.Г. Ингера. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 832 с.

Бурдые, 2005 – Бурдые П. Поле науки // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. С. 473–517.

Гадамер, 1988 – Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Игнер, 2005 – Игнер А.Г. Summa Меланхолии // Бертон Р. Анатомия Меланхолии / Пер. с англ., вступ. статья и коммент. А.Г. Ингера. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 15–37.

Штер, 2002 – Штер Н. Мир из знания // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 31–35.

References

Antonovski, A. Yu. “‘Vidy’ prirody’ i kommunikativnye izmereniya disciplinarnoj differenciacii” [“Types of Nature” and Communicative Dimensions of Disciplinary Differentiation], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2025, vol. 62, no. 1, pp. 22–38. (In Russian)

Bourdieu P. “Pole nauki” [The Field of Science], in: Bourdieu, P. *Social’noe prostranstvo: polya i praktiki*. Saint Petersburg: Aletejya, 2005, pp. 473–517. (Trans. into Russian)

Burton, 2005 – Burton R. *Anatomiya Melanxolii* [The Anatomy of Melancholy]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2005. (Trans. into Russian)

Gadamer, 1988 – Gadamer, H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi Germe-nevtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988. (Trans. into Russian)

Igner, 2005 – Igner, A.G. “Summa Melanxolii” [The Summa of Theology], in: Berton R. *Anatomiya Melanxolii* [The Anatomy of Melancholy]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2005, pp. 15–37. (In Russian)

Pannabecker, 1994 – Pannabecker, J.R. “Diderot, the Mechanical Arts, and the Encyclopédie: In Search of the Heritage of Technology Education”, *Journal of Technology Education*, 1994, vol. 6, no. 1, pp. 45–57.

Stehr, 2002 – Stehr, N. “Mir iz znaniya” [The World of Knowledge], *Sociologicheskij zhurnal*, 2002, no. 2, pp. 31–35. (Trans. into Russian)

Williams, 2001 – Williams, R.G. “Disfiguring the Body of Knowledge: Anatomical Discourse and Robert Burton’s *The Anatomy of Melancholy*”, *ELH: English Literary History*, 2001, vol. 68, no. 3, pp. 593–613.

О ЕСТЕСТВЕННЫХ И ДРУГИХ ВИДАХ*

Аргамасова Александра Александровна – кандидат философских наук, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: argamakova@gmail.com

Реальное понятие в отличие от номинального основано на объективных границах и свойствах предметов. Познают ли ученые естественные виды или теории представляют собой схемы и концепты, производные от способности конструктивного воображения, и, следовательно, ученые различают объекты, следуя больше прагматике языка, чем границам во внешнем мире? Следует ли дифференциация наук за порядком вещей или она конституирована социально-коммуникативной системой науки? Как конструктивизм сочетается с реализмом? В статье обсуждаются идеи А.Ю. Антоновского о классификации наук, а также осмысливается то, чем являются естественные и другие виды в науке с точки зрения теории о референциальном потенциале понятий Ф. Китчера, П.К. Стэнфорда и др.

Ключевые слова: классификации в науке, естественные виды, несоизмеримость, реализм и номинализм, реализм и антиреализм

NATURAL AND OTHER KINDS

Alexandra A. Argamakova – PhD in Philosophy, Researcher. Inter-Regional Non-Government Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”. 1/36 Lyalin Lane, build. 2, Moscow 105062, Russian Federations; e-mail: argamakova@gmail.com

Real notion is distinct from nominal one and connected with objective borderlines and essential properties of objects. Do scientists know the real natural kinds or produce schemas and concepts in theories from constructive activity of imagination and, therefore, group objects by pragmatic means of language, rather than in accordance to world structure? Does the differentiation of sciences follow the orders of things or is it influenced by the social and communicative nature of science? Can we mix a sort of constructivism and realism in epistemology? The classification of sciences made by A.Yu. Antonovski is discussed in the following article, and it is explained what are natural and other kinds from the viewpoint of referential potential theory by P. Kitcher, P.K. Stanford and others.

Keywords: classifications in science, natural kinds, incommensurability, realism and nominalism, realism and antirealism

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) в МРОО «Русское общество истории и философии науки». The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of grant 24-18-00183 “Taxonomies in the ontological, methodological and disciplinary structures of science” (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) in Inter-Regional Non-Government Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”.

Дифференциация научного знания

В статье А.Ю. Антоновского высказаны следующие тезисы, к которым относится моя реплика в дискуссии (первый и второй тезис рассмотрены в этом параграфе, а остальные в последующих):

1. У социально-коммуникативной системы науки три измерения, и они являются основанием для классификации наук в аспекте доминирования одного из способов смысловой переработки структуры внешнего мира.
2. Дифференциация наук обусловлена не объективными границами видов и каузальных законов, а структурой коммуникаций в исследовательских сообществах.
3. Виды объектов являются теоретическими конструкциями.
4. Конструктивизм допускает выбор между реализмом и антиреализмом, но попыткам обоснования реализма не сопутствует успех.

У любого знания три измерения: предметное, социальное и темпоральное, по словам А.Ю. Антоновского. Похожий вывод следует и из сильной программы в социологии знания. Д. Блур и Б. Барнс считали, что знание соотносится с объектами, ментальными репрезентациями и культурой в историческом измерении (с учетом практики и коммуникаций измерений, наверное, больше, т.е. произведенное другими культурами знание актуализируется или депонируется в локальной культуре). Идеи признают научными или ненаучными по многим причинам, но нет критериев кроме институциональных. Социальный конструктивизм отличает идея, что социальные интеракции формируют знание, а его предметное содержание зависит от перспективы. В научном знании измерения неразличимы, они образуют недифференцированное целое. На производство знания влияют многие причины, и какие именно – вопрос интерпретации. Оценки истина/ложь являются социальным фактом. Поэтому все измерения совместно участвуют в производстве знания, и науки не отличаются по данному основанию.

Доминирование социального измерения в мягких науках означало бы, что они преследуют как цель не истину, но договор. Философы-антиреалисты и радикальные конструктивисты не сторонятся вывода об иллюзорности истины, но из-за этого практически теряет смысл в различении предметного измерения знания. Доминирование предметного измерения в науках о природе означало бы, что они не испытывают социальных влияний и не прибегают к методам «из других областей», а также всегда добиваются консенсуса. Значение темпорального измерения в трансграничных дисциплинах переоценивает их инновативность сравнительно со зрелыми науками и почему-то принижает значение остальных измерений знания.

С другой стороны, если следовать сильной программе в социологии, то бесполезно критически анализировать познание, разбирать на составляющие и ведущие компоненты, так как оценки останутся релятивными и контекстуальными. Оценки перепишут вместе с историей науки.

В науке желательно, чтобы измерения гармонично взаимодействовали в получении знания, а их неравнозначность подлежала дезавуированию. Важно то, что существуют предметы познания и рациональная аргументация, значимые в метаперспективе как условие согласия исследователей, работающих в разных институтах, странах и культурах. Догматизм в оценках не менее деструктивен, но это вменяет ученым критическую обязанность, а объективность знания все еще ценность для исследователей. Распределенное познание, разобщенность в науке, конкуренция теорий, кейс-стадис об ученых-маргиналах показали, что институциональные критерии – не единственно верные маяки в океане научных идей. Наконец, думается, что предмет изучения и рациональные доводы ведут к унификации разрозненных мнений в темпоральном измерении.

Дифференциация наук не игнорирует границы в видах объектов и каузальных законах. В статье, предложенной для дискуссии, А.Ю. Антоновский пишет следующее: «Приходится констатировать, что у нас нет возможности объективного различения как между границами “природных видов”, так и отдельными каузальными механизмами».

Но если бы законы физики объясняли инфляцию, то экономистам не осталось бы работы. Значит, в домене экономики действуют особые причинные силы в отличие от физической каузальности. Каждый объект принадлежит многим видам, и в этом заключается источник появления трансграничных дисциплин. Единичные объекты, следует предположить, общие для наук. Далеко не всегда это так. Приближающийся к земле астероид больше заинтересует социолога и экономиста, чем удаленный космический объект. Экономиста интересуют траектория и скорость движения астероида к земле, а причины – не настолько. Он запланирует бюджет на преодоление последствий, начнет покупать и продавать акции, будет оценивать ущерб экономике и т.д.

Научные дисциплины заняты выявлением фундаментальных сходств, типизацией реальных объектов и отношений между объектами. В силу обширных трансграничных областей границы дисциплин приобретают гибкость. Какие-то виды признают в науке реальными, а не номинальными, т.е. они описывают структурные свойства объектов во внешнем мире, а не просто мышлении и языке познания.

Естественные и искусственные виды объектов

В логике случайную ассоциацию объектов обычно не считают понятием. Ей присваивают имя по стечению обстоятельств. В философии языка, где учитывают естественные контексты общения, употребление слов представлено свободным и стихийным, а группы объектов создаются по прагматическим основаниям. Теории лингвистической относительности ставят в соответствие классификации объектов с прагматикой языка, а не структурой реальности, скрытой за речевым поведением.

Конструктивистские теории ведут к антиэссенциализму и антиреализму. Роды и виды понимают как искусственные, происходящие от категориальных различий в языке. Это позволяет проводить сравнение конструктивистских подходов с номинализмом и концептуализмом, которые верят в реальность индивидов и для кого универсалии представляют собой концепты вещей, созданные в нашем уме по искусственным или субъективным критериям. Хилари Патнэм называл такие понятия стереотипными.

Ряд конструктивистских подходов в современной философии поддерживает научный реализм, хотя допускает плюрализм в классификациях и категоризациях объектов [Eberle, 2023]. Вид является искусственным, если не создан природой, например социальные нормы как набор правил упорядочивания отношений индивидов и институтов в обществе, то есть вид создан как искусственный артефакт или, в другом смысле, в мышлении на основе номинального определения, приписываемого понятию. Индивиды настолько же сконструированы в уме и языке, как общие понятия о них.

А.Ю. Антоновский тоже считает научные понятия теоретическими конструкциями, но его отдельные высказывания говорят об антиреализме: «нормативные ожидания удерживают дисциплинарные рамки и обеспечивают функцию прерывания непрерывности природы»; «нормативные ожидания стабилизируются посредством организационной структуры дисциплин, номенклатуры научных должностей, системы госзаданий, социальных ролей в лабораториях и институтах»; «дисциплины формы *социальной* институционализации когнитивной дифференции науки».

Скажем, Томас Кун, Уильям Куайн и Бас ван Фраассен считали, что эмпирический опыт ограничен, поэтому нет гарантий истинности и стабильности теорий, а также приближения к истине. Парадигмы и дисциплины создают иллюзию стабильности значений. Можно сказать, их границы удерживаются согласием в сообществах ученых.

Пессимистическая метаиндукция – аргумент о том, что нельзя фанатично верить в теории из-за того, что теории постфактум

признавали ложными. Поэтому Пол Фейерабенд предлагал не держаться догм прошлого, сложившихся убеждений, но решительно умножать теории, концептуально обогащать науку, выходить за границы соглашений.

В постпозитивизме семантический холизм – источник нестабильности языковых выражений и реклассификаций объектов в последующих теориях. Томас Кун приводил в пример понятие планеты, которое меняло значение и референцию в астрономических теориях Птолемея, Коперника, Кеплера. Что повторилось в истории с разжалованием Плутона, а также изменением признаков отнесения небесных тел к классу планет. Масса, движение, время и пространство в ньютоновской и релятивистской физике претерпели бифуркации, приведшие к несоизмеримости с прошлым словоупотреблением. Куайн считал референцию неопределенной, а значит, высказывание о гавагаях неоднозначно соответствует перцепции кроликов в языке аборигенов, который дешифрует антрополог. Стимульное значение терминов (класс Σ чувственных побуждений) вызывает образцы, по Куайну – искусственные образы в сознании, которые относятся к последовательности восприятий объекта, потенциально бесконечной последовательности в потоке опыта.

Парадокс Тесея напоминает нам о том, что идентификации даже единичных объектов в опыте – нетривиальная когнитивная задача. Классификации галактик и туманностей в астрономии свидетельство того, что критерии естественных видов не достигают точности. Астрономы считают, что из-за гравитационного взаимодействия галактик нормальной формы происходит формирование галактик с нестандартной морфологией. Пекулярные галактики отклоняются от типичных признаков в классификациях на основании систематики Хаббла [Яковлева, 2002]. Это означает, с одной стороны, что типов галактик намного больше, чем включено в классификации, сопоставимо с числом индивидов. В космической эволюции морфологические признаки галактик тоже эволюционируют. С другой стороны, классификации галактик не являются идеальными типологиями, концептами подобными созвездиям, которые представляют историческое наследие астрономии. Форма, размеры, светимость, состав галактик – существенные структурные свойства с установленным отношением подобия.

Как показал П. Кайл Стэнфорд, вариации в существенных признаках, принадлежащих биологическим и экологическим видам, не позволяют провести точные границы и ведут к плюрализму в классификациях. Тем не менее альтернативные классификации берут за основание реальные свойства объектов.

Туманности – облака пыли, газа и плазмы в космосе. Они образуются на месте массивных звезд, после взрывов сверхновых. Другие туманности наблюдают в обширных регионах галактик с активным

звздообразованием. Туманностями называют галактики в устаревшем значении скопления звезд (Андромеда, Орион, Магеллановы облака). Включая все, что наблюдается в космосе в форме диффузных структур. Относятся к ним и газовые оболочки вокруг белых карликов, и оболочки вокруг звезд на ранних стадиях формирования. Туманности наблюдают в межзвездной среде и межгалактическом пространстве (Магелланов поток), заполненном излучением и веществом, преимущественно нейтральным водородом. Туманности представляют собой либо горячие облака ионизированного водорода, либо холодные облака молекулярного водорода, в меньшей пропорции гелия, с небольшой долей тяжелых элементов.

Несмотря на схожий состав химических элементов и внешние признаки, которые все же значительно варьируют¹, туманности отличаются относительно друг друга по параметрам расположения, возраста, компактности размеров, морфологии, плотности, давления, температуры, энергии атомов и, соответственно, физико-химическим процессам и реакциям. Все ли диффузные структуры относятся к туманностям? Являются ли туманности подвидами одного вида, если внутри облаков происходят настолько разнообразные физические события?

Предпочитающие эссенциализм реалисты считают, что разделение объектов по видам имеют онтологические предпосылки и, соответственно, ограничения (С. Крипке, Х. Патнэм, А. Берд, Ф. Китчер и др.). У реалистов есть весомые доводы из числа фундаментальных открытий в естествознании (номенклатура химических элементов или физических частиц). Но тогда границам в природе должны соответствовать точные границы в понятиях, что не всегда соответствует действительности.

О номинальной и реальной сущности вещей в традиции британского эмпиризма (Джон Локк и Дэвид Юм)

Джон Локк различал номинальную и реальную сущность вещей [Lock, 1997].

Реальная сущность вещей – строение, которое определяет наблюдаемые свойства. Сущности остаются одинаковыми безотносительно изменений. Эссенция объекта определяет отнесенность к виду. Имена простых идей не определяемы с помощью других слов. К именам сложных идей, наоборот, применимы определения. Дефиниция

¹ См. таблицу: https://stff.antspad.net/ast/AST_nebulaclassification.html

представляет собой указание значения слова посредством других слов. Ум объединяет вещи в понятия по номинальным сущностям, для целей коммуникации, а не познания.

Слова неаккуратно и спутанно применяют в коммуникации и в мышлении. Язык страдает от несовершенств. Хотя какая-то часть идей приобретает реальную сущность и основание в природе. Философское применение понятий означает точное понимание, сообразно природе вещей.

Слова являются хорошими и испытанными, а также неопределенными и бессмысленными. Эссенция субстанции – абстрактная идея, ассоциированная с именем. Так что все в этой идее существенно для сорта вещи и отличает от других сортов. Для вещи существенна принадлежность к виду. Вещи не существуют безотносительно других вещей. Строение определяет их наблюдаемые, поверхностные свойства. Они происходят из подлежащей субстанции. Сущностью человека, к примеру, являются его рациональные способности, проявляющиеся в поведении и высказываниях.

Номинальная сущность образует виды вещей для нас в мышлении. Поверхностные свойства далеки от структуры, описаний композиции частей в объектах. Поверхностные свойства воды и льда приводят к ошибочному мнению относительно их специфичности, хотя у воды и льда общая сущность, один вид вещества.

Имена не зависят от реальных сущностей объектов, а номинальные понятия различаются от человека к человеку. Чем более обобщенная информация о субстанции имеется у нас, тем более неполными они являются.

Слова созданы для записи и коммуникации наших мыслей – таково двойное назначение слов. Значение слов в культуре зависит во многом от мыслей, идей, понятий, фигур речи, образов, привычек тех, кто использует слова в коммуникации. Слова могут стать непонятными представителям других культур, поколений, исторических эпох. Значение слов теряется, и слова превращаются в малоосмысленные. Когда идеи приходят в беспорядок, их применение непоследовательно.

В философском применении язык должен выражать точные понятия, пропозициональные истины. Природа проводит границы видов, естественных объединений объектов, формируя тем самым внутреннюю структуру у каждого индивида, которую мы выделяем в применении общего имени для группы однотипных объектов.

Дэвид Юм считал, что понятия образованы привычкой к ассоциации индивидов. Идеи ассоциируются по подобию, смежности и каузальным отношениям, воспринимаемым человеком в опыте. Ассоциация – активное действие ума. Понятия объединяют индивидов общей идеей с привлечением ресурсов воображения, которое устанавливает корреляции свойств. Привычка же вызывает в нас воспоминания

и образы индивидов, когда мы обращаемся к понятию в мышлении и языке [Hume, 1896].

Дэвид Юм и Джон Локк, как многие думают, придерживались номинализма, считая, что понятия представляют собой идеи и получены из ощущений с участием рефлексии. Для Юма, как и для Локка, индивиды и общие понятия в равной мере представлены идеями в соответствии с комбинацией простых качеств и впечатлений в уме.

По крайней мере Локка сложно считать номиналистом безоговорочно. Локк не доверял наблюдаемым на поверхности свойствам, утверждал, что необходимо постигать в рефлексии истинные свойства явлений. Да и Дэвид Юм высказывал суждение, что любая идея есть идея о существовании, отдавая большее предпочтение существованию конкретных объектов.

Логические эмпиристы, к слову, избегали дилеммы номинализма и реализма. На самом деле языковой каркас теорий подразумевает наличие понятий и предикатов разных порядков, чей выбор обусловлен прагматически. Языковые формы создаются и принимаются из целесообразности. Теорию как систему предложений о некоей области объектов подтверждают опыт и логика. Впоследствии логические эмпиристы, в частности Рудольф Карнап, переняли холистический тезис Дюгема – Куайна.

Семантический холизм привел постпозитивистов к выводу о несоизмеримости научных парадигм. В дальнейшем появляются и новые теории референции, которые хотят учесть преемственность и сохранение значений в языке. Они больше подходят для аргументации в пользу реализма.

Каузально-дескриптивная теория значения Ф. Китчера и П. Стэнфорда

Референциальный потенциал понятия – множество $\{d, c\}$ или $\{d, c, e\}$, где d – кластеры дескрипций для свойств и отношений объектов (номинальные и реальные дескрипции); c – каузальные истории, опыт восприятия и взаимодействия с объектами; e – экземпляры, или материальные образцы объектов.

Дескрипции представляют собой денотативные фразы, которые относятся к субъекту предложения, имени или понятию, и тоже выступают субъектом предикации. Безусловно, ученые спорят и не соглашаются относительно дескрипций объектов, но разрешение споров ведется и в процедурном порядке. Теория подразумевает, что исчерпывающее знание об объектах, границах видов, действующих причинах и скрытых факторах в природных явлениях достижимо [Stanford, Kitcher, 2000].

Какие предпосылки нашего убеждения о реальности понятия? Ф. Китчер и П. Стэнфорд говорят о дескрипциях эссенциальных свойств как полном знании о виде объектов, что дополняет наличие жестких десигнаторов у терминов (С. Крипке и Х. Патнэм). Каузально-дескриптивный механизм множественно фундирует референцию, так что понятие точно выделяет виды объектов и сохраняет семантические значения. В том числе понятия включаются в объясняющую теорию, обоснованную эмпирически, и следует учитывать манипулятивный успех теорий (Я. Хакинг) и т.д.

Заключение

Классификация наук А.Ю. Антоновского предполагает, что измерения познания (социальное, предметное, темпоральное) проявляют себя более интенсивно в зависимости от домена исследований (гуманитарный, естественный, трансграничный). Однако это нарушает принцип равнозначности измерений, а также положения сильной программы в социологии знания, согласно которой любые причины могут сформировать научные представления, как социальные и культурные, так и материальные или когнитивные. Естественные и точные науки не отличаются в данном отношении от других. Кроме того, отсутствуют универсальные закономерности в действии причин на знание. Любое объяснение причин наших идей является относительной интерпретацией.

Социальные конструктивисты считают научные идеи производными от интеракций в сообществах исследователей и в соответствующем смысле социальными фактами и теоретическими конструкциями. С конструктивизмом совместимы многие другие эпистемологии, включая точки зрения антиреализма или реализма. Антиреализм можно сопоставить с философским номинализмом и концептуализмом, когда границы между объектами, видами, каузальными законами и областями знания проводятся в мышлении, языке, коммуникации, познавательной практике, но не соответствуют структуре реальности, скрытой за многочисленными слоями культурного опыта.

Плурализм в классификациях якобы поддерживает конструктивизм и антиреализм, но он совместим и с научным реализмом. Против антиреализма свидетельствуют и наиболее фундаментальные открытия в естествознании (номенклатура химических элементов и фундаментальных частиц), которые показывают, что точное знание о видах и границах объектов достижимо. А теория о референциальном потенциале понятий Ф. Китчера и П. Стэнфорда объясняет стабилизацию и сохранение значений в языке, несмотря на изменчивость опыта, холизм и прагматические контексты.

References

Eberle, 2023 – Eberle, T.S. “Concepts of Realism in Constructivist Approaches”, *Sociologica*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 155–173. <https://doi.org/10.6092/issn.1971-8853/15794>

Hume, 1896 – Hume, D. *A Treatise of Human Nature*. Oxford: Clarendon Press, 1896.

Lock, 1997 – Lock, J. *An Essay Concerning Human Understanding*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1999.

Stanford, Kitcher, 2000 – Stanford, P.K., Kitcher, P. “Refining the Causal Theory of Reference for Natural Kind Terms”, *Philosophical Studies*, 2000, no. 97, pp. 99–129.

Yakovleva, B.A. “Pekuljarnye galaktiki” [Peculiar Galaxies], *Astronet* [Internet Resource]. [<https://www.astronet.ru/db/msg/1175803/index.html>, accessed on 14.06.2024]. (In Russian)

КОММУНИКАТИВНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН – PRO ET CONTRA. ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ*

**Антоновский Александр
Юрьевич** – доктор
философских наук,
исследователь.
Межрегиональная
общественная организация
«Русское общество истории
и философии науки».
Российская Федерация,
105062, Москва, Лялин пер.,
1/36, стр. 2;
e-mail: antonovski@hotmail.
com

COMMUNICATIVE CLASSIFICATION OF SCIENTIFIC DISCIPLINES – PROS AND CONS. REPLY TO CRITICS

Alexander Yu. Antonovski –
DSc in Philosophy, Researcher.
Inter-Regional
Non-Government Organization
“Russian Society of History
and Philosophy of Science”.
1/36 Lyalin Lane, build. 2,
Moscow 105062,
Russian Federations;
e-mail: antonovski@hotmail.
com

Выражаю благодарность коллегам за проделанный критический анализ. Было выявлено много неточностей, противоречий и ошибок.

В статье А.В. Сахаровой предлагается дать ученым право на самоопределение в вопросе обозначения границ своей науки, но при

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) в МРОО «Русское общество истории и философии науки». The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of grant 24-18-00183 “Taxonomies in the ontological, methodological and disciplinary structures of science” (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) in Inter-Regional Non-Government Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”.

этом запретить им транслировать (административно?) свои дисциплинарные стандарты на другие области науки. Однако практикующие ученые редко занимаются самоопределением, обозначением границ своей науки, и еще реже распространяют дисциплинарные принципы на другие области. Но если они это делают, то уже не в ипостаси практикующего ученого, а переходят на метауровень – эпистемологического – анализа, превращаются в философов науки.

Такая экспансия исследовательских стандартов, если она случается, должна принять коммуникативный формат запроса на контакт в виде научной публикации. Если она найдет коммуникативный ответ (в ее критике, цитировании, ответной статье и т.д.), это и будет означать начало кристаллизации трансдисциплинарного дискурса. Кто конкретно выступает инициатором «расширения дисциплинарных рамок», научно-образовательный и профессиональный бэкграунд ученого и его научная специальность не так существенны для принятия такого запроса. Существенен сам характер публикации, ее способность инициировать кристаллизацию нормативных ожиданий (дискурса мета-транс-дисциплинарности, а затем и соответствующей институционализации в виде секторов, кафедр, журналов). Но первый эволюционный механизм формирования трансдисциплин – это формирование пула читателей «трансдисциплинарной» статьи, способных ответить на том же метаязыке. В этом контексте тезис, что у самих ученых есть некое право на самоопределение, но запрет на экстраполяцию собственных исследовательских стандартов лишен смысла. С точки зрения коммуникативного этоса науки любое научное высказывание, если оно не идеологично, не манипулятивно, обосновано и актуально, имеет право на существование и требует валидации или отклонения, кто бы его ни совершал – философ науки или практикующий ученый.

В то же время мы разделяем сомнения А.В. Сахаровой в том, что предложенная классификация не «достаточна для деления области науки на дисциплины». Действительно, эта классификация (как и любая другая) не является исчерпывающей. Во-первых, потому что подразделяются не конкретные дисциплины, а скорее их комплексы, распределяющиеся прежде всего на фундаментальные (предметно-ориентированные, ищущие в структурах самого предмета наблюдения возможности для самоструктурирования), ориентированные на социальные запросы, а также отвечающие вызовам времени. При этом конкретная дисциплина может отвечать сразу нескольким ориентирам или начинаться как ситуативно значимая, а затем превращаться в фундаментальную, как это случилось с микробиологией, находящейся на стыке фундаментальных и клинических задач. Поэтому аргумент А.В. Сахаровой о том, что «результаты фундаментальной дисциплины неожиданно «сыграют» в каком-либо прикладном аспекте, как, например, исследования атома», вовсе не опровергает, а как раз

подтверждает принцип коммуникативной дифференциации. Научное высказывание определяется не только в собственно предметном, но и в социальном, и во временном измерениях. При изменении исторической ситуации меняется и коммуникативное значение текстов, как это случилось, например, с «Доном Кихотом» Пьера Менара.

Первая предпосылка предложенной классификации состоит в том, что научное высказывание в форме публикации представляет собой запрос на контакт, ответ на который требует учета трех контекстов: о чем говорить, с кем говорить и когда говорить. В этом смысле всякая научная статья тематизирует предмет, мнение коллег и приоритизирует нечто новое. И чтобы быть понятым (= принятым или отклоненным), этот запрос получает комплексное определение в означенном пространстве измерений. Поскольку же наука – на элементарном уровне – состоит из высказываний-публикаций (вторая предпосылка), то соответственно образуются комплексы дисциплин, в большей или меньшей степени (!) учитывающие тот или иной из означенных контекстов.

Конечно, этот классификационный принцип и сам остается идеальным типом. И значит, в чистом виде мы не встретим исключительно предметно-, темпорально- или социально-ориентированных дисциплин. Каждая из них в большей или меньшей степени «инстанцирует» данный принцип или отклоняется от этой регулярности. В этом смысле принцип реализма (учета структурности внешнего мира) не противоречит принципу коммуникативизма (учета структурности коммуникативного запроса на контакт).

Этим мы отвечаем на упрек в произвольности и субъективности, по мнению А.В. Сахаровой, проистекающий из структуры коммуникации, которая действительно, согласимся, не имеет коррелята в ее внешнем мире. Действительно, коммуникация, не исключая и научную, в первую очередь занята сама собой, заинтересована в том, чтобы продолжаться, независимо и даже вопреки тому, что происходит вне ее.

В этом смысле представляется оправданным опасение Сахаровой А.В., касающееся того, что из притязания на реалистическое описание реальности науки вытекает коммуникативный релятивизм. Ведь научная коммуникация требует придумывать все новые аргументы, чтобы отвечать на прошлые публикации, а не самой природе, у которой нет своего собственного голоса. Правда, из этого коммуникативного релятивизма, в свою очередь, парадоксальным образом вытекает реализм.

Во-первых, наука – сама по себе реальное предприятие, и квинт-эссенция ее реальности – это ее публикации, имеющие вполне определенные пространственно-временные границы. Во-вторых, наука, даже будучи коммуникацией, не замыкается в своих коммуникативных продуктах – фантастических теориях о прямолинейных движениях,

на которые не действуют никакие силы, идеальных типах целерационального действия, неизбежно обремененных и аффективностью, и ценностной нагруженностью. Реалистичность научных теорий не столько референтна, сколько инструментальна в смысле Яна Хакинга, который выводил реальность электрона из его инструментально-наблюдательной функции в электронном микроскопе.

Предлагаемые модели, классификации, идеальные типы и теории суть инструменты наблюдения реальности, применение которых позволяет зафиксировать эмпирические отклонения от предложенных моделей. А.В. Сахарова утверждает, что «дисциплины лишь отчасти подчиняются этим принципам», но фиксация этого «отчасти», этой погрешности в измерениях, как раз и отсылает к эмпирической реальности, не поддающейся однозначному схватыванию в ее моделях. Реальность возникает как результат сравнения показаний всегда несовершенного инструмента наблюдения (каковыми являются также и научные понятия и классификации) и уточняющего наблюдения второго порядка, фиксирующего область недоступности в наблюдении первичного наблюдателя. Реальность и сама контекстуальна, поскольку является эмерджентным результатом фиксации чужого «слепого пятна» наблюдения в рамках некоторого метанаблюдения.

В этом смысле предложенная коммуникативная классификация реальна в том смысле, что приняла материальную форму публикации, а значит, и сама является предметом научного анализа в отношении того, как она отвечает своему референту (науке), как выдерживает критику коллег и насколько она нова и актуальна. А.В. Сахарова, пользуясь предложенным инструментом наблюдения, тестирует данный инструмент наблюдения на его чувствительность к фактической реальности науки и как наблюдатель второго порядка видит больше, фиксирует реальность, закрытую слепым пятном нашей идеально-типической классификации. Собственно, в этом и состоял знаменитый реалистический тезис Бернара Шартского о наблюдателях, карликах, стоящих на плечах гигантов и видящих дальше них.

Е.В. Масланов задается вопросом о том, зачем «отказываться от классического использования концепции естественных видов для выстраивания классификации наук, ведь они сразу же были “возвращена” в первом механизме дифференциации». Приходится согласиться с тем, что естественные виды в каком-то смысле неустранимы, ведь любая дисциплина составляет модели, имеющие естественные корреляты как некую область более жестких связей, независимых от связей внутри дисциплины. Электрон «размазан» по орбите, но есть области большей вероятности его обнаружения. Но эта «естественность» (т.е. природно-заданные границы объектов) почти сразу же нивелируется в научном наблюдении, ведь у ученого всегда есть возможность поворота на 360 градусов – от предмета самого по себе,

в его «естественной» данности и границах, к модусу наблюдения этого предмета, к методу, инструменту, истории исследования предмета в данной дисциплине.

Наблюдатель не может раствориться во внешнем мире, в «ноэ-матическом» содержании наблюдения. Он всегда словно возвращается к себе, переходит от того, что он рассматривает, к тому, как он это рассматривает. Другими словами, у теории или модели (инореферентного «о чем» наблюдения) есть корреляты во внешнем мире науки, и в этом смысле он «естественен». Но в то же время у самореферентного «как» наблюдения (обращения к методу, к инструменту, технике изложения, критике подходов) такого естественного коррелята, очевидно, не обнаруживается. Техника наблюдения – это собственно и есть сама коммуникация.

Далее Е.В. Масланов указывает на то, что разделение на *hard/soft science* связано с различием дисциплин в точности их предсказаний. Конечно, трудно спорить с тем, что различие в предсказательной силе является основанием их дифференциации. В этом смысле значения высказываний в темпоральном измерении влияют на дифференциацию наук по их предмету. Этот тезис лишней раз подчеркивает, что наука в целом находится в суперпозиции – в том смысле, что ее предметная, социальная и временная локализация выказывает свойства некоего подобия принципа неопределенности. Большая точность ее фиксации в предметном измерении (например, если мы признаем *soft science* за полноценную, предметно-определенную науку) приводит к размыванию определенности во временном отношении, в данном случае – в вопросе точности ее предсказаний (но также и в вопросе истинности, т.е. в социальном измерении). Ведь лишь то, что подтвердится в будущем, определит, относится ли некоторое высказывание к науке. Рецензенты вынуждены иногда принимать к публикации статью с «отложенными» на будущее результатами, авансом, если автору удалось удачно проблематизировать свое высказывание. Проблемность (третье – темпоральное – значение бинарном коде истина/ложь) выступает в этом случае неким функциональным аналогом истины и служит основанием научного консенсуса. В этом смысле и сами *soft science* принимаются в науку авансом, поскольку однозначно фиксируют проблему (трудная проблема сознания, проблема социального порядка и т.д.), но пока не предложили четких критериев истинности в их решении.

В критике О.И. Соколовой проблематизируется введенное нами различие когнитивных и нормативных ожиданий. Однако я вовсе не утверждал, что это различие является «вариантом решения» проблемы первичности «природных видов» или «исследовательских целей». Несколько тривиализируя, можно сказать, что социальные ожидания (как социальные структуры) делают возможным как нормативную стабилизацию дисциплины (парадигмы), так и ее трансформа-

цию (преодоление дисциплинарных стандартов). Словари и энциклопедии – квинтэссенции нормативных ожиданий, но одновременно – главные мишени в конкуренции парадигм. Замечания О.И Соколовой о том, что энциклопедии все-таки способны презентировать (хотя мне лично такое не встречалось) прорывные научные открытия, как раз и не соответствует нормативным ожиданиям, закрепляющимся в этом жанре. И если кто-то утверждает нечто, не соответствующее жанру, сам жанр это нисколько не меняет, а лишь создает – в лучшем случае – свой собственный. В этом смысле я бы не назвал предлагаемые в качестве контрпримеров открытые «сетевые энциклопедии» энциклопедиями в собственном смысле. Социально-сетевая публичная презентация текстов в таком формате open access и соответствующая публичная сетевая экспертиза статей и репутаций – это новый феномен демократизации и эгалитаризации науки. Он делает возможным предложение к обсуждению научных высказываний, обходящих строжайшие фильтры научно-эволюционного отбора и этим – парадоксальным образом – усиливающих вариативность или изменчивость в эволюции научного знания. Он словно компенсирует некоторые дисфункции меритократизма (эффекты Матфея и т.д.), который в целом, однако, представляется функционально полезным для самоуправления в науке. То, как с такой вариативностью справляется сама наука, – вопрос отдельный.

А.А. Аргамакова в своей реплике обращается к классическому для эпистемологии и философии науки противопоставлению реализма и антиреализма, или социального конструктивизма разной степени жесткости. Не очень понятно, что А.А. Аргамакова понимает под «реальными свойствами объектов», на основании которых, по ее мнению, строятся научные классификации. Номенклатура химических объектов не может являться здесь аргументом в пользу реализма, т.к., во-первых, подлежит постоянной корректировке на протяжении ее истории, то есть удовлетворяет критерию темпоральности. Во-вторых, требует консенсуса ученых для ее внедрения в научные практики, т.е. удовлетворяет критерию социальности. В-третьих, в предметном отношении можно с равной степенью аргументированности заявлять как то, что «природа проводит границы внутри видов», так и то, что видовые границы представляют собой теоретические конструкты, произвольно выбранные самими учеными и «навязанные» природе извне. Именно в этом и заключается философская проблема определения «естественных видов»: ни одна из перечисленных А.А. Аргамаковой концепций, претендующих на решение этой проблемы, не смогла закрепиться в качестве окончательного решения естественно-видового вопроса, как бы к тому ни стремились ее авторы. Предложенная мной коммуникативная модель классификации не является исключением.

В заключение хочу еще раз поблагодарить авторов за их участие в дискуссии, критические замечания и вдохновляющие предложения.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ ОПЫТА ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ АГЕНТНОСТИ

Фауль Богдан Владимирович – кандидат философских наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Российская Федерация, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16;
e-mail: faulbogdan@gmail.com

В данной статье автор предлагает феноменологический аргумент в пользу того, что мы являемся либертарианскими агентами: мы способны выбирать между альтернативными возможностями и являемся источниками своих действий. Автор демонстрирует, что необходимо принимать свидетельства опыта, если нет достаточных оснований против, потому что в противном случае это приводит к глобальному скептицизму. Далее, автор рассматривает потенциальные возражения на аргумент и приходит к выводу, что в данный момент времени свидетельств отвергать опыт того, что мы являемся либертарианскими агентами, недостаточно. Аргументы за и против глобального детерминизма уравновешивают друг друга. Научные данные в пользу локального детерминизма недостаточны в силу некорректного дизайна исследований. Помимо этого, автор демонстрирует, что другие аргументы направлены против определенного типа теорий свободы воли, а не против того, что мы являемся либертарианскими агентами. Автор приходит к выводу, что опыт либертарианской агентности является решающим в текущий момент времени, однако это не означает, что так будет всегда. Помимо этого, остается возможность отрицать, что у нас имеется феноменологический опыт либертарианской агентности. В дополнение к этому автор формулирует теорию свободы воли, которая основывается на концепции либертарианской агентности и демонстрирует, как теории этого типа справляются со случаями Франкфурта.

Ключевые слова: свобода воли, либертарианство, компатибилизм, инкомпатибилизм, принцип доверия, феноменологический аргумент

THE EPISTEMIC RELEVANCE OF THE EXPERIENCE OF LIBERTARIAN AGENCY

Bogdan V. Faul – PhD in Philosophy, Associate Professor. HSE Saint-Petersburg. 16 Soyuzna Pechatnikov St., Saint Petersburg 190121, Russian Federation;
e-mail: faulbogdan@gmail.com

In this paper, the author offers a phenomenological argument that we are libertarian agents: we can choose between alternative possibilities and are the sources of our actions. The author demonstrates that it is necessary to accept the evidence of experience unless there are sufficient reasons against it because otherwise, it leads to global skepticism. Further, the author considers potential objections to the argument and concludes that at this point, there is not enough evidence to reject the experience that we are libertarian agents. The arguments for and against global determinism balance each other out. The scientific evidence favoring local determinism is insufficient due to flawed research design. In addition, the author demonstrates that the other arguments are against a certain type of free will theories, not against us being libertarian agents. The author concludes that the experience of libertarian agency is crucial at the current

moment, but this does not mean that this will always be the case. Beyond this, it remains possible to deny that we have a phenomenological experience of libertarian agency. In addition, the author formulates a theory of free will that is based on the concept of libertarian agency and demonstrates how theories of this type deal with Frankfurt cases.

Keywords: free will, libertarianism, compatibilism, incompatibilism, the principle of credulity, phenomenological argument

Людей часто удивляет тот факт, что абсолютное большинство зарубежных специалистов по философии не видят противоречия между детерминизмом и свободой воли [Bourget, Chalmers, 2014, p. 15]. Это неслучайно, ведь кажется, что мы можем выбирать между *альтернативными возможностями*, а также что мы являемся *источниками своих действий*. Иными словами, нам кажется, что мы являемся *либертарианскими агентами*. Более того, если мы являемся либертарианскими агентами, то это представляется важным для свободы: мы свободны именно по той причине, что являемся либертарианскими агентами. Проблема эпистемологической релевантности опыта либертарианской агентности – это проблема оценки эпистемологической ценности *феноменологического свидетельства, согласно которому мы являемся либертарианскими агентами*. В данной статье я продемонстрирую, что если у нас действительно есть опыт либертарианской агентности, то этот опыт имеет решающее эпистемологическое значение на сегодняшний день, хотя это может измениться в будущем.

В современной философии имеется ряд текстов, в которых данная проблематика затрагивается в большей или меньшей степени как с позиций, которые негативным образом оценивают эпистемологическую значимость опыта либертарианской агентности [Smilansky, 2003; Walter, 2014; Wegner, 2002], так и с позиций позитивной оценки [Mawson, 2011; Van Inwagen, 2017; Chisholm, 1976; O'Connor, 2000; Clarke, 2003]. Однако эти рассуждения, как правило, сконцентрированы на проблемах того, действительно ли у нас есть опыт либертарианской агентности, а следствия из наличия такого опыта рассматриваются вскользь, если не считать крайне редких исключений [Nelkin, 2004]. В отечественной литературе данная проблема в более или менее эксплицитной форме рассматривается Васильевым, Волковым, Левиным, Мерцаловым, Разеевым, Секацкой, Югай и др. [Васильев, 2017; Волков, 2016; Левин, 2018; Левин, Югай, 2019; Мерцалов, 2021; Разеев, 2017; Секацкая, 2016].

В первой части статьи я введу основные понятия: *опыт либертарианской агентности, либертарианский агент, либертарианский феноменологический реализм*. Далее я перейду к формулировке *принципа доверия*, который является основой центрального аргумента

статьи. После этого я сформулирую аргумент, в выводе которого утверждается, что мы являемся либертарианскими агентами. В следующих разделах я сконцентрируюсь на двух типах возражений к тому, что наш опыт либертарианской агентности является эпистемологически значимым, и продемонстрирую, что в данный момент эти возражения недостаточны. В завершающей части статьи я продемонстрирую, как факт того, что мы являемся либертарианскими агентами, может быть использован для ответа на случаи Франкфурта в теориях свободы воли.

Основные понятия

Т. Хорган и М. Симмонс выделяют две центральные характеристики феноменологии свободы воли:

Характеризуют ли выражения вида «исходит из личности как из источника» и «является таким, что некто мог поступить иначе в этих же обстоятельствах» некоторые аспекты феноменологии действия и выбора точным образом? В этом вопросе, по крайней мере, мы оптимистичны в том, что ответ является утвердительным [Horgan, Timmons, 2011, p. 190].

Модифицируя идеи Т. Хоргана и М. Симмонса, можно дать следующую формулировку опыта либертарианской агентности: субъект S имеет опыт либертарианской агентности в том случае, когда S имеет опыт, что (а) в некоторый момент времени S способен совершить либо X, либо не-X; и S имеет опыт, что (б) S является источником своих действий. Субъект S действительно является либертарианским агентом, когда (а) и (б) истинны в отношении S.

Таким образом, обозначим позицию, согласно которой у нас действительно имеется опыт либертарианской агентности, как *либертарианский феноменологический реализм*. Соответственно, *либертарианский феноменологический антиреализм* – это позиция, согласно которой у нас нет опыта либертарианской агентности. Современная дискуссия в значительной степени вращается вокруг вопроса о том, действительно ли у нас есть такой опыт [Horgan, Timmons, 2011]. Есть ли такой опыт у людей, которые не занимались философией и проблемой свободы воли, и как мы способны зафиксировать этот опыт? [Nahmias et al., 2004] В рамках данной статьи я не буду касаться этих проблем. Предмет анализа в том, что следует из либертарианского феноменологического реализма.

Принцип доверия

В данном разделе я сконцентрируюсь на принципе доверия, который является главным эпистемологическим фундаментом центрального аргумента статьи. Принцип доверия получил наилучшую разработку в работах Р. Суинберна [Swinburne, 2004, p. 293–328], но преимущественно развивался в трудах, посвященных аргументу от религиозного опыта в философии религии [Alston, 1993]. Сегодня он является общим эпистемологическим принципом, который может иметь различные формулировки [Tucker, 2013, p. 1–29].

Принцип доверия: если субъект *S* имеет опыт, что *X* имеет место, то этот опыт увеличивает эпистемологическую вероятность, что *X* имеет место при условии отсутствия контрсвидетельств.

Таким образом, в данной формулировке принципа выражается взгляд, согласно которому опыт имеет *пропозициональное содержание* и увеличивает эпистемологическую вероятность того, что пропозициональное содержание опыта истинно [Tooley, 2013; Conee, 2013].

Эпистемологическая вероятность напрямую связана с идеей эпистемологической рациональности. Если истинность некоторой пропозиции *X* имеет наиболее высокую эпистемологическую вероятность для *S*, то для *S* рационально считать, что *X* имеет место. Если рациональность нормативна, то в этом случае субъект *S* должен считать, что *X* имеет место [Kiesewetter, 2017].

Таким образом, в соответствии с принципом доверия некоторый опыт, что *X* имеет место, делает убеждение «*X* имеет место» более рациональным при условии отсутствия контрсвидетельств. В современной литературе выделяют два вида контрсвидетельств: *опровергающие* (rebutters) и *подрывающие* свидетельства (underminers) [Alston, 2004, p. 138].

Опровергающие свидетельства дают веские основания считать, что *X* не имеет места, хотя *S* и имеет противоположный опыт. Например, если вы видите дерево перед собой, то в соответствии с принципом доверия, скорее всего, дерево действительно находится перед вами. Однако вам могут предоставить свидетельства, что дерево – это голограмма, которую ученые специально сконструировали для того, чтобы вас обмануть. Если эти свидетельства будут достаточно обоснованными, то вы должны перестать считать, что перед вами находится дерево.

Подрывающие свидетельства дают веские основания считать, что связь субъекта *S* с реальностью недостаточно надежна. Например, вам могут предоставить достаточные основания считать, что каждый раз, когда на вашу сетчатку глаза попадает свет от фонарного столба, ваш мозг по какой-то причине неправильно обрабатывает этот опыт, в результате чего вы видите дерево. Данный факт снижает

надежность вашего опыта, и разумным было бы перестать быть уверенным в том, что перед вами находится дерево.

Основная мотивация принятия принципа доверия состоит в том, что его отрицание приводит к глобальному скептицизму в отношении существования внешнего мира. Если принцип доверия верен, то метафизический реализм в той или иной форме становится рационально обоснованным. Иными словами, принятие принципа доверия рационально обосновывает то, что во внешнем мире существуют объекты, с которыми мы сталкиваемся в нашем опыте. Можно признать, что большинство современных философов принимают какую-либо из разновидностей принципа доверия, поскольку 81,6% из них придерживаются антискептического реализма [Bourget, Chalmers, 2014, p. 15].

Следует отметить, что принцип доверия является универсальным. Иными словами, если принцип доверия истинен, то он истинен для любого опыта. Если некоторый тип опыта не попадает в область действия принципа доверия, то этот факт требует объяснения. Такое объяснение может существовать только в форме наличия контрсвидетельств, которые будут являться либо опровергающими, либо подрывающими свидетельствами. Иными словами, если есть веские основания считать, что некоторый тип опыта (например, религиозный) не имеет эпистемологической ценности, то эти основания совместимы с истинностью принципа доверия, поскольку они будут объяснены в категориях, которые предполагаются принципом. Таким образом для того, чтобы некоторый опыт имел эпистемологическую ценность, необходимо удовлетворение следующих условий: (i) опыт должен иметь место, (ii) опыт должен определять пропозициональное содержание (например, что X имеет место), (iii) опыт не должен опровергаться достаточным количеством контрсвидетельств. Либертарианский феноменологический реализм как минимум предполагает удовлетворение условиям (i) и (ii).

Феноменологический аргумент

1. Либертарианский феноменологический реализм истинен.
2. Если либертарианский феноменологический реализм истинен, то разумно принимать, что мы являемся либертарианскими агентами в том случае, когда нет достаточных опровергающих и подрывающих свидетельств против этого.
3. Таких опровергающих и подрывающих свидетельств нет.
4. Разумно принимать, что мы являемся либертарианскими агентами.

Как уже было отмечено выше, посылка (1) принимается в соответствии с целями статьи. Посылка (2) является крайне правдоподобной, потому что ее отрицание ведет к глобальному скептицизму, как было продемонстрировано в предыдущем разделе. Остается посылка (3). Именно эта посылка и является основной с точки зрения обосуждения потенциальных возражений на аргумент.

Подрывающие свидетельства

Сконцентрируемся для начала на подрывающих свидетельствах. Чтобы найти подрывающее свидетельство, необходимо указать на весомые основания считать, что наша феноменология неправильным образом репрезентирует реальную ситуацию. В применении к проблематике статьи нужны основания, которые продемонстрируют, что сам опыт того, что мы являемся либертарианскими агентами, *ненадежно репрезентирует реальные свойства агентов*. Однако нельзя в то же время утверждать, что мы знаем об этой ненадежной репрезентации на основании того, что мы знаем, что мы не либертарианские агенты фактически. Такой тип возражения классифицировался бы как опровергающее свидетельство. Поэтому либо наша феноменология в отношении либертарианской агентности не так прозрачна, либо ей нельзя доверять по причине того, что феноменология не может быть надежной в целом.

В первом случае мы получаем позицию либертарианского феноменологического антиреализма, которую мы отвергли в посылке (1). Во втором же случае необходимо продемонстрировать тот факт, что наше интроспективное свидетельство ненадежно. Например, иногда люди испытывают фантомные боли, хотя на деле за этой болью не стоит никаких реальных состояний тела. Быть может, наша интроспекция в отношении свободы воли подобна фантомной боли и на самом деле она не репрезентирует никаких реальных свойств агента? Вполне возможно. Однако такое предположение не может считаться основанием отвергать надежность интроспекции в целом. Чтобы получить подрывающее свидетельство, мало просто снизить вероятность того, что интроспекция надежна, нужно уверенно утверждать, что она ненадежна в целом и, как следствие, ненадежна и в вопросе опыта либертарианской агентности. В противном случае мы не получим подрывающее свидетельство. Несмотря на огромное количество дискуссий вокруг интроспекции, она все же выстраивается вокруг того, является ли она абсолютно надежной для самопознания либо же способна иногда некорректно репрезентировать реальные свойства агента [Schwitzgebel, 2024]. В данный момент нет оснований систематически сомневаться в ее надежности, из чего следует, что нет такого подрывающего свидетельства, которое способно отвергнуть посылку (3).

Опровергающие свидетельства

Сконцентрируемся на опровергающих свидетельствах. В данный момент необходимо обратить внимание на то, что если мы действительно являемся либертарианскими агентами, то *само по себе это еще не влечет истинности какой-либо теории в рамках дискуссии о свободе воли*. Компатибилизм, например, преимущественно (хотя и не всегда) формулируется как теория о совместимости детерминизма и свободы воли вне прямого отношения к проблематике истинности детерминизма [McKenna, Coates, 2024]. Если мы являемся либертарианскими агентами, то детерминизм ложен, однако некоторые разновидности компатибилизма, в которых не утверждается истинность детерминизма, все еще могут быть правильными теориями свободы воли даже в том случае, если мы фактически являемся либертарианскими агентами. Это означало бы, что, даже если бы в нашем мире был истинен детерминизм, мы все равно были бы свободными, пусть мы и не могли бы выбирать между альтернативными возможностями. Таким образом, если мы фактически являемся либертарианскими агентами, это не означает, что параметры этой агентности обязаны становиться компонентами теории свободы воли. Именно по этой причине мы не можем рассматривать различные теории свободы воли как свидетельство, которое опровергает или даже делает вклад в опровержение того, что мы являемся либертарианскими агентами.

Таким образом, чтобы лишить опыт либертарианской агентности эпистемологической ценности, должны быть веские основания считать, что как минимум одно из следующих утверждений является ложным:

(1) В некоторый момент времени t субъект S способен совершить либо X , либо не- X .

(2) В некоторый момент времени t субъект S является источником своих действий.

В данной конъюнкции переменные t и S из (1) принимают те же значения, что и переменные t и S из (2). В данном разделе я рассмотрю, какие основания могут быть отрицать (1) или (2).

Во-первых, необходимо рассмотреть вопрос об *истинности детерминизма*. Согласно глобальному детерминизму, состояние вселенной в некий момент времени имеет только одно возможное будущее. Если детерминизм верен, то как минимум ложно (1). Более того, если детерминизм верен, то ложно и (2), поскольку причины действий агентов можно отсчитывать с момента до их рождения, и, как следствие, источниками их действий окажутся силы и события, которые выходят за их пределы [Strawson, 1986, p. 25]. Вопрос упирается в то, есть ли у нас какие-то весомые основания принимать

детерминизм и достаточны ли эти основания, даже если они есть, чтобы превысить эпистемологическую значимость феноменологического либертарианского реализма. В данном отношении следует указать на то, что аргументы за и против детерминизма находятся в состоянии паритета [Hoefler, 2023]: научных данных недостаточно, чтобы однозначно утверждать истинность детерминизма или индетерминизма. Философские основания в пользу или против детерминизма также не могут быть решающими. Поэтому нельзя рассматривать детерминизм как опровергающее свидетельство, в силу которого мы должны отрицать (1) или (2). Однако эта ситуация характерна только для сегодняшнего дня: если в будущем окажется так, что в научном сообществе возникнет консенсус по поводу глобального детерминизма, феноменологический аргумент будет гораздо сложнее защищать.

Во-вторых, рассмотрим *принцип каузальной замкнутости физического мира*. Согласно этому принципу, у каждого физического события есть достаточная физическая причина. Можно подумать, что этот принцип опровергает (2), ведь кажется, что если мы являемся либертарианскими агентами, то мы должны быть нематериальными агентами, а в этом случае для агентов не остается никаких причинно-следственных задач. Однако в (1) или (2) самих по себе не утверждается, что агент должен быть нематериален, поэтому сам по себе принцип каузальной замкнутости физического не может являться опровергающим свидетельством. Можно пойти другим путем и на основании принципа каузальной замкнутости построить *аргумент разоблачения в отношении либертарианской агентности*: если принцип каузальной замкнутости физического верен, значит, есть объяснение действий агента без использования категории агента. Из этого следует, что мы должны предпочесть это объяснение в силу его большей предполагаемой простоты, и это будет опровергать наш опыт, согласно которому мы являемся либертарианскими агентами. Данное рассуждение, однако, вновь основывается на том, что либертарианский агент нематериален, но ничего подобного не утверждается в (1) или (2). Таким образом, для демонстрации того, что сам по себе принцип каузальной замкнутости физического не может выступать как опровергающее свидетельство, даже не нужно указывать на его спорность в современной философии [Lowe, 2008]. Принцип каузальной замкнутости физического вступает в противоречие с теориями свободы воли, однако оказывается совместимым с существованием либертарианских агентов.

В-третьих, необходимо рассмотреть *эксперименты в стиле Либета*. Эти эксперименты демонстрируют, что сознательное решение агента является следствием какой-то активности в мозге, которую агент не осознает. Эксперименты Б. Либета [Libet et al., 1982], например, демонстрируют, что нейрональная активность, которая называется потенциалом готовности, на 350 миллисекунд предшествует

сознательному решению агента действовать. Таким образом, агенту лишь кажется, что есть волевое решение действовать, но на самом деле само это решение возникает лишь после активации потенциала готовности, который находится за пределами феноменологии агента. Помимо этого, есть эксперименты Ч. Суна и коллег [Soon et al., 2008], в которых посредством функциональной магнитно-резонансной томографии были обнаружены паттерны активации различных регионов мозга, декодировка которых позволяет предсказывать выбор человека между двумя кнопками с вероятностью 60%. Эти процессы обнаруживаются в мозге за промежуток времени от 7 до 10 секунд до того момента, когда агент сообщает о том, что принял решение. Эти эксперименты могут продемонстрировать истинность локального детерминизма, и, как следствие, это может рассматриваться как опровергающее основание в отношении (1) и (2). Однако, как убедительно демонстрирует М. Фишборн, текущее состояние этих экспериментов не противоречит тому, что мы являемся либертарианскими агентами, хотя это опровержение и возможно в будущем [Fischborn, 2016]. Эксперименты Б. Либета недостаточны, поскольку сам дизайн экспериментов, как выяснилось, не предполагает замера событий, в которых активируется потенциал готовности, но действия после этого не следует. Это означает, что потенциал готовности может не иметь причинного значения, а просто лишь предшествовать решению агента, которое и является причиной (или же потенциал готовности может быть необходимой, но недостаточной частью причины действовать). Эксперименты Ч. Суна и коллег страдают той же проблемой, что и эксперимент Б. Либета: в них не учитываются события, в которых имеется нужная нейрональная активность, но нет действия. Однако в дополнение к этому еще и вероятность предсказания снижена. Иными словами, результатов этого эксперимента недостаточно для установления локального детерминизма, как недостаточно и экспериментов Б. Либета. Таким образом, эксперименты этого типа в текущий момент времени не опровергают ни (1), ни (2) [Ibid., p. 503–507]. Однако возможна ситуация, когда эксперименты этого типа будут поддерживать локальный детерминизм, просто в данный момент такая ситуация не наступила.

В-четвертых, нужно сконцентрироваться на том, что в литературе называют *возражением от удачи*. Если у агента имеется выбор между альтернативными возможностями А и не-А, то, кажется, нет никакого причинно-следственного объяснения, почему именно агент выбирает одно, а не другое. Все события до момента выбора тождественны, однако в последний момент почему-то происходит актуализация одного из двух возможных событий. Это означает, что у события выбора нет объяснения и, как следствие, выбор А вместо выбора не-А оказывается вопросом удачного стечения обстоятельств [Mele, 1998]. Из этого следует, что агент не может нести

моральной ответственности за свои поступки либо же за последствия своих поступков именно в силу этой удачи. На данный аргумент есть множество ответов: агентные либертарианцы вроде Т. Моусона утверждают, что в сценарии выбора А агент фактически выбрал А, и именно в силу этого волевого решения он и несет моральную ответственность, пусть все могло случиться иначе [Mawson, 2011]. Дж. Фишер, например, считает, что важно, чтобы состояния агента до выбора приводили к выбору правильным образом [Fischer, 2014]. Р. Кейн стремится продемонстрировать, что индетерминизм встраивается в общую телеологическую активность агента и поэтому не снижает общего контроля агента над событием, что сохраняет моральную ответственность [Kane, 2014]. В контексте нашего обсуждения самым любопытным является то, что принятие истинности (1) и (2) само по себе не обязывает как-то отвечать на аргумент последствий. Если я выбираю между альтернативными возможностями, то это мой выбор и я являюсь источником этого выбора, объясним ли он причинно-следственно или нет. Кто-то может утверждать, что теория свободы воли, в которой мои действия, например, необъяснимы в терминах предшествующей причинности, является плохой теорией свободы воли. Однако в данный момент, как уже отмечалось до этого, аргументация выстраивается не в пользу некоторой теории свободы воли, а в пользу того, что мы являемся источниками действия и можем выбирать между альтернативными возможностями. Само по себе принятие этих двух тезисов еще не обязывает принимать ту или иную позицию в дискуссии о свободе воли и моральной ответственности. Таким образом, возражение от удачи, даже если предположить его успешность, опровергает только некоторые теории свободы воли, но не опровергает того, что мы являемся либертарианскими агентами.

Глобальный и локальный детерминизм не могут опровергнуть, что мы являемся либертарианскими агентами, поскольку недостаточно обоснованы в текущий момент времени. Возражение от удачи и принцип казуальной замкнутости являются возражением против определенных теорий свободы воли, а не против того, что мы являемся либертарианскими агентами, что совместимо с огромным количеством теорий свободы воли, включая и компатибилистские. Оснований сомневаться в надежности интроспекции также недостаточно. Из этого следует, что если либертарианский феноменологический реализм истинен, то мы должны считать, что являемся либертарианскими агентами в предложенном смысле, и, как следствие, опыт либертарианской агентности оказывается не просто эпистемологически релевантным, но решающим.

Минимальное либертарианство

Как уже было неоднократно отмечено, даже если мы являемся либертарианскими агентами, это еще не влечет истинности какой-то либертарианской теории само по себе. В качестве небольшого дополнения в данном разделе я предложу теорию, которая органично включает в себя тот факт, что мы являемся либертарианскими агентами, и отвечает на случаи Г. Франкфурта [Frankfurt, 1969]. Я предполагаю, что это и есть та теория, которой придерживаются люди до того момента, как узнают о проблеме свободы воли, однако для подтверждения или опровержения этого потребуются отдельные исследования в области экспериментальной философии. Обозначим эту теорию как *минимальное либертарианство*. Обычно дискуссия о свободе воли в либертарианском контексте вращается вокруг критериев свободного действия. Я предлагаю построить теорию, которая в конечном итоге будет ставить моральную ответственность в зависимость от свойств агента, а не действия.

Теория свободного агента: агент S является свободным тогда и только тогда, когда (1) S в целом способен выбирать между альтернативными возможностями и (2) S является источником своих действий.

Теория базовой моральной ответственности: S несет моральную ответственность за действие A тогда, когда S является свободным агентом.

Эти условия довольно минималистичны. Например, к этой теории можно добавить пропорциональность моральной ответственности посредством введения дополнительного условия вроде соответствия действия фундаментальным установкам личности. Однако в текущий момент в этом нет необходимости. Особенность теории состоит в том, что даже в таком минимальном виде в ней содержится ответ на случаи в стиле Г. Франкфурта.

Случаи в стиле Франкфурта направлены на опровержение принципа альтернативных возможностей, который формулируется так: «личность морально ответственна за то, что сделала, только если могла поступить иначе» [Ibid., p. 829]. Существует много случаев в стиле Франкфурта, которые отличаются в довольно существенных деталях. В качестве иллюстративного примера я приведу случай Джона Фишера, процитированный по статье Дэвида Робба: «Блэк – подлый нейрохирург. Проводя операцию по удалению опухоли мозга Джонса, Блэк вставляет в его мозг механизм, который позволяет Блэку следить за действиями Джонса и контролировать их. Джонс, тем временем, ничего об этом не знает. Блэк управляет им с помощью компьютера, который он запрограммировал так, что тот, помимо прочего, следит за поведением Джонса при голосовании. Если Джонс

проявляет склонность к решению проголосовать за [демократа], то компьютер через механизм в мозгу Джонса вмешивается, чтобы убедиться, что он действительно решит проголосовать за [республиканца], и голосует именно так. Но если Джонс сам решит проголосовать за [республиканца], компьютер не будет ничего делать, а продолжит наблюдать за происходящим в голове Джонса, не оказывая на это никакого влияния. Предположим, что Джонс решает проголосовать за [республиканца] самостоятельно, как он бы и сделал, если бы Блэк не вставил механизм в его голову. Тогда Франкфурт утверждает, что Джонс несет ответственность за голосование за [республиканца], независимо от того, что он не мог поступить иначе» [Robb, 2023].

Данный случай демонстрирует, что моральная ответственность сохраняется даже в условиях, когда у агента нет альтернативных возможностей. Следовательно, принцип альтернативных возможностей ложен.

Минимальное либертарианство способно объяснить, почему в данном случае нам *кажется*, что моральная ответственность сохраняется: пусть даже конкретное действие не имело альтернатив, важно то, что *агент сам по себе является свободным*, то есть агент, как правило, может выбирать из альтернатив и является источником действий. Следовательно, и это действие было сделано свободным агентом, пусть даже конкретно это действие и не предполагало альтернативных возможностей. Таким образом, минимальное либертарианство способно как принять принцип альтернативных возможностей, так и отвергнуть его. Отвержение принципа альтернативных возможностей, однако, не влечет вывода, что альтернативные возможности совершенно не важны для моральной ответственности: для моральной ответственности важной оказывается общая способность выбора между альтернативными возможностями. Обратим внимание, что данная теория совместима с огромным количеством онтологий личности: она не требует принятия материальности или нематериальности агента.

Заключение

Таким образом, если у нас действительно есть опыт либертарианской агентности, то при текущем уровне наших знаний о мире мы должны считать, что являемся либертарианскими агентами. Нельзя считать, что опыт не является эпистемологически релевантным в целом, потому что в этом случае мы получаем глобальный скептицизм. Из этого следует, что отвергнуть эпистемологическую ценность опыта либертарианской агентности также нельзя. *Подрывающие* свидетельства против опыта либертарианской агентности недостаточны,

потому интроспекция довольно надежно репрезентирует свойства агентов, пусть и не абсолютно во всех случаях. *Опроверяющие* свидетельства либо недостаточно сильны, как в случае с детерминизмом или экспериментальными данными; либо направлены против теорий свободы воли, а не против того, что мы являемся либертарианскими агентами, как в случаях с каузальной замкнутостью физического мира или возражением от удачи. Тем не менее возможна ситуация, когда научные данные будут достаточными для установления локального детерминизма в пределах нашего тела, что выступит как опровергающее свидетельство. То же верно и для глобального детерминизма: если его истинность будет подтверждена научными данными и выражена в научном консенсусе, то это станет весомым основанием считать наше феноменологическое свидетельство ошибочным. Однако в данный момент времени опыт либертарианской агентности имеет решающее значение и наиболее правдоподобной стратегией возражения на феноменологический аргумент является отрицание либертарианского феноменологического реализма.

Список литературы

Васильев, 2017 – *Васильев В.В.* В Защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: Ленанд, 2017. 198 с.

Волков, 2016 – *Волков Д.Б.* Проблема свободы воли: обзор ключевых исследований конца XX – начала XXI вв. // *Философский журнал.* 2016. № 3 (9). С. 175–189.

Левин, 2018 – *Левин С.М.* Свобода воли, наука и причины поведения // *Философия и эпистемология науки.* 2018. № 2 (55). С. 153–164.

Левин, Югай, 2019 – *Левин С.М., Югай В.С.* Иллюзия выбора и неконтролируемые действия // *Философский журнал.* 2019. № 2. С. 92–102.

Мерцалов, 2021 – *Мерцалов А.В.* Аргумент от чувства свободы и отчаянный компатибилизм // *Вопросы философии.* 2021. № 4. С. 27–38.

Разеев, 2017 – *Разеев Д.Н.* Проблема свободы воли в контексте исследований нейронауки // *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова.* 2017. № 6 (67). С. 721–727.

Секацкая, 2016 – *Секацкая М.А.* Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке // *Вопросы философии.* 2016. № 3. С. 163–169.

References

Alston, 1993 – Alston, W.P. *Perceiving God: The Epistemology of Religious Experience.* Ithaca, NY: Cornell University Press, 1993.

Bourget, Chalmers, 2014 – Bourget, D., Chalmers, D.J. “What Do Philosophers Believe?”, *Philosophical Studies*, 2014, vol. 170, no. 3, pp. 465–500.

Chisholm, 1976 – Chisholm, R.M. *Person and Object: A Metaphysical Study*. London: George Allen & Unwin, 1976.

Clarke, 2003 – Clarke, R. *Libertarian Accounts of Free Will*. New York: Oxford University Press, 2003.

Conee, 2013 – Conee, E. “Seeming Evidence”, in: Ch. Tucker (ed.). *Seemings and Justification: New Essays on Dogmatism and Phenomenal Conservatism*. New York: OUP, 2013, pp. 52–71.

Fischborn, 2016 – Fischborn, M. “Libet-style Experiments, Neuroscience, and Libertarian Free Will”, *Philosophical Psychology*, 2016, vol. 29, no. 4, pp. 494–502.

Fischer, 2014 – Fischer, J.M. “Toward a Solution to the Luck Problem”, in: D. Palmer (ed.). *Libertarian Free Will. Contemporary Debates*. USA: Oxford University Press, 2014, pp. 52–68.

Frankfurt, 1969 – Frankfurt, H. “Alternate Possibilities and Moral Responsibility”, *Journal of Philosophy*, 1969, vol. 66, pp. 829–839.

Hoefer, 2024 – Hoefer, C. “Causal Determinism” *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2024 [<https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/determinism-causal/>, accessed on 20.10.2024].

Horgan, Timmons, 2011 – Horgan, T., Timmons, M. “Introspection and the Phenomenology of Free Will: Problems and Prospects”, *Journal of Consciousness Studies*, 2011, vol. 18, no. 1, pp. 180–205.

Inwagen, 2017 – Van Inwagen, P. *Thinking about Free Will*. New York: Cambridge University Press, 2017.

Kane, 2014 – Kane, R. “New Arguments in Debates on Libertarian Free Will: Responses to Contributors”, in: D. Palmer (ed.). *Libertarian Free Will. Contemporary Debates*. USA: Oxford University Press, 2014, pp. 179–214.

Kiesewetter, 2017 – Kiesewetter, B. *The Normativity of Rationality*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2017.

Levin, S.M. “Svoboda voli, nauka i prichiny povedeniya” [Free Will, Science and Causes of Behavior], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 2, pp. 153–164. (In Russian)

Levin, S.M., Yugai, V.S. “Illuzia vybora i nekontroliruyemiye deistviya” [The Illusion of Choice and Uncontrolled Actions], *Filosofskii zhurnal – The Journal of Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 92–102. (In Russian)

Libet, Wright, Gleason, 1982 – Libet, B., Wright, E.W., Gleason, C.A. “Readiness-potentials Preceding Unrestricted ‘Spontaneous’ vs. Pre-Planned Voluntary Acts”, *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*, 1982, vol. 54 no. 3, pp. 322–335.

Lowe, 2008 – Lowe, E.J. *Personal Agency. The Metaphysics of Mind and Action*. Oxford, US: Oxford University Press, 2008.

Mawson, 2011 – Mawson, T.J. *Free Will: A Guide for the Perplexed*. London, New York: Continuum, 2011.

McKenna, Coates, 2024 – McKenna, M. and D.J. Coates, “Compatibilism”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2024 [<https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/compatibilism/>], accessed on 20.10.2024].

Mele, 1998 – Mele, A. “Review of Kane, The Significance of Free Will”, *Journal of Philosophy*, 1998, vol. 95, pp. 581–584.

Mertsalov, A.V. “Argument ot chuvstva svobody i otchayanniy compatibilism” [Argument from a Sense of Freedom and Desperate Compatibilism], *Voprosy filosofii*, 2021, no. 3, pp. 27–38. (In Russian)

Nahmias et al., 2004 – Nahmias, E., Morris, S.G., Nadelhoffer, T., Turner, J. “The Phenomenology of Free Will”, *Journal of Consciousness Studies*, 2004, vol. 11, no. 7–8, pp. 162–179.

Nelkin, 2004 – Nelkin, D.K. “The Sense of Freedom”, in: J.K. Campbell, M. O’Rourke, D. Shier (eds.). *Freedom and Determinism*. Cambridge: The MIT Press, 2004, pp. 105–134.

O’Connor, 2000 – O’Connor, T. *Persons and Causes. The Metaphysics of Free Will*. New York: Oxford University Press, 2000.

O’Connor, Franklin, 2022 – O’Connor, T., Franklin, Ch. “Free Will”, in: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2022. [<https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/freewill/>, accessed on 20.10.2024].

Razeev, D.N. “Problema svobody voli v kontekste issledovaniy neironauki” [The Problem of Free Will in the Context of Neuroscience Research], *Journal of Higher Nervous Activity named after I.P. Pavlov*, 2017, vol. 67, no. 6, pp. 721–727. (In Russian)

Robb, 2023 – Robb, D. “Moral Responsibility and the Principle of Alternative Possibilities”, in: Zalta, E. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2023 [<https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/alternative-possibilities/>, accessed on 20.10.2024].

Schwitzgebel, 2003 – Schwitzgebel, E. “Introspection”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2024 [<https://plato.stanford.edu/archives/fall2024/entries/introspection/>, accessed on 20.10.2024].

Sekatskaya, M.A. “Svoboda voli i predskazuemost. Filosofskii analiz sovremennykh issledovaniy v neironauke” [Free Will and Predictability. Philosophical Analysis of Modern Research in Neuroscience], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 3, pp. 163–169. (In Russian)

Smilansky, 2008 – Smilansky, S. *Free Will and Illusion*. Oxford: Clarendon Press, 2003.

Soon et al., 2008 – Soon, C.S., Brass, M., Heinze, H.J. and Haynes, J.D. “Unconscious Determinants of Free Decisions in the Human Brain”, *Nature Neuroscience*, 2008, vol. 11, no. 5, pp. 543–545.

Strawson, 1986 – Strawson, G. *Freedom and Belief*. Oxford, GB: Oxford University Press, 1986.

Swinburne, 2004 – Swinburne, R. *The Existence of God. 2nd Edition*. Oxford, New York: Clarendon Press, 2004.

Tooley, 2013 – Tooley, M. “Michael Huemer and the Principle of Phenomenal Conservatism”, in: Ch. Tucker (ed.) *Seemings and Justification: New Essays on Dogmatism and Phenomenal Conservatism*. New York: OUP, 2013, pp. 306–328.

Tucker, 2013 – Tucker, Ch. *Seemings and Justification: An Introduction*. New York: Oxford University Press, 2013.

Vasilyev, V.V. *V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma: Esse o svobode voli* [In Defense of Classical Compatibilism: Essay on Free Will]. Moscow: LENAND Publ., 2017. (In Russian)

Volkov, D.B. “Problema svobody voli: obzor klyuchevykh issledovaniy konca XX – nachala XXI vv. v analiticheskoy filosofii” [The Problem of Free Will: An Overview of Major Studies by Analytical Philosophers in Late 20th – Early 21st Century], *Filosofskii zhurnal – The Journal of Philosophy*, 2016, vol. 9, no. 3, pp. 175–189. (In Russian)

Walter, 2012 – Walter, S. “Willusionism, Epiphenomenalism, and the Feeling of Conscious Will”, *Synthese*, 2012, vol. 191, pp. 2215–2238.

Wegner, 2002 – Wegner, D.M. *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002.

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ ЗНАНИЯ

Черняк Алексей

Зиновьевич – кандидат философских наук, доцент. Российский Университет Дружбы Народов. Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: abishot2100@yandex.ru

Проблема ценности знания – одна из самых обсуждаемых в эпистемологии в последнее время. Почему мы должны стремиться к получению именно знаний, а не просто истинных убеждений или релевантной информации о предмете нашего познавательного интереса? Легче всего показать, что знание имеет определенную инструментальную ценность; но защитники большей ценности знания, как правило, имеют в виду, что оно ценно независимо от своих практических последствий. Обосновать это положение нелегко. Кто-то считает, что знание – лучший проводник истинности, чем просто истинные убеждения, или даже – что знание гарантирует истинность. Другие пытаются выделить дополнительные свойства знания, обладающие собственной эпистемической ценностью, и придать знанию большую ценность за счет обладания каким-то таким свойством. Третьи отрицают наличие у знания особой ценности, отличающей его в познавательном плане от истинного убеждения. Многие согласны, что можно показать, что обладание знанием того или иного вида ценнее просто убежденности в соответствующей пропозиции, даже если она истинная. Но куда труднее показать, что знание универсально ценнее за счет каких-то своих собственных свойств, а не становится чем-то более ценным в определенных обстоятельствах. Но чаще всего, говоря об особой ценности знания, имеют в виду именно что-то присущее знанию по природе и фиксируемое в определении. В статье разбирается несколько популярных объяснений особой эпистемической ценности знания и выявляются их недостатки. Автор предлагает, что показать, чем знание ценнее просто истинного убеждения, для некоторых видов знаний проще, чем для некоторых других. Самые примитивные, а также самые абстрактные виды знаний чаще всего функционально неотличимы от соответствующих истинных убеждений. Между тем многие знания имеют модальные функциональные отличия от соответствующих истинных убеждений, и для них показать, что они обладают дополнительной познавательной ценностью, вполне возможно. Однако в своем универсальном виде тезис ценности знания, скорее всего, невозможно защитить.

Ключевые слова: эпистемическая ценность, истина, знание, истинное убеждение, обоснованное, надежное, добродетельное, инструментальная ценность

THE PROBLEM OF THE VALUE OF KNOWLEDGE

Alexey Z. Chernyak –
PhD in Philosophy,
Associate Professor.
Peoples' Friendship University
of Russia.
6 Miklukho-Maklaya St.,
Moscow 117198,
Russian Federation;
e-mail: abishot2100@
yandex.ru

The problem of the value of knowledge is one of the most discussed in epistemology in recent times. Why should we strive to acquire knowledge, and not just true beliefs or relevant information about the subject of our cognitive interest? It is not hard to show that knowledge has certain instrumental value; but defenders of the idea in question usually mean that knowledge is valuable regardless of its practical consequences. It is not easy to justify this position, though. Some believe that knowledge is a better guide to truth than just true beliefs, or even that knowledge guarantees truth. Others try to identify intrinsic properties of knowledge which can give knowledge additional value due to having their own relevant value. Yet others deny that knowledge has special value that distinguishes it cognitively from true belief, at least universally. Many agree that it can be shown that the possession of knowledge of one kind or another is more valuable than just believing the proposition which is true. But it is much more difficult to show that knowledge is universally more valuable due to some of its own properties, rather than circumstances. But those, who talk about special value of knowledge, normally mean some intrinsic and universal value to be reflected in definition. The article examines several popular explanations of the special epistemic value of knowledge and identifies their shortcomings. The author believes that it is easier for some types of knowledge than for some others to show how knowledge is more valuable than just true belief. The most primitive as well as the most abstract types of knowledge are most often functionally indistinguishable from the corresponding true beliefs. Meanwhile, many types of knowledge have modal functional differences from the corresponding true beliefs, and it is possible to show why they may have additional epistemic value. However, in its universal form, this idea is most likely impossible to defend.

Keywords: epistemic value, knowledge, truth, true belief, reliable, virtuous, justified, instrumental value

Постановка проблемы

Чем знание предпочтительнее или ценнее просто истинного убеждения или верной информации о предмете, почему именно оно должно быть целью наших когнитивных усилий?¹ Ведь в том, что

¹ Здесь и далее речь идет о так называемом пропозициональном знании, или, иначе, знании фактов: что то-то и то-то (имеет место, такие-то свойства или связано с тем-то так-то). В аналитической философии, во многом определившей направление современной эпистемологии, такие знания трактуют обычно как определенные состояния сознания субъекта – чаще всего как истинные убеждения, отвечающие какому-то дополнительному условию, которое в разных эпистемологических

традиционно считается главным в познании, обе эти установки (или состояния сознания) тождественны: в обоих случаях субъект имеет истинную информацию о предмете, или, иначе – верно о нем судит. Вопрос о ценности знания как особого познавательного результата стал активно обсуждаться в эпистемологии в конце прошлого, начале этого столетия – главным образом в связи с различием между знанием и истинным убеждением. Большинство философов и ученых считают, что знание обладает большей ценностью по сравнению с другими эпистемическими установками². Эта традиция восходит к Сократу и Платону [Платон, 1990, 97b–d]. Объяснить, почему знание вообще имеет познавательную ценность, вроде бы легко: поскольку в познании (теоретическом как минимум) нас интересует истина или главным образом истина³, и знание факта или пропозиции, что p , предполагает наличие соответствующего факта или истинность соответствующей пропозиции, знание имеет познавательную ценность. Но куда менее очевидно, что оно ценнее просто истинного убеждения, должно ему предпочитаться как цель познавательных усилий.

Опыт подсказывает, что знание, что p (то, что мы привычно относим к этому виду), не всегда ценнее для субъекта или тех, кому это знание предлагается, чем просто истинное убеждение или даже отсутствие информации о p . Как минимум для большинства людей совершенно бесполезно знать, сколько травинки в конкретном поле, атомов в их теле и огромное множество других фактов, и тратить силы и время на их узнавание кажется делом бессмысленным и даже вредным⁴. Обладает ли знание самостоятельной ценностью независимо от текущей полезности для кого-то или же знания ценны

теориях формулируется по-разному. Подробный анализ этой концепции знания и обзор теорий см. в [Каримов, 2019]. Для меня здесь вопрос «Что есть знание?» вторичен; данная статья посвящена другому вопросу: если имеется знание, что p , то почему оно должно цениться выше, чем истинное убеждение, что p , истинная информация о p и т.п.?

² Под ценностью обычно понимают либо качество, в силу которого нечто предпочитают, хотят, имеют целью, используют в качестве мерила, либо нечто, являющееся носителем такого качества. Говоря о ценности знания, имеют в виду, как правило, некое его качество, делающее его желательной и более предпочтительной в сравнении с другими доступными результатами целью познания. Определение понятия ценности знания см., в частности, в [Carter, Pritchard, 2015].

³ Не все согласны, что истина является главной познавательной ценностью и целью познания. Прагматизм – главный источник критики такого рода. См., например, [Kvanvig, 2005]. Я, однако, не буду здесь обсуждать эту проблему: достаточно того, что для большинства ученых и философов истина является важной и самостоятельной познавательной ценностью.

⁴ См., например, перечисление примеров бесполезных и вредных знаний в [Baehr, 2009, p. 49–51]. См. также [Kvanvig, 2008].

только как средства решения практических задач и лишь постольку, поскольку они полезны в этом отношении? Это – один из широко обсуждаемых в рамках общей проблемы, о которой здесь идет речь, вопросов. Некоторые считают, что ценность знания и ценность состояния знания для субъекта – разные вещи, и что знание может быть ценным, даже если иметь его в конкретной ситуации вредно или не лучше, чем не иметь. Я в общем разделяю это мнение, так как считаю правдоподобной аналогией знания и добродетели: быть добродетельным может быть вредно в определенной ситуации, но это не подрывает нашей убежденности в ценности добродетели как таковой⁵.

С другой стороны, многие считают, что знание обладает особой эпистемической ценностью по своей природе, что определить, что есть знание, – значит в том числе приписать ему эту ценность⁶. В этой связи можно задать следующие два вопроса. Может ли знание быть более ценным результатом познания, чем что-либо другое, само по себе, не будучи таковым в силу определения? И можно ли посредством определения показать, что знание обладает универсальной дополнительной ценностью? На первый вопрос я склонен ответить: да; на второй – нет. Предлагаю далее рассмотреть почему.

Я буду опираться на анализ проблемы ценности знания, предложенный Ж. Дютантом, он кажется мне довольно точным. Он выделил внутри данной проблемы три тезиса, которые можно отвергнуть или принять: 1) истинность является единственным источником познавательной ценности вместе знания и истинного убеждения, 2) знание и истинное убеждение представляют собой познавательные успехи одного типа, и 3) знание – познавательное более ценный результат, чем просто истинное убеждение [Dutant, 2012, p. 147]. Большинство принимают (3), отвергая либо (1), либо (2)⁷. Но в зависимости от того, какая версия третьего тезиса принимается, от доказательства ложности первого или второго требуются разные вещи. Если отвергается (1) и принимается универсалистская версия (3), то нужно показать, что знание всегда добавляет некую эпистемическую ценность к истинному убеждению (или имеет ее в сравнении с ним), если же принимается более слабая версия (3), то достаточно привести примеры знаний, имеющих эту добавочную ценность. Если большую ценность знания в принципе можно обосновать, то нетрудно заметить,

⁵ При этом знание не обязательно считать добродетелью, а состояние знания, что р, тождественным обладанию какой-то моральной добродетелью.

⁶ См., например, [Zagzebski, 2003].

⁷ Среди тех, кто склонен отрицать (3), – Д. Притчард [Pritchard, 2007] и сам Дютант. Д. Бэр отрицает (3) как универсальный тезис, но принимает его более слабую версию, согласно которой обстоятельства познания обычно делают знание более ценным для людей результатом.

что обосновать более слабую версию тезиса явно легче. Однако большинство тех, кто всерьез ставит перед собой такую задачу, пытаются обосновать именно сильную версию данного тезиса⁸.

Знание – лучший проводник истины?

Те, кто принимает тезис равной успешности (2), стараются показать, что знание факта (пропозиции), что p , дает больше в плане истины, чем просто истинное убеждение, что p (например, знание или истинное убеждение второго порядка – что субъект знает, что p)⁹. Голдман и Олсон [Goldman, Olsson, 2009] утверждают, что истинное и надежное убеждение ценнее просто истинного, потому что оно обеспечивает более высокую вероятность получения дополнительных истинных убеждений в будущем (за счет свойства надежности)¹⁰. На это возражают, что надежностью источника убеждения (процессов, в ходе которых оно сформировано, или оснований, по которым оно принимается) невозможно объяснить большую ценность знания по сравнению с истинным убеждением. Так, Л. Загзебски считает, что надежность имеет только инструментальную ценность: надежная кофемашинка ценна, потому что ценностью обладает кофе, который она делает. Надежность повышает вероятность получения желаемого результата, но не добавляет никакой ценности к ценности продукта, получение которого она обеспечивает [Zagzebski, 2003, p. 13]. Для надежности можно найти дополнительную ценность, не определяемую ценностью продукта, связанную прежде всего с ролью надежных процессов в обучении. Если учитель просит ученика решить математическую задачу, его оценка, скорее всего, будет зависеть не только от того, правильный ученик дал ответ или нет, а еще и от того, каким способом он пришел к решению (если он просто угадал, оценка вряд ли будет высокой). Эта ценность связана с качеством ожидаемых результатов применения метода, но предмет может ее иметь, даже если он в будущем по стечению обстоятельств не даст ожидаемых результатов. То же относится и к такому часто упоминаемому в определениях параметру знания, как обоснованность: если обоснованное убеждение, что p , ценнее просто убеждения, что p , только потому,

⁸ Так, Л. Загзебски [Zagzebski, 2003] считает, что проблема ценности знания – это именно проблема правильного определения сущности знания, а не анализа последствий наличия знаний.

⁹ Так понимает преимущество знания, например, Суинборн [Swinburne, 1999, p. 64]. Большинство эпистемологов, однако, не согласны, что знание второго порядка является необходимым условием знания факта, так что как минимум это – сомнительная защита универсалистской версии (3).

¹⁰ Условия надежности убеждения сформулированы, в частности, в [Goldman, 1986].

что повышает вероятность его истинности, то обоснованное истинное убеждение не более ценно, чем просто фактически истинное; но в некоторых контекстах обоснованное убеждение может иметь самостоятельную ценность, независимо от его истинности. Например, если в споре о том, какую теорию далее развивать, защитники теории А предлагают хорошие аргументы в ее пользу, а их противники только ссылаются на интуиции, для непредвзятого «судьи», скорее всего, позиция первых будет выглядеть более убедительной в силу ее обоснованности: в данном случае то, что позволит им дальше разрабатывать свою теорию, – это ее обоснованность, а не истинность. Но эта линия рассуждений может быть решением проблемы, только если отвергается (1) – истинность как единственная эпистемическая ценность.

В рамках первого подхода иногда еще указывают на более тесную связь знания и истины, выражающуюся в таких свойствах, как большая стабильность или резистентность знания к внешним воздействиям, таким как обманчивые, но авторитетные контрсвидетельства: утверждается, что если субъект знает, что p , то он с большей вероятностью сохранит эту свою установку при получении объективно ложных, но выглядящих для него истинными контрсвидетельств, чем если он просто убежден, что p истинно¹¹. Сократ в «Меноне» также указывает на большую устойчивость знания как на причину его большей ценности [Платон, 1990, р. 98]. Не все, однако, согласны с тем, что знание обладает этим преимуществом, во всяком случае – универсально. Джонатан Кванвиг, например, считает, что есть случаи, когда субъекты отбрасывают то, что они знают, получив авторитетные, хотя и объективно ложные, свидетельства их ложности [Kvanvig, 2003, р. 15–16]. Резистентность такого рода может больше зависеть от личных свойств или контекста, чем от типа установки.

Но некоторые считают, что знание пропозиции гарантирует ее истинность. В этой связи знание отличается от просто истинного убеждения модальными свойствами, которые инкорпорируют в определения знания в виде специального условия – например, отслеживания истинности: знание субъектом x , что p , несовместимо с ложностью p (если бы p было ложно, x не принял бы убеждение, что p), а кроме того, исключает непринятие x этого убеждения (в соответствующих условиях) в случае истинности p [Nozick, 1981, р. 179]¹². Гарантирует ли знание истинность в каком-либо строгом модальном смысле – сказать трудно: нет способа проверить это экспериментально, а из определения это может следовать или не следовать в зависимости

¹¹ Так считает, например, Т. Уильямсон [Williamson, 2000, р. 78], который настаивает на том, что знание вообще является не видом убеждения, а чем-то более фундаментальным.

¹² Ср. также сходное условие безопасности [Pritchard, 2005, р. 163].

от выбора определения. Но в целом я думаю, что, даже если согласиться, что задача нахождения знаний, обеспечивающих доступ к большому числу истин в сравнении с аналогичными истинными убеждениями, решаема, защитить таким способом универалистскую версию тезиса (3) вряд ли возможно, потому что всегда можно найти случаи предположительно знаний, которые не имеют каких-то очевидных последствий в виде других истинных убеждений¹³.

Также если у знания есть добавочная ценность в силу его природы, то, по крайней мере, понятно, почему оно заслуживает особого отношения и стоит усилий (пусть и не всегда в равной степени). Но, если знание не универсально ценнее истинного убеждения, а только в силу обстоятельств, которые могли бы быть и другими, надо объяснить, почему мы должны предпочитать именно знания и направлять на них познавательные усилия, независимо от текущих условий.

Знание ценнее в силу большей функциональности

Широкий спектр решений связан с отказом от тезиса истинности как единственного источника познавательной ценности (1). Виртуалисты (приверженцы так называемой эпистемологии добродетелей) и некоторые релайабилиты (определяющие знание как истинное надежное убеждение) настаивают на том, что определенные свойства процессов, отвечающих за получение истинных убеждений, или способности, благодаря которым они получены, имеют самостоятельную ценность, за счет которой результирующее убеждение получает дополнительную ценность независимо от его истинности¹⁴. Но более популярно объяснение знания как особого достижения субъекта, заключающегося в том, что он получил нужный результат посредством правильных действий – использования надежного метода, правильно применяя свои когнитивные способности и т.п., в силу чего этот результат является не просто тем, что он получил, а еще и его заслугой¹⁵. Но не все знания можно считать достижениями субъекта (по крайней мере, не в равной степени): часто мы их просто получаем, не прилагая специальных усилий и даже не имея специальной мотивации. С другой стороны, истинные убеждения тоже можно трактовать как своего рода эпистемические достижения: так ли они принципиально отличаются от знаний как достижений? Это не очевидно. Как замечает Ж. Дютант, если кому-то нужно помыть крыльцо и выпавший

¹³ См. в этой связи рассуждения Дютанта [Dutant, 2012, p. 153].

¹⁴ См., например, [Goldman, Olsson, 2009, p. 34].

¹⁵ Разные версии этого взгляда представлены в [Greco, 2003; 2011; Riggs, 2002; 2009; Sosa, 2007].

дождь делает это, то он будет не менее ценным результатом, чем приложение собственных усилий, ведущее к той же цели [Dutant, 2012, p. 156]. Также некоторые эпистемологи считают, что не все истинные убеждения, которые мы получаем в силу наших когнитивных достоинств или правильных действий, корректно считать нашими знаниями. Если, например, субъект делал все правильно, применил надежный метод и пришел к истинному убеждению, что p , но обстоятельства, о которых он не знает, таковы, что ему повезло прийти именно к истинному убеждению в данном случае (он легко мог бы обмануться, действуя точно так же), его убеждение, что p , не будет его знанием, хотя и является его познавательным достижением в выделенном смысле [Lackey, 2007; Pritchard, 2008, web]. Примеры таких достижений могут считаться или не считаться знаниями, в зависимости от того, какая теория знания принимается за основу. Но в любом случае можно усомниться в том, что знание от незнания правильно отличать по тому, как оно получено, а не по его воздействию на субъекта и его окружение.

Тем не менее многие обосновывают особую ценность знания именно связью с интеллектуальными качествами субъекта, которые обычно сами по себе считаются чем-то похвальным. Так, Л. Загзебски считает, что нельзя найти что-то, достаточно ценное, что при добавлении к истинному убеждению будет гарантированно давать знание, если исходной точкой определения знания является истинное убеждение. Но если взять за основу то в убеждении, что является самостоятельной ценностью, то в тех случаях, когда такие убеждения оказываются знаниями, их большую ценность знания можно вывести из означенной ценности убеждения. Эту самостоятельную ценность, по ее мнению, создает связь убеждения с так называемыми интеллектуальными добродетелями: добродетельные познавательные действия желательны сами по себе, как и любовь к истине, если они мотивированы любовью к истине и ведут к получению знания, это знание ценно не только как истина, но и как действия, желательные сами по себе [Zagzebski, 2003, p. 13, 24, 25]. Но не все, что мы обоснованно считаем знанием, получено из любви к истине: это – явно слишком сильное условие. С другой стороны, по крайней мере, в этике моральная ценность действия и его результатов не всегда и даже не очень часто определяется моральным качеством его мотивов. Почему это должно быть не так в познании? Если я прихожу к убеждению, что p , из любви к истине, но получаю ложное убеждение, как минимум не очевидно, что правильно говорить о таком убеждении как имеющем положительную эпистемическую ценность в силу наличия данного мотива и добродетельного характера действий. Можно сказать, что правильное или добродетельное действие имеет свою собственную ценность, даже если в конкретном случае оно не дало положительный или ожидаемый результат. Но это относится

к действиям: неуспешные действия могут быть правильными или ценными как попытки достичь поставленных целей или реализовать определенные добродетели; из этого, однако, не следует, что результаты этих действий должны считаться обладающими той же ценностью. Ложное убеждение мы же не станем считать ценным, потому что оно было мотивировано любовью к истине¹⁶. Истинные добродетельные убеждения, имеющие благородные мотивы, могут быть ценными не только как истинные убеждения, но и как носители указанных качеств, но непонятно, откуда следует, что их ценность должна определяться тем и другим, тем более – в равной степени. Если это так, эпистемическая ценность такого убеждения должна была бы сохраняться даже в случае его ложности; но практика показывает, что мы не очень склонны приписывать такую ценность ложным убеждениям, разве что в каких-то особых случаях.

Как насчет инструментальной ценности знания? Верно ли, что, если субъект знает, что *p*, а не просто верит, что *p* истинно, это знание будет для него лучшим средством решения всей совокупности (или определенного множества) стоящих перед ним задач? Это кажется правдоподобной гипотезой, но проверить ее нелегко, так как у нас нет четкого понимания условий наличия именно знания, а не истинного убеждения или чего-то близкого к этому. Возможно, знание является в среднем лучшим мотиватором¹⁷, но и это, честно говоря, не очевидно. Может быть, в целом и среднем знание, что *p*, является лучшим или оптимальным состоянием системы, состоящей из субъекта и его окружения; но, даже если так, из этого не следует, что знания таковы по своей природе, а не в силу стечения обстоятельств. Во всяком случае некоторые знания в практическом плане скорее бесполезны и даже вредны, о чем говорилось выше. Некоторые считают, однако, что дополнительную ценность знанию придает его особый этический статус. Так, К. Пиллер утверждает, что у субъекта есть долг формировать только те убеждения, которые для него надежны (выглядят такими с его точки зрения), и истинные убеждения, сформированные таким образом, будут лучше, чем просто истинные, потому что делать то, что ты должен, является самостоятельным благом [Piller, 2009b, p. 426]. При таком подходе истинные обоснованные убеждения будут иметь большую деонтическую ценность (при определенном качестве обоснования), чем просто истинные. Но делает ли это их более ценными в эпистемическом плане? И делает ли это их знаниями? Это все равно неясно.

В целом можно сказать, что объяснение того, чем надежное, или добродетельное, или хорошо обоснованное убеждение ценнее просто истинного (в некоторых или даже во многих случаях) и чем оно

¹⁶ У него может быть какая-то ценность, но скорее всего – практическая.

¹⁷ Как считает, например, Т. Уильямсон [Williamson, 2000, p. 8].

может быть ценнее вообще, является нерешаемой задачей¹⁸. Но куда труднее обосновать, что: 1) делающее такое убеждение более ценным свойство X отвечает за большую познавательную ценность обладающих им результатов, 2) эти результаты правильно считать знаниями, и, 3) если даже наличие свойства X у истинного убеждения делает его знанием и люди ценят знания за обладанием свойством X больше, чем просто истинные убеждения, знание объективно лучше и именно на него правильно направлять когнитивные усилия¹⁹.

Знание как цель познания

Вопрос о рациональности стремления к знанию, а не к истинному убеждению имеет некоторую самостоятельную значимость, не сводимую к чисто эпистемологической. Допустим, знание имеет большую ценность в силу обладания свойством X. Но та ли X ценность, ради которой знание должно быть предпочтительной целью познания? Допустим, мы смогли даже показать, что знание объективно ценнее, чем истинное убеждение, за счет наличия свойства X, а именно: X есть то, за что эпистемологи или люди в целом должны или в идеализованной ситуации согласны ценить знание больше, чем аналогичное истинное убеждение. Допустим также, что у субъекта есть выбор: получить знание или просто истинное убеждение в ситуации, где наличие X явно не важно, а важно только наличие истинной информации. Будет ли рациональный субъект познания более прав, нацелив свои усилия на получение знания, а не истинного убеждения в такой ситуации? Я как минимум не уверен, что он будет неправ в противном случае, особенно если получение знания требует больше усилий и времени, чем получение аналогичного истинного убеждения или если оно еще и требует неких жертв.

Ж. Дютант считает, что можно объяснить, почему предпочтение знания рационально, даже если невозможно объяснить, почему оно эпистемически объективно лучше. Он исходит из того, что истинность является единственной познавательной ценностью и что знание и истинное убеждение представляют собой равные виды эпистемического успеха. Таким образом, он отрицает тезис большей познавательной ценности знания. Тем не менее знание предпочтительно в силу его большей ожидаемой ценности [Dutant, 2012, p. 158]. Он, вслед за Парфитом и другими, выделяет субъективную и объективную стороны должноствования и рациональности и, соответственно, интер-

¹⁸ Дополнительные аргументы против решений, основанных на релайабилитском и виртуалистском понимании знания, см., например, в [Meulan, 2018].

¹⁹ Аналогичное сомнение высказывает Пиллер [Piller, 2009a, p. 132].

налистский и экстерналистский взгляды на нормативность: в одном случае для субъекта разумно действовать в соответствии со своими основаниями, тогда как в другом – в соответствии с фактами [Parfit, 2011, p. 111]. Согласно Дютанту с экстерналистской точки зрения действие полностью рационально, если и только если факты, известные субъекту, дают ему достаточные основания действовать так, а не иначе. Если действие обосновано только убеждениями, а не знаниями субъекта, то оно не полностью рационально, но может быть оправдано (когда оно разумно относительно всего, что субъект считает истинным) [Dutant, 2012, p. 160]. По его мнению, *субъект должен предпочитать убеждения, основанные на знаниях, убеждениям, не основанным на знаниях, даже если и те, и другие одинаково истинные*. Почему? Потому что, хотя их ценность (конституируемая только истинностью) идентична, знание имеет более высокую ожидаемую ценность, чем истинное убеждение [Ibid.].

Но почему именно экстерналистская перспектива должна определять, что разумно делать субъекту познания? Также не очевидно, что ожидаемой ценности правильно приписывать такое нормативное значение. Пиллер иллюстрирует различие между фактической и ожидаемой ценностью на следующем примере: субъекту предлагается две пачки лотерейных билетов, в одной больше билетов, в другой меньше; хотя фактически выигрышный билет находится в тонкой пачке, субъекту разумно предпочесть толстую, потому что ожидаемая вероятность включить выигрышный билет у нее (при прочих равных) выше. Но если он знает, что в этой пачке нет выигрышного билета, ему разумнее выбрать более тонкую пачку [Piller, 2009a, p. 123]. Если ожидаемая ценность знания коррелирует с ожидаемой вероятностью истинности принимаемых или сохраняемых убеждений, то аналогия с описанной в примере ситуацией должна показывать следующее: если субъекту предлагается выбрать между двумя гипотезами, одна из которых правдоподобнее с его точки зрения, чем другая, ему разумнее выбрать более правдоподобную в силу ее более высокой ожидаемой ценности. Но это – интерналистская перспектива оценки. Добавив экстерналистский элемент – объективные показатели истинности, – мы можем эту перспективу изменить: если гипотеза, выглядящая с точки зрения субъекта более правдоподобной, на самом деле имеет более низкие шансы быть истинной, субъекту разумнее выбрать другую.

Но нас интересуют не такие случаи, а те, где сравниваются знание и истинное убеждение. По факту обе гипотезы, между которыми субъект выбирает, должны быть в таком случае истинными (у них, согласно гипотезе, равная эпистемическая ценность); но в чем тогда может состоять различие в ожидаемой ценности? Этот параметр имеет самостоятельное значение, только когда не дано, истинно оцениваемое убеждение или ложно. Если объективно субъект знает, что р,

ожидаемая ценность его убеждения, что p , будет равна 1. Если он просто убежден, что p , она может быть меньше, но, если « p » истинно, она также будет равна 1. Только в интерналистской перспективе она может отличаться, поскольку субъект не знает, что p истинно (с вероятностью 1). Но в этой перспективе знание не обязательно будет обладать всегда большей ожидаемой ценностью, потому что в ней различие между знанием и просто убеждением может проводиться не так, как оно должно быть проведено в экстерналистской перспективе (субъект может считать знанием то, что таковым не является, и наоборот). Если бы ожидаемая ценность была единственным параметром, отличающим знание от просто убеждения, если бы их фактические истинностные характеристики были несущественны, можно было бы согласиться, что в целом и среднем для субъекта познания разумнее предпочитать знания. Вопрос тогда состоял бы только в том, можно ли реализовать такое предпочтение в условиях неполной информации, в которой экстерналистская перспектива нам фактически недоступна, и, соответственно – насколько это разумное правило практического разума. Но поскольку дано, что знание и истинное убеждение имеют одинаковую объективную ценность, непонятно, почему субъект должен ориентироваться на показатели ожидаемой ценности, когда фактическая ценность сравниваемых убеждений одинакова.

Дютант также различает реальные и кажущиеся ожидания, где реальные ожидания суть вероятности, приписываемые относительно того, что субъект знает, тогда как кажущиеся – вероятности, приписываемые относительно того, во что субъект просто верит. Знание, по его убеждению, имеет более высокую реальную ожидаемую ценность: для любого p , касательно его истинности, реальная ожидаемая ценность p для субъекта знания (в момент знания) всегда выше, чем для просто убежденного в момент убеждения [Dutant, 2012, p. 161]. И на этом основании он утверждает, что знания предпочтительны, потому что их реальная ожидаемая ценность выше. Но факты, на основании которых субъект формирует ожидания в отношении истинности пропозиции, что p , могут отличаться от того факта, который он знает, веря в истинность этой пропозиции. В таком случае, мне кажется, неправильно будет сказать, что реальные ожидания субъекта относительно истинности пропозиции, что p , обязательно будут равны 1. Он знает, что p , поэтому относительно него верно будет сказать, что для него вероятность истинности « p » равна 1. Но это – объективная вероятность; субъективная же вероятность истинности « p », вытекающая из всего, что субъект знает, может быть меньше 1. И в любом случае, даже если принять данный тезис как фактически верный, вопрос о том, почему субъект должен исходить в формировании познавательных приоритетов из ожидаемой ценности, а не из фактической, если она равна для имеющихся альтернатив, сохраняет свое значение.

Можно сказать, что, если субъект знает, что p , и ему надо решить, должен ли он верить, что p , ответ должен быть утвердительный, если нас интересует эпистемическая ценность действия. В то же время, если субъект только верит, что p , и ему надо принять такое же решение, он будет прав в зависимости от того, насколько высока с его точки зрения вероятность истинности « p ». Но в реальности субъект обычно не знает, знает ли он, что p , или просто верит в это на хороших основаниях. Поэтому он не выбирает между убеждением, основанным на знании, и убеждением, основанным просто на вере: он выбирает в лучшем случае между по-разному обоснованными или более или менее обоснованными убеждениями. То есть вопрос, на который отвечают реальные субъекты познания в реальном мире, такой: если даны такие-то основания, разумно ли верить, что p ? Это всегда – интерналистская перспектива. Она может выглядеть экстерналистской относительно другой интерналистской перспективы, но она никогда для реальных людей не бывает объективно экстерналистской. Поэтому, даже если мы примем, что в идеальном мире разумнее всегда предпочитать убеждения, основанные на знаниях, если нас интересует познавательный прогресс, из этого не будет следовать то правило практического разума для реальных субъектов познания, на котором настаивает Дютант.

Но я согласен с Дютантом в том, что тезис большей ценности знания имеет скорее нормативный, чем дескриптивный смысл [Dutant, 2012, p. 162]. Однако это не значит, что такое отношение не оправдано. В этой связи важно понять: каков объем этого долженствования и какова его сила? Это, мне кажется, зависит от роли конкретных типов знаний в жизни людей (другие категории познающих нас пока не очень интересуют).

Границы ценности знания

На мой взгляд, ценность знания определяется его ролью в жизни его носителей. Некоторые знания – те, для получения которых требуется минимум усилий и сознательного контроля, подготовки и активности ума (самые примитивные в этом отношении) и которые по большей части производны от непосредственного знакомства с окружающим миром, – ценны для нас только как средства ориентирования в текущей ситуации и решения простейших когнитивных задач. Их эпистемическая ценность определяется обычно их вкладом в решение текущих задач. Допустим, я открываю почту и вижу, что мне пришло новое письмо; я получил важную для меня здесь и теперь информацию и готов действовать на основании этой информации. Это – совершенно рутинная ситуация, в которой мне не важно, знаю я, что у меня новое письмо или просто имею истинное убеждение: я буду

равным образом мотивирован нажать на значок письма и прочесть его. В этой ситуации вряд ли ценность знания превосходит ценность аналогичного истинного убеждения: то и другое одинаково хорошо делают свою основную «работу» и, скорее всего, в одинаковой степени фаллибильны. Во всяком случае, нет априорных оснований приписывать такому знанию большую эпистемическую ценность. Оно может ее приобрести в силу определенного использования, но оно вряд ли имеет его само по себе.

Но стоит добавить в ситуацию элемент неопределенности, и практическая ценность знания может повыситься. Если у меня уже есть сомнения в том, что мне пришло именно письмо, а не вирус под видом письма, но в то же время мне важно посмотреть данное письмо, если оно настоящее, – знать, что мне пришло именно письмо, может быть для меня большей ценностью, если знание лучше способно преодолевать сомнения, чем аналогичное истинное убеждение. Во всяком случае, весьма вероятно, что, зная, что мне пришло письмо, я буду меньше подвержен влиянию имеющегося сомнения, чем в противном случае. Причина этого, очевидно – в том, что, зная, что p , я знаю, что p истинно, тогда как, зная, что лишь убежден, что p , я не знаю, что p истинно²⁰. Правда, можно заметить, что в данном случае причина различия субъективна, а не объективна – если бы субъект знал вместе, что он убежден, что p , и p истинно, вероятно, это знание имело бы для него тот же эффект, что и знание, что он знает, что p . Тем не менее можно также сказать, что иметь знание в такой ситуации предпочтительнее, потому что даже сильное убеждение может не быть истинным (субъект не в силах сделать его таковым сам). Независимо от того, способны мы отличить состояние знания от состояния сильного убеждения, можно сказать, что знание объективно является в такой ситуации лучшим инструментом.

Но многие знания, особенно общего характера, ценны не только тем, что они «делают» для субъекта здесь и теперь, но и тем, что они могут «сделать» в будущем; мы формируем их в ходе мыслительной деятельности как средства решения более сложных и долгосрочных задач. Они обычно способны влиять на нашу жизнь более чем одним способом. Не делая чего-то большего для субъекта здесь и теперь, чем соответствующее истинное убеждение, такое знание может или могло бы дать больше, более того, это от него часто ожидается. Если это верно, нет серьезных оснований не учитывать это модальное различие в оценке его сравнительной эпистемической ценности²¹.

²⁰ Правда, это верно только для тех, кто разделяет соответствующее положение эпистемической логики; а люди в этом вопросе могут также иметь разногласия: ведь для кого-то имеют смысл выражения «истинное знание» и «ложное знание».

²¹ Некоторые всю ценность знания сводят к ценности истинности (см., например, [Sartwell, 1992]); но я думаю, что это несправедливо.

Можно выделить и третий класс знаний – чисто абстрактные знания, обладание которыми не имеет непосредственной практической полезности, кроме символической: они являются знаками принадлежности к классу экспертов или знатоков, особого статуса или обладания особыми добродетелями²². Математик, знающий, скажем, теорию комплексных чисел, может решать с ее помощью ряд математических и технических задач; но, даже если бы не было на момент времени t подходящих задач, которые можно было решить, применяя эту теорию, это знание могло бы иметь для его носителя символическую ценность, определяемую тем, что оно доступно только избранным и выделяет своего носителя как принадлежащего к когорте избранных. Но истинные убеждения, кажется, тоже могут обладать аналогичной символической ценностью. Как минимум они могут быть в той же мере похвальны, ценимы как общественные достижения и т.п. Можно сослаться на то, что хвалят за знания чаще, чем за просто истинные убеждения (если это так или там, где это так), но это не будет доказывать, что истинные убеждения не могут быть похвальны в том же смысле, в каком похвальны знания. Если знания и имеют большую символическую ценность, то вряд ли на априорных основаниях (в силу своей природы).

На мой взгляд, если тезис ценности знания верен, то как минимум в своем универсалистском варианте он может быть верен разве что для знаний второго из выделенных выше видов. Но верен ли он для них? Возьмем мое знание моего собственного имени: это – то, что я и другие довольно часто используем и в чем я не имел оснований сомневаться, как и считать, что я сделал что-то не так, опираясь на это знание. Что изменилось бы, если бы я не знал, как меня зовут, а просто имел истинное убеждение, что мое имя такое-то? На эмпирических основаниях ответить на этот вопрос невозможно, так как у нас нет четкого разграничения между случаями широко или долго используемого знания и случаями так же широко или долго используемого истинного убеждения. Мы можем исходить из какого-то определенного понимания структурного или генетического отличия

²² Они, конечно, могут иметь и более практическую ценность при определенных условиях, а также – служить основанием для получения знаний первых двух видов. Здесь важно, что их фактическая ценность в конкретной ситуации, на конкретном этапе развития общества может быть только символической. Возможно, здесь уместно говорить о различии между фактической и ожидаемой ценностью: то, что имеет чисто символическую фактическую ценность, может иметь дополнительную ожидаемую эпистемическую ценность. Но этот параметр довольно трудно формализовать, и в любом случае мне кажется, что наличие этой ценности у знания зависит больше от ситуации, чем от характера знания: если я знаю какую-то философскую теорию, у которой нет практического применения, ничто не гарантирует, что у нее есть ожидаемая эпистемическая ценность, даже если мы можем вообразить себе, как она могла бы помочь решать какие-то задачи.

знания от истинного убеждения: но правильность определения невозможно верифицировать. Максимум, что мы можем утверждать в этом случае, что, если дано, что знание, что p , отличается от истинного убеждения, что p , наличием свойства X , и можно представить X как самостоятельную ценность, то большую ценность знания, что p , можно вывести из наличия у него свойства X . Из того, что знание ценнее соответствующего истинного убеждения по некоему параметру X , не следует, что знание универсально предпочтительнее, так как, во-первых, не факт, что X объективно есть то, что отличает знания от истинных убеждений, и, во-вторых, для примитивных и чисто символических знаний (как минимум) различие по параметру X тем менее существенно, чем они функционально неразличимее. Но, по крайней мере, для функционально различимых знаний и истинных убеждений гипотеза, что первые ценнее вторых в силу наличия X , будет сохранять правдоподобие (коррелирующее с вероятностью истинности соответствующего определения). Поскольку X – переменная, большая ценность одного и того же знания может состоять в наличии у него одного из ряда свойств (допустим – X , Y , Z). Если суммарная вероятность истинности этих гипотез превышает вероятность их ложности, можно сказать, что тезис ценности, примененный к знанию, что p , правдоподобнее противоположного. Такова ли текущая ситуация с определениями знания? Не знаю, но, по крайней мере, можно констатировать, что имеется возможность обоснования большей эпистемической ценности для некоторых видов знаний.

Список литературы

- Каримов, 2019 – Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей: научная монография. СПб.: Алетейа, 2019. 428 с.
Платон, 1990 – Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 860 с.

References

- Baehr, 2009 – Baehr, J. “Is There a Value Problem?”, in: Haddock, A., Millar, A., and Pritchard, D. (eds.) *Epistemic Value*. Oxford University Press, 2009, pp. 42–59.
Carter, Pritchard, 2015 – Carter, A., Pritchard, D. “Knowledge-How and Epistemic Value”, *Australasian Journal of Philosophy*, 2015, vol. 93, no. 4, pp. 799–816.
Dutant, 2012 – Dutant, J. “The Value and Expected Value of Knowledge”, *Dialectic*, 2012, vol. 51, pp. 141–162.
Goldman, Olsson, 2009 – Goldman, A., Olsson, E. “Reliabilism and the Value of Knowledge”, in: Haddock, A., Millar, A., and Pritchard, D. (eds.) *Epistemic Value*. Oxford University Press, 2009, pp. 19–41.

Goldman, 1986 – Goldman, A. *Epistemology and Cognition*. Harvard University Press, 1986.

Greco, 2003 – Greco, J. “Knowledge as Credit for True Belief”, in: DePaul, M. (ed.) *Intellectual Virtue: Perspectives from Ethics and Epistemology*. Oxford University Press, 2003, pp. 111–134.

Greco, 2011 – Greco, J. “The Value Problem”, in: Bernecker, S., Pritchard, D. (eds.) *The Routledge Companion to Epistemology*. New York: Routledge, 2011, pp. 219–231.

Kvanvig, 2003 – Kvanvig, J. *The Value of Knowledge and the Pursuit of Understanding*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Kvanvig, 2005 – Kvanvig, J. “Truth is Not the Primary Epistemic Goal”, in: Sosa, E., Steup, M. (eds.) *Contemporary Debates in Epistemology*. Oxford: Blackwell, 2005, pp. 285–296.

Kvanvig, 2008 – Kvanvig, J.L. “Pointless Truths”, *Midwest Studies in Philosophy*, 2008, vol. 22, pp. 199–212.

Lackey, 2007 – Lackey, J. “Why We Don’t Deserve Credit for Everything we Know”, *Synthese*, 2007, vol. 158, pp. 345–361.

Meylan, 2018 – Meylan, A. “Virtue-Reliabilism and the Value of Knowledge: Classical and New Problems”, in: Battaly, H. (ed.) *The Routledge Handbook of Virtue Epistemology*. New York: Taylor Francis, 2018, pp. 317–329.

Nozick, 1981 – Nozick, R. *Philosophical Explanations*. Harvard University Press, 1981.

Swinburne, 1999 – Swinburne, R. *Providence and the Problem of Evil*. Oxford University Press, 1999.

Parfit, 2011 – Parfit, D. *On What Matters. Vol. 1*. Oxford University Press, 2011.

Piller, 2009a – Piller, C. “Reliabilist Responses to the Value of Knowledge Problem”, *Grazer Philosophische Studien*, 2009, vol. 79, pp. 121–135.

Piller, 2009b – Piller, C. “Valuing Knowledge: A Deontological Approach”, *Ethical Theory and Moral Practice*, 2009, no. 12, pp. 413–428.

Pritchard, 2005 – Pritchard, D. *Epistemic Luck*. Oxford, GB: Oxford University Press UK, 2005.

Pritchard, 2007 – Pritchard, D. “Recent Work on Epistemic Value”, *American Philosophical Quarterly*, 2007, vol. 44, no. 2, pp. 85–110.

Pritchard, 2008 – Pritchard, D. “The Value of Knowledge”, in: Zalta, E. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2008 [<https://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/knowledge-value/>, accessed on 18.05.2024].

Riggs, 2002 – Riggs, W.D. “Reliability and the Value of Knowledge”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2002, no. 64 (1), pp. 79–96.

Riggs, 2009 – Riggs, W. “Two Problems of Easy Credit”, *Synthese*, 2009, vol. 169, pp. 201–216.

Sartwell, 1992 – Sartwell, C. “Knowledge is Merely True Belief”, *American Philosophical Quarterly*, 1992, vol. 28, pp. 157–165.

Sosa, 2007 – Sosa, E. *A Virtue Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2007, 128 p.

Zagzebski, 2003 – Zagzebski, L. “The Search for the Source of Epistemic Good”, *Metaphilosophy*, 2003, vol. 34, no. 1/2, pp. 12–28.

Г РАЙСИАНСКИЙ ПОДХОД К УСЛОВИЯМ УСПЕШНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ*

Соболев Иван Александрович – студент бакалавриата ОП «Философия». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; e-mail: iasobolev@edu.hse.ru

В статье исследуются условия прагматической успешности (felicity conditions) высказываний с подразумеваемым значением. Исторически в дискуссии об успешности высказывания еще в работах Витгенштейна и Остина были предварительно определены два подхода к ее изучению. Первый опирается на анализ речевого поведения (бихевиористский), сегодня он развился в теорию обязательств. Второй подход, доработанный Полом Грайсом, интерпретирует успешность через намерения говорящего. Основная цель статьи – доказать преимущества грайсианского подхода к анализу категории успешности на фоне недостатков бихевиористского подхода. Для этого автор фокусирует внимание на прагматике подразумеваемого значения, в рамках которой можно наглядно показать, как условия успешности основаны на интенции и знании говорящего. В рамках защищаемого подхода исследуются три ключевых типа неявного значения: пресуппозиции, конвенциональные и речевые импликатуры. На основе анализа примеров показано, как уникальные свойства данных типов значения влияют на условия успешности высказывания с ними. В конце статьи дан критический анализ, демонстрирующий недостатки и ограничения теории обязательств как альтернативы позиции автора.

Ключевые слова: условия успешности высказывания, прагматика, пресуппозиция, импликатура, грайсианские теории

THE GRICEAN APPROACH TO UTTERANCE FELICITY CONDITIONS

Ivan A. Sobolev – Bachelor Student. HSE University. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow 105066, Russian Federation; e-mail: iasobolev@edu.hse.ru

The article examines the pragmatic felicity conditions for utterances with implied meanings. Historically, in the discussion of the utterance felicity, two key approaches were formulated in the works of Wittgenstein and Austin. The first is based on the analysis of speech behavior (behaviorist), today it has developed into the theory of commitment. The second approach, refined by Paul Grice, interprets felicity through the speaker's intentions. The main goal of the article is to bring the advantages of Gricean analysis over the behaviorist one to this category. To do this, the author focuses on the pragmatics of implied meaning within which it is possible to clearly show how the rules of success are based on the speaker's intention. The approach being defended investigates three key types of implicit meaning:

* Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках проекта «Международное академическое сотрудничество» НИУ ВШЭ. The article was prepared within the framework of the project “International academic cooperation” HSE University.

presuppositions, conventional and speech implicatures. Based on examples analysis, it is shown how the unique semantic properties of these meaning types effect on felicity of utterance. At the end of the article, a critical analysis is given, demonstrating the shortcomings and limitations of the commitment theory as an alternative to the author's position.

Keywords: utterance felicity conditions, pragmatics, presupposition, implicature, Gricean theories

1. От истинности к успешности

Традиционный подход к высказываниям в философии языка и логике затрагивал прежде всего истинность их пропозиции, то есть относился к области семантики: будь то логический анализ языка у Фреге, теория дескрипций Рассела или семантическая концепция истины Тарского. Во второй половине XX в., например в работах позднего Витгенштейна и в теории речевых актов Остина, происходит смена фокуса в исследованиях с формализации естественного языка на анализ его механизмов. Высказывание теперь рассматривается как воспринимаемое собеседниками, включенное в процесс коммуникации. Ключевым объектом исследования в прагматическом контексте становится успешность высказывания относительно интерпретатора.

Уже в истоках этой традиции можно проследить два противоположных подхода к успешности. Витгенштейн, с одной стороны, открыто отрицал существование приватного языка и считал, что успешность языковых игр связана прежде всего с правильным словоупотреблением, то есть нашей публичной речевой деятельностью. Но, с другой стороны, в «Философских исследованиях» он также ввел понятие *Umgebung*, которое на русский переводят словом «сопровождение». Под этим термином Витгенштейн понимал условия возможности языковых игр, к которым относил в том числе и намерения говорящего. Намерения вплетены в речевые ситуации и обычаи, поэтому постоянно воздействуют на контекст употребления [Wittgenstein, 2009, p. 115].

Остин, в свою очередь, напрямую затрагивавший проблему успешности в работе о перформативных высказываниях, также колебался между двумя интерпретациями «осечек», то есть неуспеха в коммуникации. Так, он писал, что некоторые перформативные высказывания не срабатывают, поскольку нарушаются общепринятые процедуры или не выполняются все необходимые эмпирические условия для успеха данного высказывания. Этот подход к успешности можно назвать условно бихевиористским, поскольку он учитывает только особенности внешнего речевого поведения. Но Остин не останавливается на нем и тут же добавляет, что высказывания

могут быть несостоятельны и в другом смысле. Существуют вербальные процедуры, для которых необходима определенная ментальная установка говорящего, выраженная в чувствах или намерениях. Например, поздравляют с искренней радостью за адресата высказывания, а обещают то, что намерены выполнять, и т.п. [Austin, 1979, p. 238–239].

Сегодня ситуация не поменялась, все так же существует много альтернативных подходов к пониманию категории успешности. С одной стороны, это анализ успешности с помощью трехзначных логик, где значение неопределенности означает неуспешность [Sobreros et al., 2014]. С другой стороны, это динамическая семантика, в которой успешность высказывания определяется правильной стратегией упаковки информации и ответе на обсуждаемый вопрос [Попова, 2022]. Наконец, это подходы, основанные на теории коммуникации Грайса, согласно которым успешность определяется правильной интерпретацией ментального состояния говорящего [Grice, 1975; Horn, 2004]. Грайс унаследовал эту перспективу в отношении успешности у Витгенштейна и Остина и развил ее при помощи собственной концепции максим коммуникации.

Грайсианские теории сталкиваются с критикой представителей других, в известном смысле бихевиористских школ. Во-первых, далеко не все согласны с тем, что ключевой функцией языка является обмен информацией о мире и своих ментальных установках (референциальная функция). Так, в теории обязательств (*commitment*) успех коммуникации зависит прежде всего от действий собеседников в языковой игре, а не от их знания о намерениях говорящего. Во-вторых, критике подвергается теория подразумеваемого значения Грайса. Импликатуры, которые он пытался объяснить через максимы коммуникации, сами по себе как будто противоречат этим максимам. Почему люди используют фразы с неявным смыслом, когда максимы четко требуют говорить ясно, однозначно и ровно столько, сколько необходимо [Золян, 2024]?

В этой статье я буду отстаивать позицию, что грайсианский подход лучше всего подходит для объяснения феномена успешности, поскольку апеллирует к намерениям говорящего. Я считаю, что в данном вопросе бихевиористский взгляд, воплощенный в теории обязательств, редуцирует коммуникацию до внешних проявлений, оставляя за скобками крайне важные феномены коммуникации, например подтекст или неявный смысл. Чтобы доказать свою позицию, солидаризируясь с грайсианской традицией, я обращусь к высказываниям с неявным содержанием. Они позволят точнее и нагляднее объяснить механизмы успешности. Таким образом, цель статьи – объяснить, что такое успешность, опираясь на прагматику подразумеваемого значения.

Я попытаюсь обосновать, как и почему феномен успешности в высказываниях с подразумеваемым значением связан со знанием и мнением участников коммуникации. Для этого необходимо, во-первых, определить, что представляет из себя успешность как свойство высказывания. Во-вторых, показать на примерах, как семантические свойства разных типов значения влияют на их успешность, а также как грайсианский подход объясняет это отношение. Наконец, в-третьих, доказать, почему альтернативные условно бихевиористские формальные подходы не могут точно описать механизмы коммуникации и успешности высказывания.

2. Определение успешности: парадоксы и речевые акты

При попытках анализировать истинность или ложность парадоксальных высказываний мы сталкиваемся с затруднениями: им придается как бы двойственный или промежуточный статус. Рассмотрим эту особенность на знаменитом примере.

(1) Критянин Эпименид сказал: «Все критяне – лжецы».

Можно предположить, что сказанное Эпименидом истинно, и тогда все критяне, включая самого Эпименида, – лжецы. Следовательно, его высказывание ложно, что, казалось бы, входит в противоречие с изначальным допущением. Но если мы допустим, что высказывание критянина ложно, то из него следует, что по крайней мере некоторые жители Крита не лжецы. Здесь может быть два варианта: либо Эпименид принадлежит ко множеству честных островитян, либо нет. В первом случае мы снова приходим к абсурду. Остается лишь одна возможная трактовка высказывания, в которой Эпименид – лжец, а его высказывание ложно. В этом случае обнаруживается, что по своей сути, с точки зрения логики, высказывание Эпименида будет псевдопарадоксом.

Но эта логически приемлемая интерпретация слов Эпименида далеко не сразу приходит нам в голову. Слова критянина все равно кажутся нам довольно странными и контринтуитивными для обыденной установки. Дело в том, что этот псевдопарадокс содержит крайне важное разделение сказавшего и сказанного. Если понимать истину и ложь как соответствие (или несоответствие) содержания высказывания действительности, то абсолютный лжец или абсолютно честный человек будут в реальности невозможны: для этого потребуются всезнание. В действительности же бывает, что лжец, сам того не зная, может сказать нечто истинное о мире, как и честный человек способен заблуждаться. Сам «парадокс» Эпименида в его классической форме

этого не предусматривает, поскольку в нем заранее предполагается только возможность абсолютно лживого говорящего.

Значит, помимо истинностного содержания высказывания существуют прагматические факторы, определяющие нашу повседневную коммуникацию. Их следует отделять от пропозиции – мысли, выраженной каким-то высказыванием. Здесь можно вспомнить иронию, когда одна и та же фраза в зависимости от интонации или контекста может иметь противоположное значение, но то же содержание. Пропозиция высказывания будет истинной или ложной, но само высказывание этой характеристикой не исчерпывается.

Осмысленная коммуникация – это всегда результат взаимодействия двух субъектов речи, которые определенным образом интерпретируют сказанное. При этом каждый из них осознаёт, что собеседник не только понимает значение слов, но и обладает общим знанием о взаимной возможности такого рода понимания [Мигунов, 2018, с. 123]. Каждое высказывание можно расценивать в разных категориях относительно его содержания или иллокуции, то есть цели, которую говорящий преследует своим высказыванием. Чтобы лучше увидеть эту разницу, обратимся к примеру:

- (2) а. *Экскурсовод рассказывает своим слушателям интересный факт о городе. Один из туристов, слышавший об этом факте, кивает гиду.*
- б. *Жена приготовила курицу, но муж съел совсем немного. После ужина он сказал, что еда была очень вкусной. Жена согласна, что курица удалась, но не верит, что блюдо супругу действительно понравилось.*

Предложения в (2) являются разными видами утверждений. Для того, чтобы они были успешными, должен соблюдаться ряд условий, так называемых прагматических presuppositions. Говорящий должен считать пропозицию своего утверждения истинной. Слушающий же должен считать, что говорящий действительно верит в истинность пропозиции. И только при соблюдении этих двух условий утверждение будет успешным. В (2а) видно, что слушающий верит говорящему и серьезности его заявления, следовательно, утверждение успешно. В (2б), напротив, жена не считает, что муж говорит искренне, а значит, его высказывание неуспешно, хотя она и согласна с его словами, то есть считает пропозицию истинной.

Обманом в прагматике будет такая ситуация, в которой говорящий считает свои слова ложными, пусть даже в реальности они могут оказаться правдой. А успех обмана зависит от того, смог ли слушающий распознать отношение говорящего к пропозиции. Рассмотрим это различие:

- (3) а. *Сотрудник прикрывает своего коллегу перед начальником и говорит, что тот на больничном. Начальник верит своему подчиненному.*
- б. *Следователь на допросе говорит подозреваемому, что тот был на месте преступления в 13:00. Подозреваемый был там, но понимает, что следователь блефует и не знает этого наверняка.*

В (3а) представлен случай успешного обмана. И здесь важно, что босс не распознаёт именно отношения говорящего к своим словам. Обман будет успешным, даже если вдруг окажется, что работник не безответственный и действительно лечится дома. В (3б) же слушающий осознаёт, что пропозиция говорящего истинна. Однако подозреваемый понимает, что следователь утверждает ее голословно, сам не веря в истинность своих слов.

Описанные выше прагматические пресуппозиции успешного обмана и утверждения позволяют избавиться от парадоксов². В примере (1) теперь можно различить интенцию Эпименида и восприятие слушающего. В тех случаях, когда слушающий воспринимает Эпименида как лжеца, парадокса не будет просто потому, что нет успешного утверждения. Не важно, считает ли слушатель пропозицию истинной или ложной, она будет отвергнута, то есть не будет сказано ничего. Если же слушатель трактует слова критянина как утверждение, то возникает аномалия другого рода. Прагматическая пресуппозиция требует *неявно* признать Эпименида говорящим правду, тогда как утверждаемая пропозиция говорит о том, что он лжец. Они вступают в конфликт, и данное высказывание будет прагматически аномальным для слушающего. В этом случае фраза Эпименида интерпретируется примерно так же, как выражение «Я сплю», которое можно назвать абсурдным [Мигунов, 2018, с. 137]. Коммуникация снова не состоится, поскольку не было утверждения³. Значит, и парадокса не возникнет.

Аналогичное прагматическое разрешение есть и у известного парадокса Мура. Это особое высказывание, в котором говорящий утверждает пропозицию **p** и затем говорит, что не верит в нее.

- (4) *Идет дождь, но я в это не верю.*

² Прагматическое разрешение парадокса лжеца не является единственным и абсолютным. Существуют подходы с использованием трехзначных логик, формальные, метаязыковые и др. Я привожу именно это разрешение, чтобы прояснить понятие успешности.

³ Замечу, что проблемы в принципе могло не возникнуть, если мы понимаем слова Эпименида не как утверждение, но, например, как шутку. В этом случае на говорящего накладываются другие прагматические пресуппозиции, не противоречащие пропозиции.

В самой пропозиции нет логического противоречия: эмпирически вполне возможно, чтобы агент не верил в некоторое положение дел. Однако парадокс появляется в тот момент, когда некто произносит это высказывание. Парадоксальность произношения муровских высказываний заключается именно в нарушении прагматических presuppositions. Утверждая, что **p**, говорящий берет на себя обязательство считать данную пропозицию истинной. Соответственно, отрицая свою веру в только что сказанное, он произносит абсурдное или неуспешное высказывание.

Однако некоторые исследователи выступают с критикой прагматического разрешения парадоксов. Так, Улла Шмид в своей монографии о парадоксе Мура приводит следующее возражение: сторонники прагматического подхода к анализу парадоксов уходят от содержания предложений Мура к условиям, обеспечивающим их успешность. При такой оптике не принимается во внимание исследование функциональных и психологических свойств веры или мнения, модальности «агент считает, что **p**», в которых на самом деле кроется парадоксальность [Schmid, 2014, p. 73].

Я не могу принять такой контраргумент. На мой взгляд, нельзя анализировать такие коммуникационные акты, как убеждение или обман, в отрыве от коммуникации. Если воспринимать веру как функционально определенный психологический феномен, то это никак не помогает прояснить само понятие «верования» и его грамматические свойства. Прежде всего такая установка не дает однозначного объяснения, почему невозможно эксплицитно приписать себе ложное убеждение, даже при условии, что нам известны все свойства верования. Прагматический подход, в свою очередь, прицельно направлен на разрешение именно этого противоречия. Он демонстрирует, что парадоксы по типу (1), возникающие при общении, в том же естественном языке могут быть легко преодолены. В диалоге слушатель пытается избежать абсурда, поэтому решил бы, что слова Эпименида относятся ко всем критянам, кроме него. Поэтому крайне важно разделять в высказывании пропозицию и иллокуцию, прагматический компонент. Рассматривать успешность можно только в отношении действия говорящего с учетом всех обстоятельств коммуникации или, другими словами, в отношении речевого акта.

Пропозициональные и прагматические предварительные условия речевого акта крайне важны для исследования прагматики подразумеваемого значения, поэтому здесь необходимо прояснить несколько особенностей. Во-первых, истинность в отношении иллокутивных актов имеет коммуникативную природу. Статус их пропозиционального содержания определяется положением дел *в представлении* говорящего и слушающего [Мигунов, 2018, с. 123]. Этот факт объясняет разницу между успешностью и эффективностью речевого акта. Акт угрозы может быть правильно и с соответствующе-

щим намерением произнесен и интерпретирован слушающим как таковой – тогда он будет *успешным*. Но в то же время он будет *неэффективным*, если речевой акт не достигнет своей перлокутивной цели, то есть не остановит слушающего, не даст ему совершить какие-то действия.

Во-вторых, переход от речевых актов к компонентам подразумеваемого значения становится наглядным при анализе предварительных условий успешности ассертивов. Джон Сёрль в своем исследовании [Searle, 1969] отмечал, что неуспешными будут утверждения, содержание которых излишне в данном контексте, иными словами, утверждения должны привносить новую информацию в обсуждение. Например, мы не говорим: *он знает о своей боли* или *я пишу этот текст по своей воле*. Такие высказывания аномальны для обычного контекста, в котором предполагается, что агенты отдают себе отчет в своем внутреннем состоянии и статусе личной свободы. Это содержание неявно уже присутствует в акте утверждения. Таким образом, успешность утверждения неразрывно связана с предварительными условиями для такого типа иллокутивного акта, то есть прагматикой подразумеваемого значения.

2.1. Фоновость и аккомодация пресуппозиций

После того как были определены основные свойства успешности, я рассмотрю, в каком отношении к этому свойству находятся высказывания с неявным значением. Начать стоит с пресуппозиции, очень распространенного в естественном языке типа подразумеваемого значения. Уже из определения пресуппозиции как информации, необходимой для осмысленности диалога, видна тесная связь этого компонента значения с успешностью высказывания. Если собеседник не принимает пресуппозиции, то высказывания говорящего станут не просто ложными, но потеряют всякий смысл. Рассмотрим, как эмфатические конструкции⁴ порождают пресуппозицию существования:

- (5) *Это злые духи испортили Коле жизнь, # но злых духов не существует*⁵.

Пресуппозиция: *злые духи существуют*

Первая часть предложения (5) содержит пресуппозицию, которая должна быть принята для успешности всего высказывания. Поэтому фраза целиком становится бессмысленной, если говорящий отрицает подразумеваемое содержание. При этом нет никакой проблемы в отрицании ассертивной части высказывания – слушающий мог бы

⁴ Эмфаза – эмоционально-смысловое выделение какой-то части высказывания.

⁵ Знаком решетка (#) традиционно отображается неуспешное высказывание.

ответить, что жизнь Коли испортилась по другой причине, без вмешательства злых духов, хотя их существования он не отрицает.

Такое соотношение пресуппозиций и отрицания вызвано, с одной стороны, уже упомянутым свойством проективности. Эмфатическая конструкция даже под отрицанием предполагает существование субъекта (*Это не злые духи...*), то есть исчезает только явное содержание, но не подразумеваемое. С другой стороны, пресуппозиции, как было видно в (5), неотменяемы, точно так же как логические следствия высказывания. При этом слушающий может успешно уйти от навязываемого пресуппозицией содержания, но для этого требуются более сложные конструкции отрицания, которые ставят под вопрос неявное значение: **вообще-то** *никаких злых духов не существует* и т.п.

Взаимодействие успешности и пресуппозиций определяется прежде всего фоновым статусом последних. Они вносятся в контекст без обсуждения, поэтому часто могут использоваться для навязывания какой-то информации. Именно фоновость пресуппозиций делает неуспешными высказывания, подобные примеру (5), в которых подрывается фундамент осмысленности конкретной фразы и последующей коммуникации.

Но фоновость пресуппозиций также допускает некоторые выражения, которые были бы неуспешными для простого утверждения. Во втором разделе я выделил в качестве условия успешности иллокутивного акта утверждения тот факт, что он должен сообщать новую информацию. Пресуппозиции за счет своего фонового статуса пренебрегают этим правилом, как в примере (6). В данном случае подразумеваемое содержание анафорично, оно уже было введено предыдущим предложением.

(6) *Ваня раньше курил. Сейчас он уже бросил курить.*

Пресуппозиция: *Ваня раньше курил.*

Я предлагаю разделять два типа успешности пресуппозиций: сильную и слабую. Сильная успешность – это ситуация, в которой неявное содержание уже было эксплицитно введено в контекст, как в (6). Но в реальной коммуникации нормальным является введение и контекстуально новой пресуппозиции. Для того чтобы адекватно ее воспринимать, слушающий прибегает к аккомодации – процессу доработки контекста для успешности высказывания с пресуппозицией [Lewis, 1979]. Этот процесс по своей природе *грайсманский*, поскольку участники коммуникации представляют, как выглядел бы общий фон разговора при условии, что собеседник соблюдает принцип кооперации. Пресуппозицию, требующую аккомодации, тоже можно назвать успешной, правда, успешной слабо, поскольку она требует дополнительных усилий от слушающего.

2.2. Особое измерение конвенциональных импликатур

Конвенциональные импликатуры, в отличие от пресуппозиций, иначе взаимодействуют с пропозициональным содержанием высказывания. Согласно Кристоферу Поттсу, импликатуры порождают особое измерение следствий, отличное от следствий логических [Potts, 2015, р. 30–31]. Такая многомерность высказывания вызвана разделением актуальной и вспомогательной для текущего разговора информации. Вспомогательное содержание обычно выражают аппозитивы (7a), некоторые союзы (7b) и частицы (7c):

- (7) а. *Юрий Гагарин, первый человек в космосе, родился в 1934 году.*
Импликатура: *Гагарин – первый человек в космосе.*
- б. *Сейчас апрель, но на улице холодно.*
Импликатура: *в апреле редко бывает холодно.*
- с. *Даже великие люди ошибаются.*
Импликатура: *обычно великие люди не ошибаются.*

Конвенциональные импликатуры вносят принципиально новое содержание в контекст диалога поверх уровня логических следствий, то есть они, в отличие от пресуппозиций, являются *нефоновыми*. Это свойство сказывается на условии успешности конвенциональных импликатур. Так, если импликатура будет ложной, то все высказывание не станет от этого неуспешным, как в примере (5) с отрицанием пресуппозиции. Если в контексте (7b) для участников беседы привычна холодная погода даже в апреле, то высказывание в целом сохранит свою истинность, хотя при этом слушающий может резонно усомниться в импликатуре говорящего.

Из-за свойства нефоновости на высказывания с конвенциональной импликатурой распространяется еще одно правило успешности. Их избыточное использование, когда содержание конвенциональной импликатуры уже было открыто введено в контекст, приводит к неуспешности. Это объединяет импликатуры с обычными следствиями предложения, для которых действует уже описанное в первом разделе предварительное условие успешности ассертивов вообще.

- (8) а. *Юрий Гагарин – первый космонавт. # Когда Гагарин, первый космонавт, приехал в Москву, его торжественно встретили.*
- б. *Юрий Гагарин – это первый космонавт. И практически все знают, что Гагарин был первым космонавтом.*

Избыточное использование аппозитива в (8a) делает высказывание неуспешным, а точно такая же пресуппозиция (8b), порожденная фактивным глаголом *знают*, аналогичного эффекта не вызывает. С такой ситуацией мы уже сталкивались в примере (6), где пресуппозиция из-за своей фоновости не делает неуспешным обращение

к уже введенному в контекст содержанию. Пример (8), в свою очередь, демонстрирует, что я подразумеваю под отдельным измерением конвенциональных импликатур. Ясно, что неуспешность в (8a) отличается от неуспешного употребления пресуппозиций. Высказывание не становится полностью бессмысленным, как в примере (5), скорее, оно кажется нам просто неудачным или стилистически некорректным. Все дело в том, что конвенциональные импликатуры, в отличие от пресуппозиций, не так тесно переплетены с существенным или at-issue содержанием высказывания. Тем не менее, на мой взгляд, в рамках грайсианского подхода избыточное употребление конвенциональных импликатур будет неуспешным, если нет прочих видимых оснований для нарушения максимы количества в виде повторения уже высказанной мысли.

Следовательно, измерение конвенциональных импликатур требует ввести особый статус для высказывания: предложение должно быть корректным не только на уровне констатируемого, но и подразумеваемого содержания. И для этого необходимо, чтобы содержание конвенциональной импликатуры совпадало с представлениями говорящего. В (7b) условием успешного высказывания будет искреннее убеждение сказавшего, что в апреле обычно тепло. Такая особенность объясняется другим свойством конвенциональных импликатур, уникальным для этого компонента подразумеваемого значения, – ориентацией на говорящего [Соболев, 2023, с. 95–97].

Ориентация конвенциональной импликатуры на говорящего проявляется в предложениях с глаголом пропозициональной установки. В таких случаях чаще всего оказывается, что подразумеваемое содержание относится не к мнению субъекта высказывания, но к позиции говорящего. Так, если я скажу: *Вася считает, что Гагарин, первый космонавт, полетел в космос вторым*, – то уточняющая конструкция здесь относится к моему мнению. Вася же просто ошибается, а не пытается своим высказыванием нарушить законы логики.

Таким образом, можно сформулировать следующие правила успешности конвенциональных импликатур. Во-первых, они родственны обычным следствиям предложения, поэтому к ним применимы все обычные законы успешности для утверждения: их нельзя отменить в последующем дискурсе и использовать избыточно. Во-вторых, так как конвенциональная импликатура относится к другому измерению значения, то успешность обеспечивается внутренним отношением говорящего к ее содержанию. Это расширяет возможности для успешного употребления такого типа значения в нейтральном контексте, а также в высказываниях, выражающих мнение другого субъекта.

2.3. Отменяемость речевых импликатур

В исследовании речевых импликатур есть проблема: их невозможно соотнести с бесконечным разнообразием конкретных языковых единиц. Как уже было сказано, речевые импликатуры возникают из-за прагматического и контекстуального взаимодействия участников коммуникации. Соответственно, одна и та же фраза в разных контекстах может читаться буквально, а может породить речевую импликатуру.

Первостепенной задачей в изучении этого типа значения для философов языка становится определение свойств речевой импликатуры как таковое. Явным претендентом на уникальное для речевых импликатур свойство является эксплицитная отменяемость. Именно такая позиция общепринята в научном сообществе. Фундамент для понимания речевых импликатур именно как отменяемых заложил Пол Грайс в своих заметках к «Логике и речевому общению». Он писал так: «Предполагаемая речевая импликатура **p** отменяема эксплицитно, если к словам высказывания, имплицитующим **p**, приемлемо добавить: *но не p* или *я не подразумеваю, что p*» [Grice, 1989, p. 44].

Как видно, грайсианское понятие отменяемости речевой импликатуры напрямую связано с предметом моего исследования. Успешная эксплицитная отмена произнесенного содержания может быть индикатором, что перед нами речевая импликатура. Здесь важно отметить, что успешная отменяемость помогает лишь отрицательно, то есть это необходимое, но недостаточное условие для обнаружения речевой импликатуры.

Тем не менее существуют разногласия даже касательно применимости правила эксплицитной отмены ко всем речевым импликатурам. Самый известный контрпример против универсального статуса отменяемости – это случай сарказма, когда прямое отрицание импликатуры лишь усугубляет изначальное двусмысленное восприятие высказывания [Weiner, 2006, p. 128].

- (9) *Два друга, Саша и Ваня, приходят утром на завтрак в отеле. Они подходят к шведскому столу и видят на нем три куска торта. Саша идет первым и кладет себе всё. Ваня говорит по этому поводу:*
- a. *Мне вот интересно, смог бы ты в теории взять себе еще больше торта?*
 - b. *Я не подразумеваю, что ты должен брать меньше. Мне просто любопытно.*

Предложение (9a) в данном контексте порождает речевую импликатуру, Ваня демонстративно нарушает максимы коммуникации, а значит, его слова имеют подразумеваемый смысл: Саша, по мнению

говорящего, должен был взять меньше и поделиться с другом. Но фраза (9b), как в правиле Грайса (*я не подразумеваю, что p*), все же не отменяет импликатуру, а наоборот, акцентирует ее.

Ситуация с сарказмом представляется любопытной, но, на мой взгляд, не является большой угрозой для общего правила. Акт отказа от предыдущей импликации будет успешным при двух условиях: 1) слушающие понимают само это высказывание; 2) намерения этого акта искренни. В статье, анализирующей неотменяемость сарказма [Borge, 2009, p. 153], демонстрируется проблема в основе этого контраргумента. В качестве предмета критики выступает только теория значения Грайса, но совершенно в стороне остается его же теория коммуникации. Отрицание (9b), по сути, не будет отменой импликации, поскольку у говорящего и не было намерения ее отменить. А ситуация, в которой Ваня произносил бы (9a) и (9b) неиронично, привела бы к полному недоумению Саши и даже комическому эффекту.

Трудность, которая действительно может возникнуть, если объяснить отменяемость через успешность, – это размытие понятия отменяемости на более широкий круг явлений, чем одни речевые импликации. В более формальном виде это правило будет звучать так: содержание *p* в предложении *s* в контексте *c* отменяемо тогда и только тогда, когда существует контекст *c**, в котором (i) говорящий также использует *s*, (ii) но дополнительно произносит отрицание *я не подразумеваю, что p*, (iii) а все высказывание при этом будет успешным [Zakhou, 2018, p. 7]. Эта интерпретация проблематична, потому что отменяемым будет содержание любого высказывания, которое может стать фигуральным в другом контексте, например, как в следующих случаях:

(10) а. *Он сделал ей предложение на воздушном шаре. Они витали в облаках.*

б. *Они витали в облаках. Но я не подразумеваю, что они реально витали в облаках, они просто были невнимательными.*

При таком определении отменяемыми могут стать не только речевые, но и конвенциональные импликации и даже семантические presuppositions. Для решения проблемы информативности такого определения можно разделить отменяемость на два разных вида: в широком и узком смысле. Отменяемость в широком смысле работает при уже озвученных правилах (i–iii) и касается почти всех компонентов подразумеваемого значения. А отменяемость в узком смысле подразумевает, что (i) относится только к употреблению *s* в буквальном значении [Ibid., p. 10]. Тогда прямой смысл presuppositions и конвенциональных импликаций нельзя назвать эксплицитно отменяемым по форме *s*, но не *p* (*Вася перестал курить, #но я*

не подразумеваю, что он когда-то курил). Так что верным и нетривиальным оказывается изначальное определение отменяемости Грайса: речевые импликатуры будут отменяемыми, если высказывание останется успешным.

3. Недостатки теории обязательств

Как уже было сказано, далеко не все теоретические подходы к коммуникации понимают ее прежде всего как обмен информацией и ментальными состояниями между говорящим и слушающим. Одной из таких неортодоксальных (по отношению к грайсианской традиции) концепций является *обмен обязательствами* или *commitment sharing* [Geurts, 2019].

В основе данного подхода лежит понимание социальной природы человека, жизнь которого проходит в постоянных языковых играх. Для любой координации участникам коммуникации необходимо, чтобы каждый имел представление об ожидаемых действиях и поведении другого. Такое представление возникает благодаря наложенному на говорящего обязательству перед слушающим действовать согласно сказанному. Более формально commitment будет трехместным отношением между двумя индивидами **S** и **H**, а также пропозицией **p**: S обязуется перед H действовать согласно p или $Com_{S,H} p$ [Ibid., p. 3–4]. Данный подход рассматривает речевые акты прежде всего через призму последующего поведения человека, поэтому я называю его бихевиористским.

Простой пример речевого акта, в котором накладываемое обязательство видно невооруженным глазом, – это комиссив. Так, если Аня скажет Боре, что она выйдет погулять с собакой, то она накладывает на себя обязательство действовать соответственно пропозиции *Аня выйдет с собакой*. В то же время на Борю автоматически накладывается зеркальное отражение этого обязательства $Com_{b,a} p$: услышав эту фразу, он тоже должен действовать соответствующим образом. Например, Боря должен сказать, где собака, или не выходить сам на прогулку с питомцем. При этом в данной ситуации в рамках подхода обязательств не столь важны условия искренности речевого акта, поскольку обязательство будет накладываться вне зависимости от того, действительно ли Аня хочет или может сделать обещанное [Ibid., p. 8].

Чтобы объяснить, как работает речевой акт утверждения или ассерции, обязательства подразделяются на целевые (*telic*) и нецелевые (*atelic*), в зависимости от их связи с задачей говорящего. Обязательства первого типа порождают комиссивы и директивы, а второго – как раз таки ассертивы. Как считает Барт Гёртс [Ibid., p. 11–13],

все свойства утверждения, описываемые в парадигме Грайса, могут быть представлены через обязательства, то есть без обращения к интенции и ментальным состояниям. Как признаёт сам исследователь, это довольно радикальный тезис, поскольку ассерция больше других речевых актов зависит от максимы качества, единственно отсылающей напрямую к мнению говорящего (*не говори того, что считаешь ложным, и не говори того, что не можешь обосновать*).

Подход обязательств пытается объяснить коммуникацию, не обращаясь к интенциям и вере агента, однако в итоге он снова неизбежно возвращается к ним. Так Гёртс, помимо публичных обязательств, которые не подразумевают веры агента в истинность пропозиции, вводит частные обязательства агента самому себе: $Com_{a,a}p$. Частные обязательства фактически отождествляются с намерением или мнением агента в зависимости от типа речевого акта.

Предложенная для обязательств максима искренности $Com_{a,b}p \rightarrow \neg Com_{a,a} \neg p$ еще больше убеждает нас в связи этого подхода с классическим грайсианским пониманием утверждения [Geurts, 2019, p. 24–25]. Искреннее обязательство действовать согласно **p** подразумевает, что агент не должен действовать согласно не-**p**. По сути, это ничем не отличается от условия успешности утверждения, которое не раз упоминалось ранее. Вера в утверждаемую пропозицию даже в грайсианском подходе не определяется исключительно мысленным отношением к содержанию, безусловно важны и последующие действия агента, иначе коммуникация действительно сводилась бы к «чтению мыслей».

Поэтому подход обязательств не предлагает полноценной альтернативы принципу кооперации и максимам Грайса. Общение связано с пониманием намерения и имплицитного значения, а не только с эксплицитно сказанным и возникшими после этого обязательствами. В пользу этого свидетельствуют и эмпирические исследования комиссиров – актов, которые порождают обязательства напрямую [Bonalumi et al., 2020, p. 29–30]. Впрочем, едва ли от такого подхода нужно отказываться как от ложного. Скорее, сочетание намерений и обязательств дает самую полную картину того, как работает коммуникация. Например, без теории обязательств нельзя объяснить, каким образом дети младше четырех лет, еще неспособные полноценно представить чужое сознание, тем не менее могут совершать и, что важнее, понимать чужие речевые акты.

Возвращаясь к категории успешности, можно сказать, что подход обязательств не позволяет в полной мере объяснить этот феномен. Можно успешно взять на себя противоречащие друг другу обязательства перед разными людьми, и для речевых актов в рамках этого подхода не так важно отношение агентов к пропозиции, намерениям и т.д. Единственный вариант, когда обязательство будет неуспешным, – это когда агент ручается перед одним и тем же человеком в осуществлении

принципиально невозможного положения вещей, что переносит нас уже от прагматической успешности к чисто логической корректности высказывания.

Что особенно важно, обязательства не показывают особенности разных типов подразумеваемого значения. Успешность и неуспешность можно учитывать только при анализе намерений и знания участников коммуникации. А простое наблюдение за действиями согласно тем или иным обязательствам не даст нам достаточного знания о самом высказывании. Агент может вести себя одинаково, если он отвергает обязательство как по причине неуспешности, так и по причине ложности высказывания. Хотя, как было показано ранее, есть существенная разница как между статусом истинности/успешности одного и того же типа подразумеваемого значения, так и между условиями употребления импликатур и пресуппозиций.

4. Заключение

Таким образом, я показал, почему успешность или неуспешность высказываний нельзя редуцировать исключительно до нашего внешнего речевого поведения. Гораздо лучше с объяснением этого феномена справляется грайсианская традиция, которая, в отличие от бихевиористского подхода, учитывает намерения говорящего. Отчетливо это проявляется в контекстах употребления высказываний с подразумеваемым значением. Как было продемонстрировано, подход теории обязательств не только неизбежно обращается к ментальным установкам говорящего, но и в своем объяснении успешности не учитывает важных семантических различий типов подразумеваемого значения.

Так, семантические пресуппозиции из-за свойства фоновости в большей степени зависят от общего контекста и фона разговора участников коммуникации. Они не могут успешно вводиться в контекст, если невозможно провести аккомодацию их содержания. Конвенциональные импликатуры, порождающие отдельное смысловое измерение высказывания, приводят к неуспешности при избыточном употреблении. Но, будучи ориентированными на говорящего, они необязательно должны стать частью *common ground* собеседников. Речевые импликатуры, в свою очередь, из-за отсутствия связи с определенными конструкциями могут быть успешно отменены эксплицитным отрицанием. Объяснить механизмы успешности всех этих компонентов значения позволяют прежде всего грайсианские теории, что подчеркивают многочисленные примеры из естественного языка.

Тем не менее я не могу сказать, что традиция Пола Грайса является единственной и неуязвимой в теоретическом объяснении феномена

успешности. Далеко не все сложные языковые игры можно объяснить через максимы и общее знание участников беседы. Анализ метафоры или шутки в терминах Грайса был бы очень громоздким и неестественным. Однако, возможно, это одновременно и слабость, и сила данного подхода. Альтернативные бихевиористские теории часто приходят только к ad hoc объяснению отдельных конструкций через контекст конкретного речевого поведения, тогда как грайсианство предлагает теоретически универсальный механизм. Поэтому для следующих исследований целесообразно попробовать синтезировать формальный подход, учитывающий не только знание агентов, но также их взаимодействие в конкретном контексте.

Список литературы

Зоян, 2024 – Зоян С.Т. Импликатуры как модель смыслового порождения // Логико-философские штудии. 2024. № 1–2 (21). С. 13–16.

Мигунов, 2018 – Мигунов А.И. Парадокс или абсурд? // Логико-философские штудии. 2018. № 15 (3). С. 117–139.

Попова, 2022 – Попова Д.П. Место импозиции в типологии значений // Вопросы языкознания. 2022. № 6. С. 111–122.

Соболев, 2023 – Соболев И.А. Критерии различия пресуппозиций и конвенциональных импликатур // Эпистемология и философия науки. 2023. № 60 (4). С. 86–103.

References

Austin, 1979 – Austin, J.L. “Performative Utterances”, in: J. Urmson & G. Warnock (eds.), *Philosophical Papers*. Oxford: Clarendon Press, 1979, pp. 233–252.

Bonalumi, Scott-Phillips, Tacha & Heintz, 2020 – Bonalumi, F., Scott-Phillips, T., Tacha, J., & Heintz, C. “Commitment and Communication: Are We Committed to What We Mean, or What We Say?”, *Language and Cognition*, 2020, no. 12 (2), pp. 360–384.

Borge, 2009 – Borge, S. “Conversational Implicatures and Cancellability”, *Acta Analytica*, 2009, no. 24, pp. 149–154.

Cobrerros, Égré, Ripley, Rooij, 2014 – Cobrerros, P., Égré, P., Ripley, D., & Rooij, R.V. “Foreword: Three-Valued Logics and Their Applications”, *Journal of Applied Non-Classical Logics*, 2014, no. 24 (1–2), pp. 1–11.

Geurts, 2019 – Geurts, B. “Communication as Commitment Sharing: Speech Acts, Implicatures, Common Ground”, *Theoretical Linguistics*, 2019, no. 45 (1–2), pp. 1–30.

Grice, 1975 – Grice, H.P. “Logic and Conversation”, in: *Syntax and Semantics*. Leiden: Brill, 1975, pp. 41–58.

Grice, 1989 – Grice, H.P. *Studies in the Way of Words*. Harvard: Harvard University Press, 1989.

Horn, 2004 – Horn, L.R. “Implicature”, in: L.R. Horn & G. Ward (eds.), *Handbook of Pragmatics*. Oxford: Blackwell, 2004, pp. 3–28.

Lewis, 1979 – Lewis, D. “Scorekeeping in a Language Game”, *Journal of Philosophical Logic*, 1979, no. 8 (1), pp. 339–359.

Migunov, A.I. “Paradoks ili absurd?” [Paradox or Absurdity?], *Logiko-filosofskie shtudii*, 2018, no. 15 (3), pp. 117–139. (In Russian)

Popova, D.P. “Mesto impozicii v tipologii znachenij” [The Place of Imposition in the Meaning Typology], *Voprosy jazykoznanija*, 2022, no. 6, pp. 111–122. (In Russian)

Potts, 2015 – Potts, C. “Presupposition and Implicature”, in: S. Lappin, C. Fox (eds.), *Handbook of Contemporary Semantic Theory*. Wiley-Blackwell, 2015, pp. 168–202.

Searle, 1969 – Searle, J.R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.

Sobolev, I.A. “Kriterii razlichiya presuppozitsii i konvencional’nykh implikatur” [Criteria for Distinguishing Presuppositions and Conventional Implicatures], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2023, no. 60 (4), pp. 86–103. (In Russian)

Weiner, 2006 – Weiner, M. “Are All Conversational Implicatures Cancellable?”, *Analysis*, 2006, no. 66 (2), pp. 127–130.

Wittgenstein, 2009 – Wittgenstein, L. *Philosophical investigations*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.

Zakkou, 2018 – Zakkou, J. “The Cancellability Test for Conversational Implicatures”, *Philosophy Compass*, 2018, no. 13 (12), e12552.

Zolyan, S.T. “Implikatury kak model’ smyslovogo porozhdeniya” [Implicatures as a Model of Semantic Generation], *Logiko-filosofskie shtudii*, 2024, no. 1–2 (21), pp. 13–16. (In Russian)

ФЕНОМЕН ЧИСЛА С ПОЗИЦИЙ ПСИХОЛОГИЗМА: МОЖНО ЛИ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО ЧИСЛА «СОЧИНЯЮТСЯ»?

Бажанов Валентин Александрович – доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор. Ульяновский государственный университет. Российская Федерация, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; e-mail: vbazhanov@yandex.ru

В статье предпринимается попытка представить генезис и природу числа под углом зрения такого эпистемологического направления, как психологизм. Формулируются вопросы, которые способны пролить новый свет на то, что понимается под числом, а именно: каков модус «существования» числа? Правомерны ли вопросы о том, в виде чего, каких образований, существует число; какая реальность выступает естественным «носителем» числа? Допустимо ли считать, следуя реализму, число сущностью, независимой от человека? Какие соображения заставляют усомниться в независимом от человека статусе числа – статусе, принятом многими успешными математиками, поскольку этот статус снимает ключевые вопросы, касающиеся природы числа? Можно ли утверждать и если да, то в какой мере, что феномен числа, кроме иных факторов, задается ментальной и телесной организацией человека, но прежде всего культурными особенностями общества? Показывается, что новейшие исследования в области культурной и социальной нейронауки предоставляют достаточно убедительные аргументы в пользу перспективности психологизма в качестве концепции, позволяющей объяснить многие вопросы философии математики и идеи Я. Хакинга о возможности «сочинения реальности». Эти аргументы позволяют утверждать, что и природа, и происхождение числа могут быть осмыслены как абстрактные ментальные конструкции познавательной деятельности человека, которые возникают и эффективно используются во взаимодействии и на основе процедур репрезентации многообразия элементов и отношений реальности в контексте определенных когнитивных систем.

Ключевые слова: математика, число, психологизм, Я. Хакинг, культура, субитация, язык, концептуальная метафора

THE PHENOMENON OF NUMBER FROM THE LENS OF PSYCHOLOGISM: CAN WE CLAIM THAT NUMBERS ARE BEING “MADE UP”?

Valentin A. Bazhanov – DSc in Philosophy, Professor. Ulyanovsk State University. 42 L. Tolstoy Str., Ulyanovsk 432017, Russian Federation; e-mail: vbazhanov@yandex.ru

The article explores the genesis and nature of number from the perspective of psychologism, an epistemological trend. It formulates a series of questions aimed at reexamining our understanding of number: What is the mode of existence of number? In what forms or formations does number exist, and what reality serves as its natural “carrier”? Is it justified, following realism, to regard number as an entity independent of human beings? What reasoning challenges the human-independent status

of number – a stance embraced by many successful mathematicians – given that this status overlooks key questions about the nature of number? To what extent can it be argued that the phenomenon of number is shaped, among other factors, by the mental and bodily organization of humans, as well as by the cultural characteristics of society? The article draws on recent research in cultural and social neuroscience, which supports the relevance of psychologism as a framework for addressing many questions in the philosophy of mathematics. It also engages with Ian Hacking’s idea of “making up reality” to further illuminate the discussion. Ultimately, the nature and origin of number are defined as abstract mental constructions arising from human cognitive activity. These constructions emerge and are effectively utilized through the interaction and representational procedures of diverse elements and traits within a given cognitive system.

Keywords: mathematics, number, psychologism, I. Hacking, culture, subitization, language, conceptual metaphor

Числа суть создания свободного человеческого духа.

Р. Дедекинд

О природе числа написаны едва ли не горы книг и статей и с позиций реализма (платонизма), который склонен считать, что новые виды чисел в математической реальности открываются подобно географическим открытиям новых земель, и с позиций антиреализма, который склонен отождествлять числа с конкретными физическими объектами или рассматривать их в качестве особых структурных образований, в некотором смысле обобщающих массивы эмпирических данных (структурализм), или же трактовать как полезные «фикции» для упорядочения информации, которую человек черпает из внешнего мира (фикционализм).

Обсуждение этих важных вопросов активно продолжается и в последнее время [Tennant, 2022]. Попытки исследовать природу числа, несмотря на громадную литературу, не прекращаются уже много десятков лет, поскольку число относится к базисным, фундаментальным понятиям, которыми оперирует любая дисциплина, претендующая на статус «точной» или стремящейся приблизиться к таковой. При этом крепнет убеждение, что «число – это культурная конструкция» [Samuels, Snyder, 2024, p. 67], – убеждение, которое представляется несовместимым с трактовкой числа сторонниками реализма. Если усилить данное положение, то и сама математика представляется в качестве сугубо «человеческого предприятия, границы которого задаются биологической организацией человека» [Nunez, Lakoff, 2005, p. 123].

Каков модус «существования» числа? Правомерны ли вопросы о том, в виде чего, каких образований, существует число; какая реальность выступает естественным «носителем» числа? Допустимо ли считать, следуя реализму, число сущностью, независимой от человека?

Какие соображения заставляют усомниться в независимом от человека статусе числа – статусе, принятом многими успешными математиками, поскольку этот статус снимает ключевые вопросы, касающиеся природы числа? Можно ли утверждать и если да, то в какой мере, что феномен числа, кроме иных факторов, задается ментальной и телесной организацией человека, но прежде всего культурными особенностями общества?

Перспективные ответы на поставленные вопросы может дать такое направление, как психологизм, который ныне переживает своего рода ренессанс [Бажанов, 2016; Rudnicki, Lukowski, 2024]. Природа и феномен числа под углом зрения психологизма не рассмотрены сколько-нибудь обстоятельно. Хотя в истории логико-математических наук обращение к точке зрения психологизма было принятым некоторыми выдающимися мыслителями, как, например, Дж. Миллем и Дж. Булем в середине XIX столетия [Stone, 2022; Kusch, 2024], но оно оказалось категорически и надолго отвергнутым после трудов и суровой критики психологизма со стороны Г. Фреге и Э. Гуссерля, признанной очень убедительной его последователями и почти на столетие переместившей число на далекую периферию интересов и внимания исследователей – как математиков, так и философов.

Число в контексте психологизма. «Сочинение» чисел

Бурное развитие когнитивных исследований и особенно нейронауки на рубеже XX–XXI вв. подводят к мысли о том, что новые грани в понимании природы числа могут быть высвечены именно с позиций психологизма и достижений нейронауки. Анализ происхождения и природы числа под углом зрения психологизма способствовал введению такого направления когнитивной науки, которое можно охарактеризовать понятием «нейропсихологизма»¹ [Marshall, 2018, p. 41].

Оппозиция *психологизма* и *антипсихологизма* в случае логико-математического знания задается методологическими подходами, принятыми в данных направлениях: в одном подходе логика и математика рассматриваются как науки, признающие существование особых «законов мышления» или соответствующей онтогенетической реальности. Считается, что они воплощают эти «законы» в некоторой объективированной форме – в виде рассуждений, представленных в конкретном языковом материале (*психологизм*). Другой же

¹ Впрочем, это понятие пока не получило сколько-нибудь широкого распространения и в основном употребляется как рабочее лишь в области клинической нейропсихологии.

подход категорически отрицает возможность истолкования логики и математики как своего рода моделей мышления, связывая их законы лишь с материей рассуждения, не признавая их генетическую и естественную укорененность в живом процессе мышления (*антипсихологизм*).

Если иметь в виду свойство всего живого, связанного с симулянтным восприятием предметов до трех-четырех, называемое «чувством числа», субитацией, которое несет ответственность за проточисловые и арифметические способности человека [Dehaene, 2011], равно как и протогеометрические способности живых существ [Hogol, 2020, p. 62–66; Pantsar, 2024a], то можно предположить, что нейронные сети, в конечном счете детерминирующие психологические особенности человека, определенным образом (прежде всего в случае человека) проявляют себя и в возникновении представлений о числе, и в генезисе самого феномена числа, понимаемого как некоторое ментальное образование, функционирующее в конкретных культурных средах и в контексте некоторых когнитивных систем. При этом необходимо учитывать такую особенность нейронных сетей (и мозга в целом), как поразительная способность к обобщениям, отталкиваясь от очень и очень ограниченного количества эмпирических данных, имея в виду, например, данные восприятия или даже единичные ощущения [Li et al., 2024, p. 9].

Вероятно, что эта способность относится к трем «базисным» системам человека (*core systems*), которые несут ответственность за саму возможность существования человека как самодостаточного и автономного субъекта едва ли не с момента рождения [Spelke, 2022, p. XVIII–XIX]. Эти системы навигации, определения места и пространства нахождения человека, объектов и их конфигурации, которые предстают перед его взором, а также их количества, выраженных числом².

Способность любых более или менее высокоразвитых существ «интуитивно», помимо и вне каких-либо сознательных операций, определять количество предметов до трех-четырех является универсальной: диапазон обладания ею очень широк – от рыбок гуппи до человеческих племен охотников, в языках которых фактически отсутствуют сколько-нибудь развитые системы слов, которые принадлежат к категории числительных [Brannon, 2005, p. 85]. При этом при оценке количеств предметов (т.е. их число) возбуждаются нейроны в определенных областях мозга (доминирует префронтальная

² Своего рода «вспомогательными» системами часто считают системы, которые позволяют определять формы предметов, взаимодействия с другими субъектами *tete-a-tete*, а также с социальным окружением [Spelke, 2022, p. XVIII–XXI]. Существование такого рода систем вытекает из концепции модулярности Дж. Фодора [Jenkin, 2020, p. 253].

кора) как у человека, так и, скажем, обезьян [Nieder, 2016], хотя на процессы упорядочивания ряда чисел (5 больше 3) мозг реагирует более активно, чем на их «простое» восприятие, без задачи упорядочения, а кардинальные числа (например, 5) и ординальные ($1 < 3 < 5$) обрабатываются и воспринимаются мозгом по-разному, хотя и пересекающимися областями [Lyons, Beilock, 2013, p. 17060]. Семантические аспекты числового познания активизируют области теменной коры, а синтаксические, связанные с кодированием чисел (и их цифровой репрезентации), – затылочно-височные отделы мозга [Piazza, Eger, 2016, p. 262–263]. Некоторые нейроны мозга возбуждаются в качестве реакции на «точное» (т.е. конкретное) число, другие нейроны возбуждаются, но слабее как реакция на числа, близкие к конкретному числу [Whalley, 2018]. Нейронные коды у младенцев, еще не освоивших язык, не зависят от модальности, в которой демонстрируются множества предметов, которым можно приписать последовательности чисел [Hyde, 2023, p. R. 402]. Таким образом, фундамент числа представляет собой онтогенетическое образование в том смысле, что мозг «подготовлен» сформировать функционал, относящийся к тому, что получило название «числа» [Carey, Barner, 2019]. На статус числа, его место и роль в культуре влияют и внутрипсихологические, и культурные факторы, а также широко распространенные среди живых существ механизмы социального научения. В случае человеческого общества речь идет о целостной системе «мозг – социум – культура», закономерности эволюции каждого элемента которой плотно связаны с эволюцией всех других. Осмысление ее динамических свойств, включая репрезентацию числа, может происходить в контексте идеи биокультурного со-конструктивизма [Бажанов, 2019], когда имеется в виду порождение и постоянное параллельное «строительство» и преобразования всех компонентов данной системы. Число с такого рода позиций выступает как фундамент динамической системы формирования и развития математики как науки, которая представляет собой важный компонент культуры, постоянно подпитывающий прогрессивное движение общества, связанное с совершенствованием техники и технологий.

Психологические особенности восприятия чисел проявляются во множестве феноменов, прямо или косвенно связанных с доминирующей культурой. Так, в Китае число 4 символизирует конец («смерть»), а число 8 изобилие («богатство»), в некоторых европейских странах «несчастливым» числом считается 13. Список таких «магических» сопоставлений и операций (типа «гематрии») легко продолжить. Они плотно вписаны во многие культурные образования и являются их имманентными элементами.

Психологически некоторые числа воспринимаются как «более четные», как, например, 64 по сравнению с 62, а другие как «более нечетные», как, например, 23 по сравнению с 27. Объяснить эти

эффекты можно тем, что 64 «подсознательно» легче делится на 4, 27 на 3, а то, что 23 является простым надо еще мысленно установить, что обычно и происходит на подсознательном уровне [Heubner et al., 2018, p. 14].

Топология письма, принятая в определенных культурах (например, слева направо в культурах европейского типа, справа налево в арабской и еврейской культурах), также дает себя знать в виде так называемого SNARC-эффекта (spatial-numerical association of response codes effect), относительности когнитивных механизмов к специфике письменных шрифтов, которые касаются упорядочения предметов и чисел носителями разных культур. Одни и те же конфигурации множеств предметов воспринимаются и описываются в разных культурных дискурсах по-разному, причем этот эффект отчетливо проявляет себя у носителей одной культуры, но уже в несколько сглаженном виде у носителей нескольких близких к ней культур, которые могут использовать различные виды письма в своей повседневной практике [Koch, Huber et al., 2023]³.

Различие психологической организации детей и взрослых, в частности, выражается в их различном восприятии больших и малых чисел: при демонстрации чисел от 1 до 10 дети 8–11 лет преимущественно выбирают большие числа, а взрослые, напротив, – меньшие по величине числа [Towse et al., 2014, p. 5]. Эмоциональный фон также довольно заметно влияет на процесс идентификации места числа на числовой оси: лица с положительными эмоциями обычно смещали числа вправо, а с отрицательными влево [Sabaghypour et al., 2023]. Здесь велика роль операций с материальными предметами и накопление соответствующего опыта, которые закладывают основания представлений о числовых понятиях и способствуют генезису числа как такового. Поскольку эти операции так или иначе связаны с телесной организацией человека, особенно в детском возрасте манипуляциями при помощи пальцев, то допустимо утверждение, что в конечном итоге число – «производное непосредственной деятельности человека» [Fayol, Seron, 2005, p. 15–16; Carey, 2018, p. 467–468] и «культурный феномен», выраженный в абстрактной форме количественных и пространственных соотношениях [Tang, Tang, 2022, p. 254; Pansar, 2024b], который задается и совершенствуется посредством числовых понятий [Rips et al., 2008, p. 640]. Данные обстоятельства приходится учитывать в инженерных разработках разнообразных искусственных систем, включая искусственный интеллект и робототехнику [Di Nuovo, Jay, 2019, p. 9].

Я. Хакинг в определенном плане вслед за априоризмом И. Канта, нейрофизиологические аспекты которого раскрылись в резуль-

³ Похожий эффект проявляется в процессе упорядочения нечисловых последовательностей предметов и/или символов [Abbondanza et al., 2021].

тате открытий навигационной системы мозга⁴, обратил внимание на тот факт, что новые элементы реальности высвечиваются в результате введения новых понятий. Новые элементы «сочиняются», но на онтогенетических основаниях, типа клеток и ансамблей позиционирования (навигации) в нейронных сетях. Сквозь призму этих («сочиненных») понятий мы начинаем видеть то, что раньше не замечали, о чем раньше не догадывались и не признавали существующим [Hacking, 2006; Хакинг, 2024, с. 124–126]. В этом смысле числа также «сочиняются», и в этом можно усмотреть их глубокие психологические основания и «подтекст»⁵, подталкивающий к тому, чтобы числу приписывать объективно-реальный статус и модус существования.

Таким образом, и психологические, и социально-культурные факторы в конечном счете детерминируют и сопровождают «материю» числа и его восприятие.

Можно ли определить, что такое «число»?

С одной стороны, многочисленные и постоянно доказывающие свою чрезвычайную практическую эффективность приложения числа (в смысле вычислений тех или иных свойств, закономерностей, отношений и т.п.) придают числу статус одного из главных элементов и инструмента человеческого познания и в обыденной, и в научной жизни, а с другой – очень сложно дать сколько-нибудь полную дефиницию тому, что такое число. Можно, разумеется, утверждать, что число – важнейший познавательный и культурный «механизм», который репрезентирует природу, окружающую нас реальность, непосредственно связано с нашим сознанием и подсознанием, в онтогенетическом смысле с активностью мозга, но такое определение вряд ли можно оценить как корректное, полное (соразмерное), поскольку оно, вообще говоря, не проливает свет на то, что такое число в смысле его «существенных» характеристик. Очевидно, что понятие числа является абстрактным и обладает высокой степенью *полисемии*. Возможно,

⁴ Э. Мозер, которому была присуждена Нобелевская премия (месте с Дж. О'Кифом и М.-Б. Мозер), прямо говорит о том, что это открытие соответствует смыслу кантианских идей, поскольку «разум организует систему, благодаря которой мы воспринимаем мир... хотя клетки навигационной системы мозга от рождения присущи и другим живым существам, например молодым крыскам, которые еще не успели не приобрести какого-либо опыта» [Moser, Furstenberg, 2024, p. 6–7].

⁵ Такого рода «сочинение» имеет и некоторые «издержки» [Deigan, 2024, p. 61], которые, например, выражаются в нечеткости содержания понятий, но их анализ и специфика операций с ними выходит за рамки данной статьи.

что по отношению этому понятию можно с уверенностью приписать лишь функционал репрезентации некоторой реальности⁶. В этом плане число где-то подобно понятию денег. Деньги – это ведь не более, чем кусочек бумаги, пластика или металла; их номинал часто значительно превышает стоимость и бумаги, и металла, и способа их изготовления. Однако «стоимость» денег, как известно, определяется всей совокупностью экономических, политических, социальных и иных отношений, которыми характеризуется социум, в котором эти деньги приняты и «работают». Конвертация одних денег (валют) в другие плотно фиксирует сравнительную ценность тех реалий, в которых деньги играют роль универсальной меры обмена и распределения. Подобно тому, как основная функция денег с позиций репрезентации некоторых элементов различных типов реальности – замещение этих элементов и отношений между ними своего рода абстрактной универсальной конструкцией, привязанной к указанным типам, так и число – абстрактная ментальная конструкция познавательной деятельности человека, которая используется во взаимодействии и на основе процедур репрезентации многообразия элементов и отношений реальности.

Дать определение понятию «число», которое было бы в определенном смысле логически строгим, по той причине, что оно в высшей степени абстрактно, фактически невозможно. Вовсе не случайно в «Математической энциклопедии» понятие числа определяется как «основное понятие математики, сложившееся в ходе длительного историч.[еского] развития» [Нечаев, 1985, с. 873]. Между тем в математике имеются и другие «основные понятия» – множество, функция, отношение, структура, категория и т.д. И все они сложились (и продолжают складываться) в ходе исторического развития.

В «Энциклопедии Британника» число определяется как «любое из целых положительных или отрицательных чисел, или любое из множества всех действительных или комплексных чисел, причем последнее содержит все числа вида $a + bi$, где a и b – вещественные числа, а i обозначает квадратный (числа вида bi иногда называют чисто мнимыми чтобы отличить их от “смешанных” комплексных чисел). Вещественные числа состоят из рациональных и иррациональных чисел...» [Britannica – Number, 2024]. Фактически число определяется посредством апелляции к самому числу и некоторым разновидностям чисел.

⁶ Аналогичные претензии предъявляются и ко многим другим научным понятиям, например понятию «механизм» или «пластичность» мозга в нейронауке, хотя без их употребления, как и иных понятий, приобретающих метафорический оттенок, при описании работы нейронных сетей и мозга в целом обойтись крайне проблематично – если вообще возможно [Tseng, Cheng, 2024; Seblani et al., 2024].

Оба определения в столь авторитетных изданиях по существу являются некоторого рода дескрипциями тех свойств и их генезиса, которые сопряжены с числом и с разновидностями чисел.

Традиционный подход к интерпретации природы числа восходит к трудам Г. Фреге и Б. Рассела, которые представляли число в виде «квантификационного понятия», порождаемого отношением изоморфизма между некоторыми множествами объектов [Ландини, 2024, с. 55–64]. Этот подход, предполагавший позицию логицизма, критиковался Л. Витгенштейном, считавшим число не понятием и объектом, как у Фреге и Рассела, а «логической формой», «свойством свойств» и методом интерполяции [Wittgenstein Lectures, 1980, II 32, p. 343]. Анализ разногласий между Фреге, Расселом и Витгенштейном является посторонним для целей данной статьи⁷.

Важно иметь в виду, что множество чисел и представления об их свойствах постоянно расширяются: натуральное число, затем признается существование отрицательного числа, вводится число ноль, числовой ряд представляется в виде числовой оси (в работах XVII–XVIII вв. Дж. Непера и Дж. Уоллиса), он простирается в область отрицательных чисел, и это графическое представление кажется настолько естественным, что оно может восприниматься (почти) как заданное априори, врожденное⁸; появляются комплексные, гиперкомплексные числа, кватернионы и т.д.

Язык и число

Все эти числа вводятся с помощью языковых конструкций. Благодаря гению Г. Кантора мы можем рассуждать о бесконечностях, которые также описываются определенного рода «числами» – кардинальными и ординальными, которые относятся и к несчетным множествам, упорядоченным согласно их «мощности», т.е. фактически «числовым» характеристикам, относящимся к количеству их элементов, формирующих иерархию трансфинитных чисел, благодаря которым возникает возможность рассуждать об «уровнях бесконечного» [Архангельский, 1988].

В основаниях такого рода возможности лежит машинерия именно лингвистических средств, вводящих абстрактные объекты и откры-

⁷ Этот анализ можно найти, например, в работах Д. Хана [Han, 2010] и С. Крипке [Kripke, 2023].

⁸ Мысленное распределение отрицательных чисел на числовой оси уже не столь «естественное», как положительных [Fischer, Robinson, 2005, p. 30–31]. Кривая распределения больших чисел по числовой оси в массовых явлениях носит логарифмический, а небольших по значению чисел фактически линейный характер [Reyna, Brainerd, 2023, p. 426].

вающих перспективы рассуждениях о таковых [Wiese, 2001, p. 1122]. Введение и операции с большими числами становятся возможными именно благодаря сложным языковым конструкциям [Pitt, Gibson, Piantadosi, 2022, p. 379]. Более того, само понятие бесконечного с определенных позиций может трактоваться как «концептуальная метафора» [Nunez, Lakoff, 2005, p. 112].

О безусловной важности лингвистического оформления числа и числовых выкладок наводит на мысль опора на те или иные цифровые нотации числа, которые также можно отнести к особенностям применения того или иного языка. Если сопоставить арабскую (позиционную) и римскую (непозиционную) нотации, то нетрудно заметить явное – в смысле эффективности операций с числами – преимущество арабской. Те процедуры, которые легко и быстро исполнимы в арабской системе, крайне затруднены и неэффективны в римской. Наверное, не будет большим преувеличением утверждение, что если бы человечество «осталось» только с римской нотацией чисел, то разделами «высшей» математики являлись бы (простые ныне) арифметические действия типа сложения и вычитания, не упоминая операции деления и умножения, которые были бы, вероятно, доступны только особо одаренным математикам.

Заключение

Если генезис и природу числа в отношении к мозгу и его активности попытаться описать в алгебраических терминах (особенно подходящих для данных целей), то число как ментальное образование представляет собой своего рода инъективное отображение⁹ некоторой реальности в нейронных сетях.

С позиций психологизма вопросы о том, в виде чего «существует» число и что выступает его носителем, оказываются во многом лишены смысла. Можно сказать, что такие вопросы здесь запрещены. Подобно тому как в квантовой теории запрещен вопрос о существовании традиционной, понимаемой механически, траектории частицы, так и на вопрос о модусе существования числа в психологизме вряд ли можно получить удовлетворяющий ответ сторонников традиционного подхода к феномену числа. С позиций же психологизма число – это ментальная конструкция, образуемая в процессе взаимодействия с некоторыми видами реальности и выполняющая важные функции их описания и анализа в плане их множественной определенности. Таким образом, в некотором смысле допустимо утверждать, что числа «сочиняются».

⁹ То есть образы различных элементов в ментальной «плоскости», вообще говоря, могут быть различными.

Список литературы

Архангельский, 1988 – Архангельский А.В. Канторовская теория множеств. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1988.

Бажанов, 2016 – Бажанов В.А. Дилемма психологизма и антипсихологизма // Эпистемология и философия науки. 2016. № 3. С. 6–16.

Бажанов, 2019 – Бажанов В.А. Мозг – культура – социум. Кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+, 2019.

Нечаев, 1985 – Нецаев В.И. Число. Математическая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. Т. 5. С. 873–878.

Ландини, 2024 – Ландини Г. Рассел / Пер. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2024.

Хакинг, 2024 – Хакинг Я. Историческая онтология / Пер. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2024.

References

Abbondanza et al. 2021 – Abbondanza, M., Rinaldi, L. et al. “The Mental Representation of Non-numerical Quantifiers: The Spatial-Linguistic Association of Response Codes (SLARC) Effect”, *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 2021, vol. 47 (12), pp. 2021–2028.

Arkhangel'skii, 1988 – Arkhangel'skii, A.V. *Kantorovskaya teoriya mnozhestv* [Cantor's Set Theory]. Moscow: Moscow State University, 1988. (In Russian)

Bazhanov, 2016 – Bazhanov, V.A. “Dilemma psikhologizma i antipsikhologizma” [Dilemma of Psychologism and Antipsychologism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, no. 3, pp. 6–16. (In Russian)

Bazhanov, 2019 – Bazhanov, V.A. *Mozg – kul'tura – sotsium. Kantianskaya programma v kognitivnykh issledovaniyakh* [Brain – Culture – Society. Kantian Program in Cognitive Studies]. Moscow: Canon+, 2019. (In Russian)

Brannon, 2005 – Brannon, E. “What Animals Know about Numbers”, in: J.I.D. Compbell (ed.) *Handbook of Numerical Cognition*. New York: Hove: Psychology Press, 2005, pp. 85–108.

Britannica – Number, 2024 – Number. [<https://www.britannica.com/science/number-mathematics>, accessed on 14.12.2024].

Carey, 2018 – Carey, S. “Constructing a Concept of Number”, *Journal of Numerical Cognition*, 2018, vol. 4 (2), pp. 464–493.

Carey, Barner, 2019 – Carey, S., Barner, D.D. “Ontogenetic Origin of Human Integer Representations”, *Trends in Cognitive Science*, 2018, vol. 23 (10), pp. 823–835.

Dehaene, 2011 – Dehaene, S. *The Number Sense. How the Mind Creates Mathematics*. New York; London: Oxford University Press, 2011.

Deigan, 2024 – Deigan, M. “Having a Concept Has a Cost”, *Synthese*, 2024, vol. 61, Article 61.

Fayol, Seron, 2005 – Fayol, M., Seron, X. “About Numerical Representations: Insights from Neuropsychological, Experimental, and Developmental Studies”, in: J.I.D. Compbell (ed.) *Handbook of Numerical Cognition*. New York: Psychology Press, 2005, pp. 3–22.

Di Nuovo, Jay, 2019 – Di Nuovo, A., Jay, T. “Development of Numerical Cognition in Children and Artificial Systems: A Review of the Current Knowledge and Proposals for Multidisciplinary Research”, *Cognitive Computation and Systems*, 2019, vol. 1 (1), pp. 2–11.

Fischer, Robinson, 2005 – Fischer, M.N., Robinson, J. “Do Negative Numbers Have a Place on the Mental Number Line?”, *Psychology Science*, 2005, vol. 47 (1), pp. 22–32.

Jenkin, 2020 – Jenkin, Z. “The Epistemic Role of Core Cognition”, *The Philosophical Review*, 2020, vol. 129 (2), pp. 251–298.

Hacking, 2006 – Hacking, I. “Making Up People”, *London Review of Books*, 2006, vol. 28, no. 16, August 17.

Hacking, 2024 – Hacking, I. *Istoricheskaya ontologiya* [Historical Ontology], trans. by V.V. Tselishchev. Moscow: Canon+, 2024. (Trans. into Russian)

Han, 2010 – Han, D. “Wittgenstein and Real Numbers”, *History and Philosophy of Logic*, 2010, vol. 31, no. 3, pp. 219–245.

Heubner et al. 2018 – Heubner, L., Cipora, C. et al. “A Mental Odd-even Continuum Account: Some Numbers May Be ‘More Odd’ Than Others and Some Numbers May Be ‘More Even’ Than Others”, *Frontiers in Psychology*, 2018, vol. 9, Article 1081.

Hogol, 2020 – Hogol, M. *Foundations of Geometric Cognition*. New York, London: Routledge, 2020.

Hyde, 2023 – Hyde, D.C. “Cognitive Neuroscience: An Abstract Sense of Number in the Infant Brain”, *Current Biology*, 2023, vol. 33, pp. R398–R423.

Koch et al., 2023 – Koch, N.N., Huber, J.F. et al. “Mental Number Representations Are Spatially Mapped Both by Their Magnitudes and Ordinal Positions”, *Colloquia. Psychology*, 2023, vol. 9 (1), Article 67908.

Kripke, 2023 – Kripke, S. “Wittgenstein, Russell, and Our Concept of the Natural Numbers”, in: C. Posy, Y. Ben-Menahem (eds.) *Mathematical Knowledge, Objects and Applications. Essays in Memory of Mark Steiner*. Springer, 2023, pp. 137–155.

Kusch – Kusch, M. “Psychologism”, in: E.N. Zalta & U. Nodelman (eds.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2024 Edition). [https://plato.stanford.edu/entries/psychologism/#RecReEva, accessed on: 14.12.2024].

Landini, 2024 – Landini, G. *Russell*, trans. by V.V. Tselishchev. Moscow: Canon+, 2024. (Trans. into Russian)

Li et al., 2024 – Li, Q., Sorcher, B., Sompolinsky, H. “Representations and Generalization in Artificial and Brain Neural Networks”, *PNAS*, 2024, vol. 121, no. 27, Article e2311805121.

Lyons, Beilock, 2013 – Lyons, I.M., Beilock, S.I. “Ordinality and the Number of Symbolic Numbers”, *The Journal of Neuroscience*, 2013, vol. 33 (43), pp. 17052–17061.

Marshall, 2018 – Marshall, O.R. “The Psychology and Philosophy of Natural Numbers”, *Philosophia Mathematica*, 2018, vol. 26 (1), pp. 40–58.

Moser, Furstenberg, 2024 – Moser, E., Furstenberg, A. “Theory and Practice in Neuroscience on Modelling of Thought: An Interview with Edvard I. Moser”, *Human Arenas* 2024, https://doi.org/10.1007/s42087-024-00436-z (accessed 14.12.2024).

Nechayev, 1985 – Nechayev, V.I. “Chislo [Number]”, *Mathematical encyclopedia*. Moscow: Soviet encyclopedia, 1985, vol. 5, pp. 873–878. (In Russian)

Nieder, 2016 – Nieder, A. “The Neuronal Code for Number”, *Nature Review Neuroscience*, 2016, vol. 17, pp. 366–382.

Nunez, Lakoff, 2005 – Nunez, R., Lakoff, G. “The Cognitive Foundations of Mathematics. The Role of Cognitive Metaphor”, in: J.I.D. Compbell (ed.) *Handbook of Numerical Cognition*. New York: Hove: Psychology Press, 2005, pp. 109–136.

Pantsar, 2024a – Pantsar, M. “The Cognitive Foundations and Epistemology of Arithmetic and Geometry”, *International Encyclopedia of Philosophy*, 2024 [<https://iep.utm.edu/arithmetic-and-geometry/>, accessed 14.12.2024].

Pantsar, 2024b – Pantsar, M. “Why Do Numbers Exist? A Psychologist Constructivist Account”, 2024. Preprint. <https://doi.org/10.1080/0020174X.2024.2305386>

Piazza, Eger, 2016 – Piazza, M., Eger, E. “Neural Foundations and Functional Specificity of Number Representations”, *Neuropsychologia*, 2016, vol. 83, pp. 257–273.

Pitt et al., 2022 – Pitt, B., Gibson, E., Piantadosi, S.T. “Exact Numbers Are Limited to the Verbal Count Range”, *Psychological Science*, 2022, vol. 33 (1), pp. 371–381.

Reyna, Brainerd, 2023 – Reyna, V.F., Brainerd, C.J. “Numeracy, Gist, Literal Thinking and the Value of Nothing in Decision Making”, *Nature Reviews Psychology*, 2023, vol. 2, pp. 412–439.

Rips et al., 2008 – Rips, L.J., Bloomfield, A., Asmuth, J. “From Numerical Concepts to Concepts of Number”, *Behavioral and Brain Sciences*, 2008, vol. 31 (6), pp. 623–642.

Rudnicki, Lukowski, 2024 – Rudnicki, K., Lukowski, P. “What Should the Logic Formalizing Human Cognition Look Like? Psychologism as Applying Logic in Cognitive Science”, *Logic and Logical Philosophy*, 2024, vol. 33, pp. 225–262.

Sabaghypour et al., 2023 – Sabaghypour, S., Farkhondeh Tale Navi, F. et al. “The Dark and Bright Side of the Numbers: How Emotions Influence Mental Number Line Accuracy and Bias”, *Cognition and Emotion*, 2023, vol. 38 (5), pp. 661–674.

Samuels, Snyder, 2024 – Samuels, R., Snyder, E. *Number Concepts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2024.

Seblani et al., 2024 – Seblani, M., Berzun, J.-M. et al. “Rethinking Plasticity: Analyzing the Concept of ‘Destructive Plasticity’ in the Light of Neuroscience Definitions”, *European Journal of Neuroscience*, 2024. Preprint. 1–15. <https://doi.org/0.1111/ejn.16487>

Spelke, 2022 – Spelke, E. *What Babies Know. Core Knowledge and Composition*. Vol. I. Oxford University Press, 2022.

Stone, 2022 – Stone, A. “Psychology and Time in Boole’s Logic”, *History and Philosophy of Logic*, 2022, vol. 44 (1), pp. 1–15.

Tang, Tang, 2022 – Tang, R., Tang, Y.-Y. “Culture and Numerical Cognition”, J.Y. Chiao, S.-C. Li, R. Turner, S.Y. Lee-Tauler, B.A. Pringle (eds.) *Oxford Handbook of Cultural Neuroscience and Global Mental Health*, 2022, pp. 252–261.

Tennant, 2022 – Tennant, N. *The Logic of Number*. Oxford: Oxford University Press, 2022.

Towse et al., 2014 – Towse, J.N., Loetscher, T., Brugger, P. “Not All Numbers Are Rqual: Preference and Biases Among Children and Adults When Generating Random Sequence”, *Frontiers in Psychology*, 2014, vol. 5, Article 19.

Tseng, Cheng, 2024 – Tseng, P., Cheng, T. “Causal Prominence in Neuroscience”, *Nature Reviews. Neuroscience*, 2024, vol. 25, Article 591.

Whalley, 2018 – Whalley, K. “Number Crunching”, *Nature Neuroscience*, 2018, vol. 19, pp. 642.

Wiese, 2001 – Wiese, H. “Did Language Give Us Numbers? Symbolic Thinking and the Emergence of Systematic Numerical Cognition”, in: J.D. Moore, K. Stennig (eds.) *Proceedings of the 23rd Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Edinburgh; N.J. Erlbaum, 2001, pp. 1118–1123.

Wittgenstein’s Lectures – D. Lee (ed.) *Wittgenstein’s Lectures*. Cambridge 1930–32, from the notes of John King and Desmond Lee. D. Mills, Ont.: Oxford University Press, 1980.

СТАТУС УЧЕНОГО В КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ УНИВЕРСИТЕТА

Савченко Ирина Александровна – доктор социологических наук, профессор. Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Институт социологии. Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; e-mail: teosmaco@ramler.ru

Изучаются противоречия, свойственные корпоративному статусу университетского ученого. В высших учебных заведениях работники, интенсивно занимающиеся научной работой, составляют примерно пятую часть профессорско-преподавательского состава. Проведенное автором ситуационное исследование показало, что, выражая свое отношение к ученым в своей среде, научно-образовательное сообщество в большей степени ориентировано на условные корпоративные устои, нежели на поощрение научных достижений, несмотря на то, что последние являются важными показателями оценки эффективности вуза. Обнаружилось, что указанная тенденция более отчетливо проявляет себя в гуманитарных и педагогических вузах (в сравнении с классическими и техническими университетами). При этом видимые отличия столиц от регионов не фиксируются. Обнаруживается грань между этосом науки и корпоративной культурой научного сообщества. В этих условиях амбивалентность, имманентно присущая этосу науки (Р. Мертон), обретает новые характеристики. Выделено два основных противоречия. Во-первых, несмотря на то, что в пределах одной корпоративной культуры наука и образование формируют внешнюю целостность, внутри сообщества они нередко оказываются противопоставленными друг другу. Во-вторых, в пределах корпоративной научно-образовательной культуры научный, будучи одновременно и педагогом, подвержен внутреннему профессионально-ролевому конфликту: между принадлежностью к группе (основная часть членов которой не занимается наукой) и научной самореализацией.

Ключевые слова: ученый, преподаватель, научно-образовательное сообщество, корпоративная культура, универсальное и специфическое, регион, университет, тип вуза, амбивалентность, дихотомический анализ

THE STATUS OF A SCIENTIST IN THE CORPORATE CULTURE OF THE UNIVERSITY

Irina A. Savchenko – DSc in Sociology, Professor. Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology. 24/35 Krzhizhanovskogo str., building 5, Moscow 117218, Russian Federation; e-mail: teosmaco@ramler.ru

The contradictions inherent in the corporate status of a university scientist are being studied. In higher education institutions, employees who are intensively engaged in scientific work make up about a fifth of the teaching staff. The situational study conducted by the author showed that, expressing its attitude towards scientists in its environment, the scientific and educational community is more focused on conditional corporate principles than on encouraging scientific achievements, despite the fact that the latter are important indicators for evaluating the effectiveness of the university. It was found that this trend manifests itself more clearly in humanitarian and pedagogical universities (in comparison with classical and technical universities). At the same time,

the visible differences between the capitals and the regions are not recorded. The line between the ethos of science and the corporate culture of the scientific and educational community is revealed. Under these conditions, the ambivalence inherent in the ethos of science (R. Merton) acquires new characteristics. Two main contradictions are highlighted. Firstly, despite the fact that science and education form an external integrity within the same corporate culture, they often find themselves opposed to each other within the community. Secondly, within the corporate scientific and educational culture, a scientist, being at the same time a teacher, is subject to an internal professional and role conflict between belonging to a group (the majority of whose members are not engaged in science) and scientific self-realization.

Keywords: scientist, teacher, scientific and educational community, corporate culture, universal and specific, region, university, type of university, ambivalence, dichotomous analysis

Введение

Мы будем исходить из гипотезы, что российская корпоративная научно-исследовательская культура – это операциональное понятие, требующее уточнения, чтобы иметь определенный денотат. На сегодняшний день можно говорить о российской «научно-исследовательской» культуре применительно лишь к нескольким институтам в системе РАН и некоторым другим НИИ, которые находятся в столичных городах, а также самой РАН. Поэтому применительно ко всей России есть смысл говорить о корпоративной культуре скорее не научно-исследовательского, а научно-образовательного сообщества, где люди совмещают научную и образовательную деятельность: большинство российских ученых (представленных, например, РИНЦ) – преподаватели вузов. Еще одно уточнение: под «учеными» как представителями особой корпоративной культуры понимаются здесь сотрудники вузов, публикующие в год не менее двух статей в рейтинговых журналах (рецензируемых, входящих в ядро РИНЦ) и имеющих H-индекс по ядру РИНЦ не менее 2 (для сотрудников старше 39 лет) и не менее 1 – для молодых ученых.

Дескриптивная ограниченность данного понятия корпоративной культуры проявляется в том, что указанным критериям соответствуют не более 20% преподавателей вузов, причем речь идет не только о молодых сотрудниках, но и о тех, кто проработал в вузах не одно десятилетие. Это подтвердил количественный срез, проведенный автором работы в шести столичных (Москва и Санкт-Петербург) и шести региональных (Томск, Иркутск, Нижний Новгород, Саратов, Самара, Киров) университетах. Каких-либо значимых отличий между столицей и провинцией в данном случае не было выявлено. Этот же срез показал, что данным критериям соответствуют примерно

28% руководителей (от заведующего кафедрой и выше) в региональных и 32% руководителей такого же уровня в столичных университетах. Отметим, что наши выводы могут отличаться от аналогичного исследования в объемах генеральной совокупности. В России – примерно 216 тыс. преподавателей¹, в то время как выборка срезового исследования составила 304 человека ($n=304$). Однако в данном случае выборка является целевой, и вероятность систематической ошибки не превышает 4%. Так или иначе, мы видим ситуацию, в которой большая часть профессорско-преподавательского состава вузов, по всей видимости, не может быть отнесена к «ученым». Или относится к ним лишь условно (поскольку какие-то публикации есть у всех, кто преподает в вузе).

В этом контексте проявляется противоречивость корпоративного статуса ученого в рамках профессиональной культуры университета. С одной стороны, показатели научно-публикационной активности формируют основные критерии, по которым оценивают эффективность вуза. С другой же стороны, положение ученого в вузовской среде во многом определяется встроенностью индивида в неформальную коммуникацию (критерий солидарности) и систему профессиональной субординации, цели и средства которых не связаны с наукой как таковой. В этом контексте статус ученого в университетской среде во многом остается неопределенным. Цель данной статьи – раскрыть специфику этого статуса, выделяя в нем универсальные и специфические элементы. К универсальным характеристикам корпоративного статуса ученого мы относим те, которые не имеют региональной окраски и свойственны большинству научно-образовательных сообществ независимо от региона и типа вуза. Специфические составляющие корпоративного статуса определяются как феномены, формирующиеся в процессе социальных коммуникаций, природа которых зависит от социальных установок, укорененных в различных региональных локациях [Невважай, 2009] и в вузах разного уровня (классических университетах, технических, гуманитарных, педагогических).

Вопросы методологии

Изучение корпоративного статуса ученого сталкивается с методологическими трудностями, которые в общем виде можно обозначить как феномен «отсутствия метода» в изучении корпоративных культур. В поисках такого метода обнаруживают себя три возможных

¹ Статистическая отчетность Минобрнауки за 2023 г. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>

методологических решения. Во-первых, налицо инструментарий социологии управления и научного менеджмента, который, как правило, и применяется для изучения корпоративных культур. Во-вторых, возможно применение к исследованию корпоративных культур и, в частности, к корпоративной культуре научного сообщества методов социокультурных исследований. И, в-третьих, применимы подходы, предложенные Робертом Мертоном для изучения этоса науки.

Менеджерский метод. В российской и зарубежной науке в течение XX столетия сформировалась традиция, в рамках которой в сочетании «корпоративная культура» в качестве значимого рассматривается лишь понятие корпоративности, не культуры. Вот почему исследования корпоративной культуры распространены в теории управления. В результате распространились положения о корпоративной культуре «вообще», без привязки к какой-либо профессии [Min, 2022; Шарков и др., 2023]. Такие публикации в большей степени напоминают пособия для менеджеров, нежели научные работы. Пусть авторы таких работ выделяют «типы корпоративной культуры», однако речь в подобных случаях идет о коммуникационных [Палевская, Боброва, 2019] или управленческих [Шарков и др., 2023] искусственно конструируемых стратегиях, а вовсе не о различных «культурах». Показателен в данном случае учебник для лингвистов², уже в самом названии которого есть указание на многообразии (вероятно, этнических) культур и на единство культуры корпоративной.

Нужно признать, многие авторы все же признают объективным основанием дифференциации корпоративных культур профессиональный критерий, выделяя, например, банковскую корпоративную культуру [Унылова, 2014], культуру военных или сотрудников органов внутренних дел [Сокирина, 2019]. Однако мы не обнаруживаем сравнительных исследований и не улавливаем, что в этих культурах универсальное, а что – особенное. Неслучайно опрошенные автором преподаватели столичных и региональных вузов ($n=12$, сентябрь 2024 г.) отметили, что студенческие выпускные квалификационные работы бакалавров и магистров по вопросам корпоративной культуры (направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» и «Социология») «все написаны как под копирку» и «всегда заранее известно, о чем будет работа».

А.А. Грибанькова провела исследование, где сравнила обособления корпоративной культуры университета, которые развивали в свое время М. Вебер, Дж. Ритцер и Б. Кларк. В результате А.А. Грибанькова смогла установить, каким образом в стратегиях организации

² Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учеб. пособие. М.: Логос, 2011. 224 с.

университетских сообществ в XX в. бюрократические формы превращались в корпоративные конструкты, смоделированные по подобию бизнес-менеджмента [Грибанькова, 2011, с. 402]. Она утверждает, что трансформация университетского образования в рынок массовых услуг создала потребность в адаптации «традиционных академических ценностей и образцов коллегияльной самоорганизации научного сообщества к требованиям государственной бюрократической машины и процедурам бизнес-планирования и стратегического анализа» [Там же]. Эти заключения созвучны тому, как П. Далер-Ларсен развивает идеи Э. Дюркгейма о границах корпоративной культуры и морали, противопоставляя концепты моральной автономии и утилитарных ценностей [Dahler-Larsen, 1994].

Пресловутая (и часто мнимая) «практико-ориентированность» менеджерского подхода привела к тому, что фактический отказ от научного метода и трюизмы стали основными приемами в изучении корпоративных культур и их особенностей. Авторы в большинстве своем сами «принижают» и обесценивают предмет своего исследования, не рассматривая корпоративную культуру как тип культуры. Имели место отдельные попытки изучать профессиональную культуру в свете культурно-исторической психологии, но они, будучи интересными и перспективными [Yvon, 2004], не получили развития, остались недоработанными и непонятыми.

Другой возможный подход к исследованию корпоративной культуры научно-образовательного сообщества – социокультурный. В данном случае можно исходить из положения, что если корпоративная культура является формой культуры, то современная методология социокультурных исследований может стать платформой для ее исследования. Возможен ли методологический переход «от культуры к культурам» применительно к научной корпоративной культуре? Социокультурный подход является достаточно продуктивным в исследовании корпоративных культур и позволяет строить диалектику универсального и локального в корпоративных культурах в междисциплинарном формате на пересечении диалектической концепции социального действия [Аксёнова, 2020] и классической социальной антропологии [Рэдклифф-Браун, 2001].

Корпоративная культура (и это следует из самого понятия) – это форма культуры, пусть и специфическая. Тогда, вероятно, ученые могли бы исследовать корпоративную культуру на основе современных методологических подходов, принятых в социокультурных исследованиях.

В научном дискурсе до середины прошлого столетия о культуре рассуждали лишь в единственном числе. В ходу были (и во многом остаются) антиномии: культура и варварство [Varga, 2001], культура и цивилизация, культура и натура (природа) [Оганесян, 1984; Культура и природа, 1989]. Методологический транзит «от культуры

к культурам»³ в середине XX столетия произошел в зарубежной [Ма-линовский, 2005], а затем, в 1990-е гг., – в отечественной социальной науке [Понятие судьбы в контексте разных культур, 1994].

Разговор о культурах (во множественном числе) сразу же запустил «методологию множества». Не обязательно противопоставлять культуру чему-то (природе или варварству, например). Можно выделять различные культуры: такой «множественный» методологический подход в той или иной степени укоренился в социологических исследованиях. Поэтому, когда речь идет о мульти- или поликультурности, нет необходимости в дополнительных терминологических разъяснениях⁴.

Корпоративная культура, конечно же, отличается, например, от этнической – в первую очередь, историческими обстоятельствами и длительностью своего формирования. Но так же, как любая форма культуры корпоративная культура являет собой модель поведения и совместной деятельности людей, разделяющих общие нормы, правила, запреты, стандарты и пр. И раз уж понятие корпоративной культуры так плотно вошло в исследовательский дискурс, то, вероятно, методологический переход «от культуры к культурам» применим и к исследованиям корпоративной коммуникации.

Определенная «привязанность» к «менеджерскому» подходу в исследовании корпоративных культур привела к не вполне удачным попыткам интеграции двух подходов. Так, в некоторых работах есть указание на корпоративные субкультуры университета [Мудрова и др., 2019]. Можно возразить авторам, что любой культуре (и субкультуре) свойственна функциональная значимость элементов (а также социальных ролей и статусов), которые и конструируют культуру как систему. Поэтому департамент материального обеспечения (подразделение из нескольких человек) университета (о котором пишут Е.Б. Мудрова и соавторы) не формирует собственной субкультуры, а лишь выполняет определенные, пусть и специфические для университета, функции.

Коль скоро мы будем «всерьез» описывать корпоративные культуры в качестве культур, нам неизбежно придется напоминать себе, что «пахарь», а не менеджер «дает жизнь слову культура»⁵.

³ Сочетание на русском языке впервые употреблено в работе: *Ионин Л.Г.* Социология культуры. Учеб. пособие для вузов 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. С. 25–27.

⁴ В данной статье мы не рассматриваем идеологически нагруженные («культура отмены»), ситуативные («культура доверия») и авторские («культура понимания» [Ротанова, 2010]) конструкции, включающие термин «культура» и пр. Иногда речь и вовсе идет об игре.

⁵ «Пахарь дает жизнь слову “культура”, город – слову “цивилизация”, а всадник пролетает минутной грозой» (*Борхес Х.Л.* Четыре притчи о цивилизации // Знания. 1993. № 10. С. 174).

Произрастая из почвы, возделанной «пахарем», культура дает сначала корни, а после – семена. Можем ли мы что-то подобное сказать о корпоративных культурах? И да, и нет. Возможно, в позднесредневековых сословных обществах корпоративные культуры являли собой культуры в полном смысле этого слова. Объединяя ремесленников или купцов, они обеспечивали не только «пространственную» профессиональную солидарность, но и поколенческий транзит как этой солидарности, так и сакрального знания о своем ремесле. В наши дни корпоративные культуры десакрализованы, в «жидком мире» они становятся «текучими» и подвижными [Бауман, 2008]. Несмотря на свое многообразие, они все более стандартизированы и искусственны. Но если что-то и осталось в них интересное для исследователя, то это именно партикулярные элементы, вызывающие внутренние противоречия. Применение дихотомного метода, фиксация разломов универсального и локального, возможно, несколько расширяет методологическое поле для исследователей корпоративных культур научно-образовательного сообщества.

Особую разновидность социокультурного подхода использует В.И. Коннов при изучении специфических характеристик российского научного сообщества. Во главе угла здесь – не отличие «научно-исследовательской культуры» от других корпоративных культур, а маркеры, дифференцирующие российское научное сообщество от аналогичных сообществ других стран. Таким образом, В.И. Коннов вводит категорию национальной научно-исследовательской культуры. Основной проблемой, вызывающей когнитивный диссонанс ученого, Коннов считает дилемму двух ценностных систем – национальной и мировой [Коннов, 2014]. Во многом соглашаясь с идеями В.И. Коннова, мы все же можем высказать критику по поводу того, что он не увидел противоречий внутри конструкций, названных ценностными системами. Иными словами, В.И. Коннов уловил противоречия, обусловленные именно социокультурными («менталитетными») особенностями той или иной национальной научно-исследовательской культуры, при том, что внутренние противоречия этой культуры остались незамеченными. В этом, вероятно, и кроется слабость социокультурного подхода в исследовании именно научно-образовательной корпоративной культуры. Основными категориями культуры являются ценности, ритуалы и традиции, которые свойственны научно-образовательному сообществу и обеспечивают его единство. И это свойство культуры является универсальным для всех без исключения корпоративных культур. Однако применительно к научно-образовательному сообществу обнаруживается проблема, которая состоит в двух важных противоречиях, тесно связанных между собой. Первое противоречие сопряжено с тем, что, с одной стороны, наука и образование формируют (особенно в границах университетов)

единое целое, но, с другой стороны, в ряде случаев они могут быть противопоставлены друг другу в рамках одной корпоративной культуры. Второе противоречие обусловлено тем, что ученый в рамках научно-образовательной культуры, будучи, как правило, еще и педагогом, может испытывать профессионально-ролевой конфликт между принадлежностью к группе (где большинство не занимается наукой) и самореализацией как ученого.

Эти противоречия не позволяют нам применительно к корпоративной культуре научно-образовательного сообщества использовать социокультурный подход «в чистом виде». Мы неизменно обращаемся к категориям «амбивалентности ученого», которые более полувека назад сформулировал Р. Мертон [Мирская, 2005, с. 16]. Мертон показал, что в «своем сообществе», которое одновременно может быть «принимающим и отталкивающим», ученый балансирует фактически между культурой как совокупностью устоев и научной автономией: между габитусом и рефлексией, ценностью и истиной, идентичностью и самобытностью, солидарностью и индивидуальностью. Благополучно разрешая эти антиномии, ученый, вероятно, обеспечивает свой успех.

В преддверии 115-й годовщины Роберта Мертона мы снова убеждаемся, что его работы продолжают играть важную роль во вдохновении социологических исследований науки [Crothers, 2019, p. 135]. Потому в качестве дополнительного способа раскрытия специфики корпоративного статуса ученого в научно-образовательном сообществе обратимся к эмпирическому инструментарию ситуационных исследований в социологии.

Прикладной инструментарий

В любой профессиональной культуре корпоративные статусы являются социально-коммуникативными, что отражает их генезис. Современная теория коммуникации позволяет полагать, что любой корпоративной культуре присуща возможность взаимопонимания, которая подкрепляется общим коммуникативным коллективным опытом взаимодействующих акторов: речь идет об интерсубъективности в классическом понимании [Хабермас, 2000, с. 205–211]. Системы профессиональных научных коммуникаций формируют корпоративные статусы, в которых явные или латентные установки, интересы, предубеждения и запросы нередко имеют больше значения, чем сами продукты коллективного труда. Делиберация и агрегация [Касавин, 2019] генерируют процесс, в ходе которого интерсубъективное становится коллективным, а установки, интересы, предубеждения и запросы формируют то, что можно обозначить как корпоративное

общественное мнение членов научно-образовательного сообщества друг о друге, в котором и складываются статусные позиции.

Материалы опроса (количественные данные) и интервью (качественные данные) позволяют нам узнать, как вузовские работники воспринимают «ученых» (напомним, к «ученым» мы относим тех, у кого есть определенные наукометрические показатели) в своей среде, как сами «ученые» оценивают свой статус среди коллег, какова степень их профессиональной удовлетворенности. Мы сравниваем столичные и региональные вузы, с одной стороны, и классические университеты, педагогические, технические, гуманитарные (общегуманитарные, экономические, юридические, лингвистические) вузы, с другой.

В результате мы формулируем ответ на вопрос, является ли научно-образовательное сообщество академическим по своей природе.

Согласно логике Р. Мертона и в соответствии с методом диалектического анализа [Savchenko, Shimanskaya, 2023] вопросы, касающиеся «желательного» или «предпочтительного» статуса ученого, были выстроены в рамках четырех амбивалентных пар: 1) критическое мышление – догматизм; 2) коммуникативная открытость – коммуникативная замкнутость; 3) субъектность – конформизм; 4) креативность – консервативность. Исследование проводилось в той же выборке из 304 человек (описана во Введении). С помощью гугл-форм респондентам предлагались на выбор не сами амбивалентные пары, а соответствующие этим парам два противоположных, полярных суждения. Первая (левая) составляющая амбивалентной пары (выбор А) характеризует так называемую индивидуацию ученого, а вторая (правая) – его солидаризацию с профессиональным сообществом. В автономном (оторванном от амбивалентной пары виде) каждая из составляющих будет коннотироваться положительно – сложность возникает, когда нужно выбрать одну из них. Как мы увидим позже, такой выбор не является искусственно смоделированным, он действительно функционирует в коммуникативной повседневности научно-образовательного сообщества.

Понятие индивидуации (самообретения, самостановления, развития «самости») было введено К.Г. Юнгом. Он противопоставлял индивидуацию (как самостоятельное осознание и реализацию личностью ее социального предназначения) индивидуализму как демонстративному эпатажу, не имеющему социальной значимости.

Отдельные (не более 20%) респонденты писали в комментариях, что сначала испытывали трудности при обязательном выборе одного из утверждений (ориентированном на индивидуацию или солидаризацию), но, подумав, все же принимали однозначное решение. На условиях полной анонимности некоторые из респондентов оставили достаточно содержательные ответы в графе «Поясните Ваше мнение». Такие комментарии позволили дополнить количественные данные качественными.

Эмпирический экскурс

Первая амбивалентная пара – критическое мышление или догматизм – была представлена респондентам в форме двух полярных утверждений:

1. *Лучше, если ученый*

1-А. Все подвергает сомнению, ничто не принимает на веру, стремится «добраться» до сути самостоятельно, любопытен, независим в суждениях.

или

1-Б. Считает, что есть неизменные вечные положения (о правильном и неправильном, правомерном и неправомерном, допустимом и недопустимом), которые не нужно анализировать и тем более подвергать сомнению и критике.

По данному выбору лидировал ответ 1-Б. Региональные отличия оказались крайне незначительны (вернее, они фиксируются в рамках погрешности): 60% – в региональных центрах и 59% – в Москве и Санкт-Петербурге. Однако обозначились различия между типами вузов. Ответ 1-Б выбрали 68% представителей педагогических вузов, 63% – гуманитарных, 55% – технических и 51% – классических университетов. Таким образом, именно в классических и технических университетах обнаружилось наибольшее количество (соответственно 49% и 45%) сторонников критического мышления.

Приведем некоторые комментарии респондентов (лексика и стилистика сохранены):

Выбор 1-Б (Санкт-Петербург, педагогический вуз, руководитель, кандидат наук): «Наука – это очень хорошо. Я считаю, ее надо всячески поддерживать. Я всегда говорю нашим молодым преподавателям, студентам: занимайтесь наукой, это принесет большую пользу и университету, и вам. Если я вижу, что кто-то старается, пишет статьи, выступает на конференциях, то я, конечно, и премию выпишу такому человеку, и в пример его поставлю. Будет ли от этого человека благодарность, вот вопрос. Он ведь и возомнить о себе может непонятно что.

Я вот среди тех, у кого научные показатели зашкаливают, нормальных людей и не встречал. Потому что нормальный человек не может за год больше двух статей сам написать. Этим ученым, в общем-то, никто не мешает писать свои статьи или там заявки подавать на гранты. Но они ведь считают себя умнее всех, а на самом деле не понимают элементарного, и я часто вижу, что характер у них не такой уж хороший.

Да, научные показатели – чуть ли не главные, по которым оценивают работу вуза. Я бы с этим поспорил. Главный критерий – это качество подготовки специалистов, качество преподавания, а, согласитесь, не статьи, которые я не знаю, кто читает.

В каждой организации есть своя культура. Есть свои традиции, устои, правила. На определенные должности назначаются уважаемые люди, и, естественно, научные достижения здесь на третьем месте. А эти люди с высокими научными показателями эти устои дестабилизируют. Они свои показатели ставят выше всего остального, выше ценностей того места, куда их приняли на работу.

Занимается человек наукой, пусть занимается, но пусть понимает, что человеческие качества, и тем более управленческие, важнее индекса Хирша, Скопуса и всех подобных вещей».

Выбор 1-Б (региональный технический университет, доцент, ст. преподаватель без степени, гуманитарий): «Вы знаете, у меня слово “наука” вызывает стресс. Двадцать лет я проработала в должности доцента и лишилась ее из-за “науки”. Поверьте, 90 % моих коллег не понимают, для чего она нужна. Мы привыкли, что перед переизбранием нужно написать две статьи ВАК. Но как их можно теперь писать с драконовским антиплагиатом. Бездушная программа, которая издевается над преподавателями, которые всю жизнь отдали работе со студентами. Если бы не наш заведующий, который отстаивает нас перед руководством, наверное, я уже и не работала бы. И кто будет учить студентов? Писатели, которые научились антиплагиат обманывать?»

Выбор 1-А (Санкт-Петербург, кандидат наук, педагогический вуз, гуманитарные науки): «Я после окончания университета поступил в аспирантуру, писал статьи, защитился. Остался на кафедре преподавателем. Я уже сейчас начал работать над докторской. Надо все делать вовремя. В этом году опубликовал статью в Скопусе и еще две ваковские. Думал, меня похвалят на последнем заседании кафедры. Но хвалили совсем других. И я вообще заметил, что ко мне руководство кафедры как-то странно относится, постоянно какие-то упрёки и замечания по пустякам».

Если бы мы в опросе приводили не утверждения на выбор, а называли бы вещи своими именами – критическим мышлением и догматизмом – то, вероятно, ответы выглядели бы по-другому. Но, так или иначе, мы увидели, что критическое мышление ученого нередко воспринимается как инородный или даже деструктивный элемент корпоративной культуры, более того, об этом открыто говорят и некоторые руководители. В данном контексте «корпоративные ценности» становятся «идеологической основой» для неправомерного противопоставления «педагогического мастерства» научной деятельности.

Вторая амбивалентная пара описывала так называемую «открытую и закрытую науку» – коммуникативную открытость или

коммуникативную замкнутость [Chubin, 1985]. Данная пара была представлена респондентам в виде двух противоположных мнений:

2. Лучшие, если ученый

2-А. Ориентирован на широкие научные контакты с учеными из других научно-образовательных заведений, из других городов и регионов. Считает, что научное сообщество «не привязано» к определенной организации, городу или региону. Стремится к открытой научной дискуссии, в которой могут сталкиваться противоположные мнения.

или

2-Б. Ориентирован на круг коллег внутри своей научно-образовательной организации, на камерные научные мероприятия с небольшим количеством участников. Полагает, что научное сообщество – это прежде всего те, кто работают на одной кафедре, факультете, в одном вузе. Считает, что научные мероприятия не должны превращаться в «дискуссионный клуб».

По данному выбору в целом снова преобладают ответы Б (2-Б). Представители региональных вузов оказались даже чуть более ориентированными на широкую коммуникацию (ответ 2-А): 46%, в то время как в столичных вузах на нее нацелены 40%. Вероятно, это связано с тем, что некоторые люди из регионов все же «хотят поехать в Москву или Санкт-Петербург на конференцию». Снова дали о себе знать отличия между разными типами университетов. Ответ 2-Б выбрали 68% представителей педагогических вузов, 62% – гуманитарных, 55% – технических и 48% – классических университетов. Классические университеты оказались более других ориентированы на научную коммуникативную открытость – 52% (ответ 2-А). Приведем мотивацию выбора 2-Б, которая в той или иной форме повторяется у многих респондентов.

Выбор 2-Б (Москва, гуманитарный вуз, кандидат наук на должности профессора, женщина): «Научное сотрудничество – это всегда хорошо. Но приоритеты расставлять нужно. Что важнее: конгресс или симпозиум с огромным количеством секций и приглашенных докладчиков или, например, семинар для аспирантов или скромная конференция студентов? Да, у меня нет научных контактов по всей стране, но я и не стремлюсь к ним. Я считаю, что для организации научной работы магистров и аспирантов в таких контактах и нет особой необходимости, я могу принести гораздо больше пользы, если организую НИРС и студенты сами подготовят хорошие доклады и послушают друг друга. Уверяю Вас, студентам не обязательно слушать “светило науки” – неизвестно еще, что это светило может неожиданного рассказать».

Мотивации ответа 2-А более разноплановы. Нередко можно встретить примеры «научного менеджмента»:

Выбор 2-А (региональный технический университет, декан): «Наш факультет ежегодно организует масштабную конференцию. В смешанном формате. К нам приезжает большое количество людей со всей России и из-за рубежа. Руководство университета нас поддерживает. Это важно».

Есть примеры научного коммуникативно-организаторского энтузиазма, правда, не всегда находящего понимание среди коллег и начальства:

Выбор 2-А (региональный гуманитарный вуз, доцент): «В своем родном вузе несколько лет подряд проводила конференции. Приглашала народ из других вузов, из общественных организаций, из других городов. От нашего руководства никто ничем не помог, всем было не до меня. Одни нарекания. Больше не провожу. Кажется, теперь все довольны. Спокойно работаю, веду занятия. Сначала переживала, теперь успокоилась. Но люблю ездить на конференции. Пусть и за свой счет».

Нередким было и указание на несправедливость, на создание препятствий для научной коммуникации:

Выбор 2-А (Москва, кандидат наук (защита в 2022 г.), гуманитарный вуз): «Я много публикуюсь. Постоянно участвую в конференциях, но онлайн в основном. В этом году очень хотел поехать на конференцию в Питер. Просил отправить меня в командировку, но меня не отпустили, хотя я свои две пары мог спокойно перенести. А мой бывший однокурсник, который ничего не пишет, поехал. Я вел за него занятия в его отсутствие».

Комментарии респондентов показали, что для многих коммуникативная замкнутость фактически тождественна корпоративной сплоченности. Стремление организовать научное событие, ориентированное на расширенную или публичную научную коммуникацию [Шиповалова, 2019], не всегда встречает понимание, равно как и желание в таких событиях участвовать.

Третья амбивалентная пара – субъектность или конформизм – была представлена респондентам в виде оппозиции:

3. Лучше, если ученый

3-А. Стремится к знанию, добывая его самостоятельно. Готов отстаивать свою точку зрения, несмотря на авторитеты.

или

3-Б. Проявляет скромность и уважение к авторитетам. К мнению коллег и руководства относится с большим уважением, понимая, что со стороны лучше оценить ценность той или иной идеи.

При анализе ответов в рамках третьего выбора у автора сложилось впечатление, что часть респондентов «разглядели» некий

«подвох» в вопросах. Один из респондентов (Москва, руководитель среднего звена, гуманитарный вуз) написал в комментариях: «Кажется, “ученых” хотят выставить страдальцами, которых все зажимают». Были еще более откровенные утверждения (региональный педагогический университет, доцент): «Вы неправильно ставите вопрос. Так называемую “ученость” нельзя противопоставлять скромности. Настоящий ученый сидит и не заявляет о себе во всеуслышание. Наука любит тишину» (здесь респондент, очевидно (произвольно или непроизвольно), перефразировал расхожее выражение о «счастье», которое «любит тишину»).

Так или иначе, ответов «А» в данной амбивалентной паре было в среднем почти столько же, сколько и ответов «Б». Региональная специфика снова не обнаружилась, а классические (55%) и технические (55%) университеты снова показали больше ответов «А» по сравнению с педагогическими (45%) и гуманитарными (47%) вузами. Приведем в пример несколько высказываний респондентов с выбором 3-А:

Выбор 3-А (региональный гуманитарный вуз, кандидат наук, без звания): «Вообще-то мне сложно. Я уже понял, что не надо ждать каких-то особых бонусов за то, что ты что-то там написал, например. Или что тебя продвинут за это по карьерной лестнице. Но я пишу и много. Мне нравится это делать. Мечтаю выиграть грант. В последний раз не получилось, но я надежды не теряю. Мои друзья в других городах – в схожей ситуации. И многим из них удача улыбнулась. Выиграли гранты РФ, теперь работают. Счастливы».

Выбор 3-А (региональный классический университет, доктор наук, профессор): «С каких-то пор с нами стали проводить беседы такого плана: “Вы – ученые, профессора, вот и занимайтесь наукой, пишите статьи, работайте с аспирантами, а управлять будут другие люди, те, у кого к тому склонность”. Я ведь не то чтобы сильно хотела бы кем-то управлять. Но кто сказал, что в университетских делах ученый понимает меньше, чем условный молодой человек, недавно защитивший кандидатскую диссертацию и воспринимающий эту защиту только как необходимую карьерную веху? Состоявшийся ученый всегда стремился к созданию научной школы. И совсем неплохо, если костяк этой школы совпадает, например, с кафедрой или даже факультетом. Что же мы имеет теперь? Во главе кафедр и факультетов стоят люди, для которых наука приоритетом не является, но они руководители, а другие работники (и профессора, и молодые сотрудники, и все остальные) являются их подчиненными. В таких условиях отдельно взятый ученый даже со своими аспирантами научную школу не создаст. Приоритеты выстраиваются совсем иначе».

Выбор 3-А (региональный гуманитарный вуз, кандидат наук, доцент): «Я работаю преподавателем почти пятьдесят лет. В восьмидесятые защитила кандидатскую, и на этом моя научная деятельность закончилась. Честно говоря, по-другому я и не мыслила. В девяностые

и нулевые успевала работать в двух-трех местах. Зарабатывала неплохо. На моем пути встречались несколько раз большие ученые, но их было немного. Мой путь – путь преподавателя. Путь ученого – совсем другой. Кстати, я как раз недавно задумалась о том, что ученые и педагоги – это два разных сословия. Не нужно требовать от обычного преподавателя науку – он все равно на нее не заряжен. А если заряжен – дайте ему возможность создать лабораторию. Ученые – это все же интеллектуальная элита, а она многочисленной быть не может. Единственное, чего не хотелось бы, так это чтобы к этой элите примазывались карьеристы и бесталанные люди, эксплуатирующие труд своих подчиненных».

Выбор 3-А (региональный технический вуз, декан, доктор наук): «Я считаю, что научные показатели для вуза – самое важное. Я сам активно пишу. Мы вообще это дело поставили на поток. Сами понимаете, что мы там написали, никого не волнует. Пишем много, как правило, в соавторстве. В общем, приспособились».

Выбор 3-А (Москва, директор института в структуре технического вуза, доктор наук): «Я – сторонник научного менеджмента. Не хочешь писать – до свидания. Не хочешь работать над статьями вместе с коллегами – пожалуйста, никто не держит. Не можешь сам ничего интересного придумать, мы дадим тебе задание. Но так или иначе, нам нужны научные показатели. Тем, кто это не понимает, не место в коллективе».

Как мы видим, субъектность ученого обосновывается по-разному. Это может быть отстаивание молодого ученого своего права заниматься наукой. Или – объективный взгляд умудренного жизнью педагога. Или же, как в двух последних случаях (и это свойственно менеджерскому подходу), – фактическим отрицанием субъектности, превращением науки в вал, в конвейер.

В выборе 3-Б, впрочем, менеджерский подход тоже был представлен.

Выбор 3-Б (классический региональный университет, декан, кандидат наук): «Как историк процитирую Карамзина: “Главным достоинством человека всегда была скромность” (в оригинале: “Всегда и везде первым и главным достоинством женщины – была скромность”. – *Прим. автора*). Так что я могу нашим ученым сказать: любите науку – пишите, и вам воздастся. Только не надо путать божий дар с яичницей. Для того, чтобы руководить, даже если речь об университете, нужны совсем другие качества. Писатель и организатор – разные вещи. Ученых надо организовать, чтобы они работали. Сами они вряд ли на это способны».

Но если с позиций менеджерского подхода ученому все же «воздастся» (очевидно, в виде премии или надбавки), то многие коллеги, кажется, хотели бы этому воспрепятствовать.

Выбор 3-Б (Санкт-Петербург, педагогический вуз, доктор наук, профессор): «Вы знаете, я трижды пробовала отправлять статьи в Скопус. И ни разу не взяли. Говорят: “отсутствует новизна” или “нет идеи”. На антиплагиат я статьи проверяла, там все в порядке. Ну, я поняла, то там все либо “по благу”, либо “за деньги”. Так что с большим подозрением теперь отношусь к тем, кто “много пишет”».

Выбор 3-Б (региональный технический вуз, кандидат наук, ст. преподаватель): «Я считаю, пусть каждый занимается тем, что ему по душе. Тем, что лучше получается. Ну, Вы же понимаете, у нас все проблемы возникают, когда речь идет о справедливости. И все упирается в наши надбавки пресловутые. Почему, например, за рабочую программу нет надбавок (где-то есть, но мизерные)? А за Скопус – есть, и еще какие. Мы, конечно, все составляем программы, но, согласитесь, программа программе рознь. Я, например, очень серьезно к этому делу отношусь. А на мне еще кураторство. Как Вы думаете, это справедливо, когда одна статья в Скопусе и кураторство в течение года оцениваются практически одинаково? Не знаю. Не уверена».

Четвертая, заключительная, амбивалентная пара – креативность или консервативность – демонстрировалась респондентам в форме оппозиции:

4. *Лучше, если ученый*

4-А. Стремится к интересным нестандартным решениям, полон оригинальных идей. Считает, что стремление к истине связано с созданием чего-то нового, чего не было раньше.

или

4-Б. Понимает, что в науке главное – не генерировать новые идеи, а укреплять проверенные временем ценности. Традиции и ценности важнее поиска истины.

Результаты выбора между этими оппозициями обнаружили преобладание ответов «Б». В комментариях многие респонденты признавались, что по отдельности каждое утверждение верно, но слово «ценности» имеет «особый смысл», «не может оставить равнодушным», «перевешивает все остальное». В регионах ответ «Б» оказался несколько более популярен: 59% против 52% в столичных городах. В классических университетах ответ «Б» дали 50% респондентов, в технических – 48%, в гуманитарных – 60%, в педагогических – 65%.

На этот раз комментарии выбора «А» были довольно краткими.

Выбор 4-А (Москва, гуманитарный университет, аспирант): «Мне повезло с научным руководителем. Очень творческий человек. Учит меня не бояться смелых идей. Говорит, что лучше быть белой вороной, чем серым воробьем. Меня удивляет, что мой руководитель

со своим талантом так и не сделал никакой карьеры. Он все время переживает, как мою диссертацию оценят на кафедре. Честно говоря, не знаю, о чем тут переживать: главное ведь – новизна. А у меня сплошная новизна».

Выбор 4-А (Москва, классический университет, доктор наук): «Оригинальные идеи, нестандартные решения, стремление найти истину, пусть она и непостижима, – это и есть качества, необходимые ученому. Некоторые этого не понимают – отсюда и разные ярлыки: “чокнутый профессор”, “свихнутый ученый”, “профессор Паганель” и пр.».

Вероятно, только что упоминавшийся респондент знал, о чем говорит. Приведем один из комментариев выбора 4-Б.

Выбор 4-Б (педагогический вуз, профессор): «Если мы говорим о каких-то изобретениях, понятно. Создается нечто новое. Но если речь идет о теоретических исследованиях, что здесь под новым подразумевается? Можно осмыслить, обобщить имеющийся опыт, сравнить подходы. Если кто-то уверяет, что “создает” новый подход или тем более новую методологию или теорию, так это неадекватный человек просто. Его к студентам не следует подпускать».

Однако в большинстве случаев респонденты видели в данной амбивалентной паре этическую проблему.

Выбор 4-Б (региональный гуманитарный вуз, зав. кафедрой, доктор наук, профессор): «Я сам периодически пишу статьи, участвую в научных конференциях. У меня много друзей – известных ученых. Но если Вы меня спрашиваете прямо, что важнее в науке – ценность или истина – я отвечу: ценность. Науки должны делать наше общество лучше, гармоничнее. А кто сказал, что много знания – это хорошо? Может быть, иногда не стоит “совать пальцы в розетку”? Иногда лучше все оставить, как есть, и хорошенько подумать: не принесут ли открытия или идеи вред обществу? Так что семь раз отмерь, один раз отрежь».

Выбор 4-Б (региональный классический университет, доктор наук, профессор): «Нам сейчас нужно говорить не о креативности, а о духовности. Нельзя превращать науку в порочную среду реализации своего ЭГО».

Результаты и выводы

Обобщая результаты проведенного ситуационного исследования, можно заключить, что в научно-педагогическом сообществе ученые, действительно, испытывают внутренние противоречия. С одной стороны, они стремятся к индивидуации (по Юнгу) или к самоктуализации (по Маслоу) – к реализации своего исследовательского

предназначения. С другой стороны, ученые, которые за редким исключением ориентированы социально и вовсе не хотят «аутизироваться» от общества и сообщества, конечно же, не желают оказаться в одиночестве, в профессиональном вакууме. Амбивалентность ученого реализуется на фоне амбивалентности самого профессионального научно-образовательного сообщества в отношении ученых в своей среде. В том, что амбивалентное отношение к ученым в своей среде свойственно научно-образовательному сообществу как коллективному субъекту, мы можем практически не сомневаться. Однако индивидуальная амбивалентность в отношении ученых свойственна меньшей части (около 20%) представителей этого сообщества – тем, кто сомневался в выборе ответов.

Так или иначе, выясняется, что этос науки амбивалентен (и Мертон доказал это многие десятилетия назад), поскольку ученый имманентно погружен в ситуацию выбора между правой и левой сторонами антиномии. В то же время корпоративная культура научно-образовательного сообщества по большому счету как раз и формируется на основе правых частей каждой из антиномий (ответы Б).

Данные опроса и сопровождающих его комментариев показывают, что в научно-образовательной среде статус ученого (того, у которого есть наукометрические показатели) является противоречивым и спорным. С одной стороны, он дает вузу показатели эффективности. И ученый вроде бы ценен для своей организации. С другой стороны, общая тональность такова, что в вузе «ученость» не только не поощряется, но и является во многих случаях препятствием в построении карьеры. «Ученость», по мнению многих коллег (опрос это показывает), сопровождается некими «нежелательными» чертами характера и пр. При ранжировании «важных для преподавателя качеств» научная эрудиция и тем более наукометрические показатели оказываются далеко не на первом месте. В данных условиях мы не можем ставить знак равенства между академической и научно-образовательной корпоративной культурами.

На ум приходят интересные ассоциации. Например, в конце позапрошлого века рационалистический дух эпохи угрожал давнему убеждению протестантов американского Юга в том, что наука является верной «служанкой» теологии [Hampton, 2000, p. 6]. В XXI в. обнаруживается, что науки не обязательно выполняют роль «помощниц» по отношению к образованию.

В корпоративном статусе ученого обнаруживаются как унифицирующие маркеры (свойственные российской корпоративной культуре научно-образовательного сообщества в целом, «без привязки» к определенной местности, региону или типу высшего учебного заведения), так и специфические. При этом региональные различия оказываются крайне незначительны, а различия между типами вузов достаточно заметны.

Представленные в статье наблюдения и выводы смогут стать методологическим подспорьем для молодых ученых: дихотомный анализ и сопоставление общего и специфического методологически обогащают исследования корпоративных культур научно-образовательных сообществ и расширяют теоретические горизонты их изучения. В практическом плане материалы статьи могут быть полезны для развития научно обоснованных технологий управления корпоративными коммуникациями.

Полученные результаты дают основание для более глубокого осмысления статуса ученого как внутри, так и за пределами корпоративной культуры. Статусные позиции являются значимым системным элементом любой корпоративной культуры. Поэтому, по замыслу автора, исследовательский подход, реализованный на примере ученых в вузовской среде, может быть экстраполирован на изучение «статуса знания» и статуса «образованного человека» в различных составляющих в различных корпоративных культурах.

Список литературы

Аксёнова, 2020 – *Аксёнова О.В.* Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актер, никто // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 37–53.

Бауман, 2008 – *Бауман З.* Текущая современность. М.: Питер, 2008. 238 с.

Грибанькова, 2011 – *Грибанькова А.А.* Организационная культура университетского образования и ее эволюция в XX веке // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4 (42). С. 402–408.

Касавин, 2019 – *Касавин И.Т.* Делиберация и агрегация в научной коммуникации // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 2. С. 29–37.

Коннов, 2014 – *Коннов В.И.* Социально-психологические основы национальной научно-исследовательской культуры // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 19–27.

Культура и природа, 1989 – *Культура и природа: Сборник / Ред. Н Филипповский.* М.: Знание, 1989. 94 с.

Малиновский, 2005 – *Малиновский Б.К.* Функциональная теория // *Малиновский Б.К.* Научная теория культуры. М.: Объединенное гуманитарное издательство. 2005. С. 35–54.

Мирская, 2005 – *Мирская Е.З.* Р.К. Мертон и этос классической науки // *Философия науки.* Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 11–28.

Мудрова и др., 2019 – *Мудрова Е.Б., Лепехин Н.Н., Павлова Е.Г.* Субкультура и эффективность работы подразделения университета // *Российский экономический интернет-журнал.* 2019. № 2. URL: <https://www.e-rej.ru/Articles/2019/Mudrova.pdf> (дата обращения: 30.12.2024).

Невважай, 2009 – *Невважай И.Д.* Проблема региональных онтологий в современном естествознании // *Философия науки*. 2009. Т. 14. № 1. С. 131–143.

Оганесян, 1984 – *Оганесян С.О.* Культура и природа. Ереван: Айастан, 1984. 153 с.

Палевская, Боброва, 2019 – *Палевская С.А., Боброва М.В.* Классификации типов корпоративной культуры организации (исторические аспекты) // *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко*. 2019. № 3–4. С. 65–77.

Понятие судьбы в контексте разных культур, 1994 – Понятие судьбы в контексте разных культур: Сб. ст. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. 317 с.

Рэдклифф-Браун, 2001 – *Рэдклифф-Браун А.Р.* Метод в социальной антропологии. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 416 с.

Сокирина, 2019 – *Сокирина А.В.* Элементы корпоративной культуры МВД России // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2019. № 3. С. 795–798.

Унылова, 2014 – *Унылова А.В.* Современная модель российской корпоративной культуры банковской деятельности // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 12 (1). С. 115–118.

Хабермас, 2000 – *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем.; под ред. Д.В. Скляднева. СПб.: Наука, 2000. 377 с.

Шарков и др., 2023 – *Шарков Ф.И., Гостенина В.И., Лоскутова И.М., Сычева Е.Ю.* Корпоративная культура организации: управление социальным капиталом в условиях вызовов и рисков // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 1. С. 142–155.

Шиповалова, 2019 – *Шиповалова Л.В.* Распределенное познание и его границы в контексте публичной научной коммуникации // *Социология науки и технологий*. 2019. Т. 10. № 3. С. 56–71.

References

Aksenova, O.V. “Sub”ekt social’nogo dejstviya v sovremennom razvitii Rossii: agent, aktor, nikto” [The Entinity of Social Action in the Modern Development of Russia: Agent, Actor, Nobody], *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2020, vol. 11, no. 2, 2020, pp. 37–53. (In Russian)

Arutyunova, N.D. (ed.) “Ponjatie sud’by v kontekste raznyh kul’tur” [The Concept of Fate in the Context of Different Cultures], *Collection of articles. Russian Academy of Sciences, Scientific. Council on the History of World Culture, Probl. group “Logical. analysis of the language”, Institute of Linguistics*. Moscow: Nauka, 1994. (In Russian)

Bauman, S. *Tekuchaja sovremennost’* [Liquid Modernity]. Moscow: Peter, 2008. (Trans. into Russian)

Chubin, 1985 – Chubin, D.E. “Open Science and Closed Science: Tradeoffs in a Democracy”, *Science, Technology and Human Values*, 1985, vol. 10, no. 2, pp. 73–80.

Crothers, 2019 – Crothers, Ch. “Recent Writings on Robert K. Merton: A Listing and Some Observations”, *American Sociologist*, 2019, vol. 50, no. 1, pp. 121–135.

Dahler-Larsen, 1994 – Dahler-Larsen, P. “Corporate Culture and Morality: Durkheim-inspired Reflections on the Limits of Corporate Culture”, *Journal of Management Studies*, 1994, vol. 31, no. 1, pp. 1–18.

Gribankova, A.A. “Organizacionnaja kul'tura universitetskogo obrazovanija i ejo jevoljucija v XX veke” [The Organizational Culture of University Education and Its Evolution in the Twentieth Century], *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2011, vol. 42, no. 4, pp. 402–408. (In Russian)

Habermas, J., D.V. Sklyadnev (ed.) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Saint Petersburg: Nauka, 2000. (Trans. into Russian)

Hampton, 2000 – Hampton, M.H. “Handmaid” or “Assailant”: *debating science and scripture in the culture of the lost cause* (Robert Lewis Dabney, Benjamin M. Palmer, John L. Girardeau, James Woodrow). Chapel Hill: UNC–Chapel Hill, 2000.

Kasavin, I.T. “Deliberatsiya i agregatsiya v nauchnoi kommunikatsii” [Deliberation and aggregation in the scientific communication], *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2019, vol. 2, no. 2, pp. 29–37. (In Russian)

Konnov, V.I. “Social'no-psihologicheskie osnovy nacional'noj nauchno-issledovatel'skoj kul'tury” [Socio-Psychological Foundations of National Scientific Research Culture], *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2014. vol. 35, no. 5, pp. 19–27. (In Russian)

Philippovsky, N. (ed.) *Kul'tura i priroda: Sbornik* [Culture and Nature: Collection]. Moscow: Znanie, 1989. (In Russian)

Malinovsky, B.K. “Functional Theory”, in: B.K. Malinovsky. *Nauchnaja teorija kul'tury* [Scientific Theory of Culture]. Moscow: Ob'edinjonnoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 2005, pp. 35–54. (In Russian)

Min, 2022 – Min, B.W. “Theory of Corporate Culture in Germany: A Pragmatic Approach to the Ethical Design of Corporate Culture”, *Zeitschrift der Koreanisch-Deutschen Gesellschaft für Sozialwissenschaften*, 2022, vol. 32, no. 1, pp. 107–142.

Mirskaya, E.Z. “R.K. Merton i jetos klassicheskoj nauki” [Merton and the Ethos of Classical Science], *Filosofija nauki. Vyp. 11: Jetos nauki na rubezhe vekov* [Philosophy of Science. Issue 11: The ethos of Science at the turn of the Century], Moscow: IPh RAS, 2005, pp. 11–28. (In Russian)

Mudrova, E.B., Lepekhin, N.N., Pavlova E.G. “Subkul'tura i effektivnost' raboty podrazdeleniya universiteta” [Subculture and the Performance of the University Department], *Rossijskij jekonomicheskij internet-zhurnal* [Russian Economic online magazine]. 2019, no. 2. [<https://www.e-rej.ru/Articles/2019/Mudrova.pdf>, accessed on 30.12.2024]. (In Russian)

Nevvazhay, I.D. “Problema regional'nykh ontologii v sovremennom estestvoznani” [The Problem of Regional Ontologies in Modern Natural Science], *Filosofija nauki* [Philosophy of Science], 2009, vol. 14, no. 1, pp. 131–143. (In Russian)

Oganesyan, S.O. *Kul'tura i priroda* [Culture and nature]. Yerevan: Hayastan, 1984. (In Russian)

Palevskaya, S.A., Bobrova, M.V. “Klassifikatsii tipov korporativnoi kul'tury organizatsii (istoricheskie aspekty)” [Classifications of the Types of Corporate Culture of the Organization (Historical Aspects)], *Bjulleten' Nacional'no go nauchno-issle-*

dovatel'skogo instituta obshhestvennogo zdorov'ja imeni N.A. Semashko [Bulletin of the N.A. Semashko National Research Institute of Public Health], 2019, no. 3–4, pp. 65–77. (In Russian)

Radcliffe-Brown, A.R. *Metod v social'noj antropologii* [Method in Social Anthropology]. Moscow: Kanon-press-C; Kuchkovo pole, 2001. (Trans. into Russian)

Savchenko, Shimanskaya, 2023 – Savchenko, I.A., Shimanskaya, O.K. “Science and Ideology in the Soviet Capital Discourse of Religious Studies: Dichotomous Analysis”, *Studies in East European Thought*, 2023, no. 4, pp. 4–24.

Sharkov, F.I., Gostenina, V.I., Loskutova, I.M., Sycheva, E.Yu. “Korporativnaya kul'tura organizatsii: upravlenie sotsial'nym kapitalom v usloviyakh vyzovov i riskov” [Corporate Culture of Organization: Social Capital Management under Challenges and Risks], *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Sociologija* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 2023, vol. 23, no. 1, pp. 142–155. (In Russian)

Shipovalova, L.V. “Raspredeleennoe poznanie i ego granicy v kontekste publichnoj nauchnoj kommunikacii” [Distributed Cognition and its Boundaries in the Context of Public Science Communication], *Sociologija nauki i tehnologij* [Sociology of Science and Technology], 2019, vol. 10, no. 3, pp. 56–71. (In Russian)

Sokirina, A.V. “Elementy korporativnoi kul'tury MVD Rossii” [The Elements of Corporate Culture, the Ministry of Internal Affairs of Russia], *Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavtiki* [Actual Problems of Aviation and Cosmonautics], 2019, no. 3, pp. 795–798. (In Russian)

Unylova, A.V. “Sovremennaya model' rossiiskoi korporativnoi kul'tury bankovskoi deyatel'nosti” [Modern Model of the Russian Corporate Culture of Banking Activity], *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences], 2014, vol. 12, no. 1, pp. 115–118. (In Russian)

Varga, 2001 – Varga, I. “To Live with Ambivalence, or Aren't We All Barbarians? A Response to Aziz Al-Azmeh”, *International Sociology*, 2001, vol. 16, no. 1, pp. 95–114.

Yvon, 2007 – Yvon, F. “Professional Culture in the Light of Cultural-Historical Psychology”, *Lomonosov Psychology Journal*, 2007, no. 4, pp. 84–91.

ОСМЫСЛЯ ПРОСТРАНСТВО: КАК ИСПОЛЬЗУЮТ СХЕМЫ ТОПОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ИСКУССТВЕННЫЕ КОГНИТИВНЫЕ АГЕНТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ОПИСАНИЙ КАРТИН ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЭРМИТАЖА)*

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией языковой конвергенции. НИУ «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург». Российская Федерация, 190068, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 119–121; e-mail: akolmogorova@hse.ru

Налобина Полина Алексеевна – стажер-исследователь лаборатории языковой конвергенции. НИУ «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург». Российская Федерация, 190068, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 119–121; e-mail: pnalobina@edu.hse.ru

Статья посвящена описанию различий в концептуализации пространства, наблюдаемых у информантов, генеративных языковых моделей и моделей компьютерного зрения, способных генерировать текст описания «увиденного». Мы используем понятие когнитивного агента и обосновываем различие «естественный vs искусственный когнитивный агент»: под первым понимается человек, под вторым – модель ИИ, способная принимать решения и выполнять задачи адекватно заданной ситуации. Цель исследования – сравнить способы осмысления местоположения объекта в пространстве, в том числе относительно других объектов, у естественных когнитивных агентов (ЕКА) и искусственных когнитивных агентов (ИКА) двух типов: больших языковых моделей, способных генерировать текст, и моделей, созданных для решения задачи Image to Text. Основными методами выступили метод лингвистического эксперимента и метод семантического описания на основе теории топологической семантики Л. Талми. В качестве стимульного материала использовались шесть картин из коллекции Государственного Эрмитажа, разделенные на три группы: портреты, монофигурные картины на мифологическую или религиозную тематику, многофигурные композиции. Участниками экспериментов выступили: 63 информанта (Mean age = 19,1, 48 девушек, 15 юношей), 5 мультязычных генеративных моделей, 6 моделей Image to Text, основанных на технологии компьютерного зрения и способных генерировать описания распознанных изображений на английском языке. Используя типологию конфигурационных топологических схем и схем типа «фигура – фон» в концепции топологической семантики Л. Талми, мы сравнили способы осмысления пространства, на которые опираются а) большие языковые модели; б) модели Image to Text и в) информанты. В результате мы сформулировали ряд выводов, главный из которых заключается в том, что ЕКА отличаются от ИКА своей способностью интегрировать процесс концептуализации объекта в пространстве в другие когнитивные процессы: распознавания сущности и категоризации, механизма внимания, осознания причинно-следственных связей. ИКА только учатся такой интегративности и взаимной координации, например, когда генеративные модели концептуализируют те объекты, в которых они не уверены, поскольку это продукты галлюцинирования,

* Статья подготовлена по материалам проекта «Текст как Big Data: методы и модели работы с большими текстовыми данными», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

как объекты с нечеткими границами, а модели Image to Text объединяют в единый неоднородный объект человека и наиболее яркую оригинальную деталь его окружения, поскольку «считают», что это самое важное для задач описания изображения.

Ключевые слова: концептуализация пространства, топологическая семантика, искусственный когнитивный агент, естественный когнитивный агент, фигура и фон, большие языковые модели

CONCEPTUALIZING THE SPACE: HOW NATURAL AND ARTIFICIAL COGNITIVE AGENTS USE TOPOLOGICAL SEMANTICS SCHEMES (BASED ON DESCRIPTIONS OF PAINTINGS FROM THE HERMITAGE COLLECTION)

Anastasia V. Kolmogorova –
DSc in Philology, Professor,
Head of the Laboratory
of Language Convergence.
HSE Campus in Saint
Petersburg.

119–121 nab. Griboyedov
Canal, St. Petersburg 90068,
Russian Federation;
e-mail: akolmogorova@hse.ru

Polina A. Nalobina –
Researcher at the Laboratory
of Language Convergence.
HSE Campus in Saint
Petersburg.

119–121 nab. Griboyedov
Canal, St. Petersburg 90068,
Russian Federation;
e-mail: pnalobina@edu.hse.ru

The article is devoted to the description of the differences in the conceptualization of space observed in informants, large language models and computer vision models capable of generating a text describing what they “saw”. We use the concept of a cognitive agent and substantiate the distinction between “natural vs artificial cognitive agent”: the first is understood as a person, the second is an AI model capable of making decisions and performing tasks adequately in a given situation. The aim of the study is to compare the ways of understanding the location of an object in space in natural cognitive agents and artificial cognitive agents of two types: large language models and models created for Image to Text task. The main methods are the method of linguistic experiment and the method of semantic description based on the theory of topological semantics by L. Talmi. As an incentive material, six paintings from the collection of the State Hermitage Museum were used, divided into three groups: portraits, monofigure paintings on mythological or religious themes, and multi-figure compositions. The participants of the experiments were: 63 informants (Mean age = 19.1, 48 females, 15 males), 5 LLMs, 6 Image to Text models based on computer vision technology and capable of generating descriptions of recognized images

in English. Using the typology of configurational topological schemes and “figure – background” type schemes, we compared the ways of understanding space that the models rely on. As a result, we have formulated a number of conclusions, the most important of which is that natural cognitive agents differ from artificial cognitive agents in its ability to integrate the process of conceptualization of an object in space into other cognitive processes: entity recognition and categorization, attention mechanisms, awareness of cause-and-effect relationships. Artificial cognitive agents are only learning such integrativity and mutual coordination, for example, when generative models conceptualize those objects in which they are not sure, since these are products of hallucination, as objects with fuzzy boundaries, and Image to Text models combine into a single heterogeneous human object and the most striking original detail of its environment, because they “believe” that this is the most important thing for description tasks.

Keywords: conceptualization of space, topological semantics, artificial cognitive agent, natural cognitive agent, figure and background, large language models

1. Введение

Данное исследование появилось в рамках большого прикладного проекта, связанного с дигитализацией музейных практик Государственного Эрмитажа. Работа с несколькими видами компьютерных языковых моделей, с одной стороны, и экспериментальная работа с информантами – с другой, натолкнули на мысль о необходимости сравнения тех топологических семантических моделей, которые применяют ИИ и человек, осмысляя и вербализуя сцены, локализованные в пространстве картин.

У музейной институции есть замечательный цифровой «двойник» – Цифровая коллекция Эрмитажа, включающая в себя цифровые изображения более чем миллиона экспонатов, находящихся как в выставочных пространствах, так и в запасниках музея. Такие экспонаты имеют информационное сопровождение: указаны годы создания и приобретения, автор, номер зала, если работа выставлена, а также некоторая другая информация. Ресурс мог бы быть полезен для тех, кто хочет заранее выстроить маршрут, включив в него картины, которые давно хочется увидеть воочию. Однако для этого нужно точно знать, как называется картина. Далеко не все пользователи, потенциальные посетители залов Эрмитажа, владеют такой информацией – скорее, они хранят в памяти стереотипный образ того, что на картине изображено, например, «Женщина с каким-то зверем на плечах» («Дама с горностаем»). Однако существующая поисковая система Цифровой коллекции не поддерживает такие «неточные» запросы.

Задача большого проекта, которым мы занимаемся, сводится как раз к созданию системы автоматического поиска картин по слабо формализованным запросам пользователей.

В ходе реализации данного проекта нам потребовалось достаточно много тестировать существующие Большие языковые модели (далее – БЯМ), работающие с русским языком, а также модели, распознающие объекты на изображении и генерирующие их краткое описание (модели Image to Text). Кроме того, мы провели эксперимент с информантами, которые выполняли задание по формированию запросов по поиску картин.

Эта работа прикладного характера и обсуждение ее результатов с разработчиками и тестировщиками компьютерных моделей привели к осознанию того, что естественные когнитивные агенты (люди) и искусственные когнитивные агенты (модели) выполняют операции по концептуализации объектов в пространстве по-разному. Для того чтобы увидеть отличия, потребовалась некая единая концептуальная рамка – ею послужила концепция топологической семантики, предложенная Леонардом Талми и хорошо известная отечественным когнитивным лингвистам [Рахилина, 2002; Скребцова, 2018].

Данная проблематика также тесно связана с философским пониманием субъекта сознания (и познания). В условиях появления искусственного интеллекта в научном сообществе остро ощущается потребность в уточнении границ и сущностных характеристик данного фундаментального понятия [Касавин, 2024].

Одной из стартовых точек для дискуссии в кругах специалистов по компьютерным и когнитивным наукам стало определение сознания, данное Томасом Нагелем: «Организм имеет сознательные ментальные состояния тогда и только тогда, когда есть что-то, каково это *быть* этим организмом – что-то, каково это для организма» [Nagel, 1974, p. 436]. Продолжая мысль Т. Нагеля, отечественный физиолог К.В. Анохин отмечает, что «сознание имеет особые качественные свойства и специфические операциональные особенности. И те и другие – атрибуты когнитивного агента и не могут быть поняты без понимания устройства последнего...» [Анохин, 2021, с. 48].

Специалисты в области когнитивных и нейронаук активно обращаются к вопросу о том, обладают ли нейросетевые модели субъективным опытом – одним из онтологических признаков сознания. В фундаментальной работе [Ji et al., 2023] идеологов глубинного обучения проводится параллель между функциями аттракторов в организации рабочей памяти у человека и механизмами внимания, используемыми в моделях-трансформерах в глубинном обучении. При этом утверждается, что оба механизма являются практически эквивалентными вариантами «сжатия информации» при попытке передачи познающим субъектом многообразия своего субъективного опыта. Другие специалисты в области обучения нейросетевых моделей

[Lillicrap et al., 2020] считают, что приобретение и структурирование субъективного опыта в кортексе человека работает точно так же, как механизм обратного распространения ошибки, широко используемый при обучении нейросетей. Таким образом, отмечают исследователи, последний можно использовать для объяснения нейрокогнитивных процессов у человека.

Иными словами, новое знание, даже достаточно локальное, об отдельных и общих свойствах естественных и искусственных когнитивных агентов может быть рассмотрено как шаг на пути к философскому осмыслению природы сознания – так называемому «главному вопросу» в том числе и эпистемологии науки.

В дальнейшем текст будет построен следующим образом: 1) сначала мы обратимся к основным понятиям и конструктам топологической семантики в работах Л. Талми и его последователей; 2) затем представим цель, материал и методы, примененные нами в исследовании; 3) потом опишем и прокомментируем полученные результаты; 4) в заключение покажем перспективы исследования и его ограничения.

2. Основные понятия и методологические принципы семантической топологии

Лингвистическая концепция Л. Талми, основные постулаты которой изложены в [Talmy, 2000a; 2000b; 2018], построена на допущении о том, что в каждом языке можно выделить две группы систем: открытые классы слов (open-class words) и закрытые классы слов (closed-class words) [Talmy, 2000a, p. 8–14]. Первые – это лексическая подсистема (лексико-семантические группы слов, лексико-семантические ряды, поля и т.д.), вторые – преимущественно грамматическая подсистема: союзы, частицы, артикли, предлоги, грамматические категории, грамматические значения, аффиксы с грамматическим значением. Если первые отражают содержание концептуальной системы человека, то вторые – концептуальные структуры, в которые это содержание «упаковывается».

На основе того, что структуры мышления и языка, используемые для описания пространства, места и местоположения объекта, легко проецируются на другие сферы, формирующие человеческое восприятие (например, деятельность или отдельный ее акт, имеющие протяженность во времени, могут представляться как объект, т.е. занимать некоторое место в пространстве: *Я позволю нескольким людям может легко превратиться в Я сделаю несколько звонков*), Л. Талми высказал гипотезу о том, что в каждом языке количество таких структур конечно, они глубоко фундированы в когнитивном

(преимущественно сенсомоторном) опыте человека, а потому – легко выполняют функцию структурирования всей той информации, которая поступает в когнитивную систему человека благодаря восприятию [Talmy, 2000a, p. 21–23].

Подобные схемы исследователь назвал топологическими, поскольку топология – специальный раздел геометрии – изучает такие характеристики формы объектов, которые сохраняются, оставаясь узнаваемыми, даже после его сильной деформации [Прасолов, 2012]. Для описания объектов с точки зрения топологии не важны расстояния между их частями или размеры – важно, из скольких частей они состоят, много их или объект один, с чем он соединен, что находится рядом [Talmy, 2000a, p. 47–48]. Именно языковая топология позволяет нам одинаково успешно сказать, что «Пятно на платье слева больше, чем то пятно на платье, которое справа» и «Территория Китая меньше, чем территория России», хотя размеры пятна и территорий стран несравнимо различны. Л. Талми подчеркивает, что закрытые грамматические классы слов отражают не Евклидово пространство, а относительные, субъективно воспринимаемые Наблюдателем¹ паттерны пространства (расстояния, формы, размеры) – их топологические характеристики и схемы [Ibid., 48–49].

Для описания топологических характеристик объектов Л. Талми предложил целый ряд конструкторов и категорий.

Во-первых, это понятие схематизации. Под схематизацией понимается процесс, при котором Наблюдатель системно отбирает такие аспекты референтной ситуации, которые в его описании будут репрезентировать всю наблюдаемую сцену целиком, а другие аспекты и характеристики как бы выпадают из поля зрения [Ibid., p. 225]. Сцена – это воспринимаемая Наблюдателем ситуация, прошедшая через «горнило» схематизации, когда посредством элементов закрытых классов (грамматической системы) и структуры предложения все наблюдаемое делится на сегменты (portions), между которыми устанавливаются связи [Ibid., p. 229].

Каждая референциальная сцена структурируется Наблюдателем (говорящим) и реструктурируется его партнером по коммуникации, целью которого становится воссоздать систему элементов, составляющих сцену, и их взаимосвязи максимально близко к тому, что описывал говорящий.

Для того чтобы осмыслить, а затем описать сцену, Наблюдатель опирается на некоторые схематические структуры, находящиеся в системных отношениях между собой и объективируемые при помощи определенных групп языковых средств из номенклатуры слов

¹ Мы используем термин «Наблюдатель» вслед за У Матураной и Ф. Варелой [Maturana, Varela, 1997] для обозначения говорящего и познающего субъекта в одном лице – «Все сказанное сказано Наблюдателем» [Ibid.].

закрытых классов (дейктики, аспектуальные и временные формы глаголов, маркеры числа у именных и глагольных классов и т.д.).

Л. Талми выделяет пять таких схематических систем, но в данной публикации мы остановимся только на так называемых конфигурационных структурах и схеме «фигура – фон».

Существует три основных типа конфигурационных структур, призванных реализовывать соответствующие категории, используемые для того, чтобы осмысливать местоположение объекта: комплексность (plexity), ограниченность (boundedness) и отдельность (dividedness).

Под комплексностью исследователь понимает категорию, строящуюся на оппозиции «единственность – множественность», аналогично категории числа у имен и глаголов. Однако Л. Талми придает данной категории статус концептуального континуума, что на практике означает ее расширение за счет включения не только грамматических, но и лексических средств, с разной степенью интенсивности способных передавать идею количества применительно к осям и пространства, и времени [Talmy, 2000a, p. 57]. Так, на последней из упомянутых осей понятие действия, т.е. активности Х, длящейся во времени, получает возможность реализовать идею количества посредством использования временных и видовых форм глаголов. Например, так называемые «точечные» глаголы актуализируют идею единичности, или, в терминах Л. Талми, униплексности (*он поперхнулся* – это единичное действие), а итеративные – множественности, или мультиплексности (*он попивал кофе, сидя у окна* – он делал не один, а много глотков, один за одним, с некоторым интервалом).

На оси пространства возникает понятие места – количества пространства, занимаемого некоторой сущностью, становящейся при таком ракурсе объектом. Идея единичности такого объекта задается у существительных формами неопределенного артикля (в языках аналитического строя), числительными в препозиции (*один дом*) или может быть реализована и на фоне множественности за счет, например, конструкции *один из*:

- (1) *В комнату зашли трое, один из них был одет в гимнастерку, остальные – в гражданском.*

Если *трое* и *остальные* – лексикализованные способы выражения идеи множественности, то конструкция *один из* – способ выделить единичность из этой множественности. Таким образом, комплексность возникает как некая универсальная категория для выражения идеи количества на пересечении категорий времени и пространства, становящейся возможной в языке благодаря тому, что последний может достаточно легко концептуализировать и то, и другое как сущность.

Ограниченность – категория, базирующаяся на различии, с одной стороны, понятия некоторого количества материального субстрата, границы которого не определены, а лексема-вербализатор понятийного содержания не имеет эксплицитного признака конечности, финитности [Talmy, 2000a, p. 50], и, с другой стороны, понятия некоторого количества материального субстрата, границы которого либо четко заданы контекстом, либо имплицированы семантикой языковой единицы-вербализатора. Например, для глаголов характерными формами, маркирующими ограниченность действия, понимаемого как сущность, являются все варианты перфектных форм, терминативные глаголы (ex.g. *упасть*, *входить*), а для существительных, в семантике которых имплицирована идея границ, примерами могут быть *море* (в отличие от *вода* – неисчисляемого существительного), *пляж* (в отличие от *песок*), *отпуск* (в отличие от *отдых*).

Отдельность – следующая категория, которая строится на противопоставлении признаков континуальности некоторой сущности и ее внешней или внутренней дискретности (сегментации) [Ibid., p. 56]. Так, формы *листья* и *вышагивать* имплицировывают идею отдельности каждого элемента множества (листочка или шага), а *листва* и *шагать* – идею имплицитной дискретности, существующей внутри множества (листва состоит из листьев, действие *шагать* – из шагов). Напротив, ни одна из этих идей не присутствует в семантике форм *пыль* (от листьев, например) или *идти*, что позволяет классифицировать данные формы как не обладающие признаком отдельности.

Наконец, самое, пожалуй, известное положение теории семантической топологии состоит в том, что всякую сцену Наблюдатель воспринимает как комбинацию фигуры (чего-то подвижного, с четкими контурами, небольшого по размеру) и фона (неподвижного, с нечеткими границами, невыделенного). Классический пример – *автомобиль стоит у дома*, где *автомобиль* – фигура, а *дом* – фон.

Мы будем опираться на вышеописанные положения в дальнейшем тексте.

3. Цель исследования

Цель работы – сравнить типы топологических семантических схем, используемых для описания «сцены», изображенной на картине, естественными когнитивными агентами (людьми; далее – ЕКА) и искусственными когнитивными агентами – Большими языковыми моделями и генеративными моделями, обученными для задачи Image to Text (далее – ИКА).

Уточним содержание трех терминов, которыми будем пользоваться в дальнейшем.

Хотя понятие интеллектуального или когнитивного агента восходит к работам отечественного теоретика кибернетики Д.А. Поспелова [Поспелов, 1986], интерес к его содержанию возродился относительно недавно в связи с созданием систем искусственного интеллекта.

Когнитивный агент определяется как интеллектуальная система, способная выбирать оптимальную линию поведения в любой ситуации [Russell & Norvig, 2000; Schatten et al., 2021], т.е. умеющая воспринимать среду, воздействовать на нее, обучаться, хранить опыт взаимодействия с ней и на его основе предсказывать реакцию среды на свои действия и планировать их последовательность [Витяев и др., 2020, с. 8].

Естественный когнитивный агент – это интеллектуальная система, которая способна все это делать на основе биологических, химических и других ресурсов, предоставляемых ее телесностью.

Искусственный когнитивный агент извлекает все необходимые ресурсы из собственной базы данных и знаний, получаемых от человека в процессе диалога «человек – искусственный агент», а также от сенсоров системы, основанной на грануляции и градуировании входной информации [Калуцкая, 2010, с. 6].

Проанализировав на основе методологического аппарата топологической семантики результаты решения задачи концептуализации того, что изображено на картинах, мы можем получить представление о различиях, существующих в типичных паттернах осмысления пространства и объектов в нем естественными и искусственными агентами.

4. Материал и методы

Материал исследования составили три корпуса данных.

Первый корпус составили примеры поисковых запросов, предложенных в ходе эксперимента 63 информантами (Mean age = 19,1, 18 девушек, 15 юношей), студентами вузов Санкт-Петербурга для шести картин из коллекции Государственного Эрмитажа. Для всех информантов русский язык является родным. Эксперимент проводился онлайн посредством платформы Google Forms, участники не были ограничены по времени ответа. Получено 378 реакций респондентов.

Информантам была сформулирована следующая инструкция: «Посмотрите на картину (визуальный стимул был представлен в виде изображения в формате jpg внутри опросника), сфокусируйтесь на том, что на ней изображено. Представьте себе, что вы хотите ее найти в Интернете, но не помните ни автора, ни названия. Как бы вы

описали то, что на ней изображено, формулируя поисковой запрос?»
 Время ответа не контролировалось. Визуальные стимулы были представлены в опроснике, поэтому информант при желании мог вновь рассмотреть их.

Информантам были предложены шесть визуальных стимулов:

1. Т. Гейнсборо «Портрет дамы в голубом», Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (инв. ГЭ-3509)

<https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/01.+paintings/38759>

2. Караваджо «Юноша с лютней», Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (инв. ГЭ-45)

<https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/01.+paintings/31511>

3. Джорджоне «Юдифь», Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (инв. ГЭ-95)

<https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/01.+paintings/32196>

4. Тициан «Кающаяся Мария Магдалина», Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (инв. ГЭ-117)

<https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/01.+paintings/32191>

5. А. Ватто «Затруднительное предложение», Эрмитаж, Санкт-Петербург (инв. ГЭ-1150)

<https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/01.+paintings/37466>

6. Д. Веласкес «Завтрак», Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (инв. ГЭ-389)

<https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/01.+paintings/32729>

Все картины-стимулы можно условно объединить в три группы по критерию характера сцены, изображенной на них и становящейся объектом концептуализации: 1) представлен один человек, сцена не осложнена дополнительными символическими и культурно-специфическими смыслами (картины № 1, 2); 2) представлен один человек, но сцена осложнена дополнительными символическими и культурно-специфическими смыслами (картины № 3, 4); 3) в сцене участвуют несколько человек (картины № 5, 6). В дальнейшем специфика концептуализации сцен будет анализироваться в соответствии с данными группами.

В дальнейшем анализ данного подкорпуса будет сопровождаться пометой ЕКА (естественные когнитивные агенты).

Второй и третий корпуса данных составили ответы моделей ИИ двух типов. Во-первых, анализировались ответы 5 генеративных языковых моделей: русскоязычная Яндекс GPT-3 <https://ya.ru/ai/gpt-3> и мультиязычные Mixtral <https://console.mistral.ai/> (2 версии: 8x7B

языковыми моделями, компилирующими текстовые данные, опираясь на формат запроса, заданный в промпте (далее – ИКА_gen), и моделями, генерирующими текстовое описание на основе преобразования результатов работы алгоритмов компьютерного зрения (далее – ИКА_image).

5. Результаты и обсуждение

5.1. Группа картин № 1 (Т. Гейнсборо «Портрет дамы в голубом» и Караваджо «Юноша с лютней»)

Рассмотрим топологические схемы в сравнении для ЕКА и ИКА.

5.1.1. Конфигурационные схемы

Комплексность. Ограниченность. Отдельность.

ЕКА. В данной группе комплексность объективируется в основном за счет значений единственного и множественного числа существительных. Преобладает единичность – *девушка, лютня, скрипка, стол*:

(2) *Девушка играет лютне, скрипка лежит рядом на столе.*

Однако часты переходы между единичностью и множественностью для концептуализации одного и того же объекта в силу действия принципов селективности (из многого – один) и группировки (многое – в одно) (визуально данный принцип представлена на рис. 1). На картине Караваджо, например, изображены два музыкальных инструмента – скрипка и лютня. Но одни информанты фокусируются только на лютне (*музыкальный инструмент* – единичность, пр. 3), а другие «видят» сразу всю группу и используют категорию множественности (*музыкальные инструменты*, пр. 4):

(3) *Девушка за столом, музыкальный инструмент;*

(4) *Грустная девушка с музыкальными инструментами.*

Информанты могут осмыслять нотную тетрадь через категорию множественности – *ноты*, а могут использовать единичность, чтобы концептуализировать объект как одиночный, но неоднородный объект – *нотный стан*; аналогично: *цветы* – *букет цветов*.

Изображено три объекта: при действии принципа селективности внимание сосредотачивается на одном объекте, и он концептуализируется как единичный, например *скрипка*; при действии принципа группировки все три объекта объединяются в группу и концептуализируются как множественный объект, например *музыкальные инструменты*.

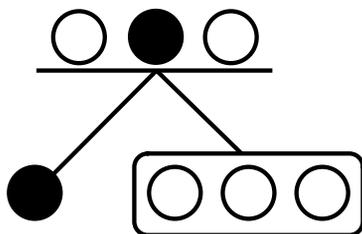

Рис. 1. Принципы селективности и группировки в категории сложности у ЕКА

Что касается категории ограниченности, то большинство сущностей на картинах осмысляются как объекты с четкими границами, согласно денотативным образам номинирующих их существительных: *платье, накидка, шляпка, лента, брошь, скрипка, ваза* и т.д. Но границы объекта могут осмысляться как нечеткие в тех случаях, 1) если объект воспринимается как фоновый (*дама в голубом, в чем-то пышном, дама с драпировкой*); 2) если объект, которым может стать вся сцена или временной интервал, не распознается точно Наблюдателем (*девушка за столом играет на каком-то инструменте*) или плохо припоминается: *что-то связанное с игрой на музыкальных инструментах в XVI–XVIII вв.*

Вербальными маркерами топологической схемы «объект с нечеткими границами» выступают неопределенные местоимения *что-то, какой-то*, использование так называемых аппроксимативов – предложных конструкций перед именными формами в среднем роде (*в белом, в голубом* и т.д.).

Описывая картины, информанты склонны объединять человека и соположенные с ним объекты посредством топологической схемы единого отдельного, но неоднородного внутри объекта (рис. 2) по схеме «X с Y, где X – человек, а Y – то, что находится рядом с X». Так, за счет коммутативной конструкции с предлогом *с* прическа предстает как продолжение, составная часть дамы: *портрет женщины с пышной прической; женщина с помпезной прической* и т.д. Конфигурация этого неоднородного объекта может быть совершенно разной: человек и то, что он держит (*портрет юноши с лютней*); человек и то, что он держит + его руки (*девушка с музыкальным инструментом в руках*), + просто рядом находящиеся объекты (*девушка в белом со скрипкой и букетом в вазе*):

Эти же объекты, например прическа, могут легко концептуализироваться и как отдельные единичные (схема такой концептуализации представлена на рис. 3):

- (5) *Дама, высокая прическа и шляпка* – три единичных объекта.

Примечательно, что глаза также могут осмысляться как отдельный объект (пр. 6) в ряду объектов – происходит извлечение и отчуждение части из целого:

- (6) *Музыкальный инструмент, скрипка, ноты, цветы, глаза.*

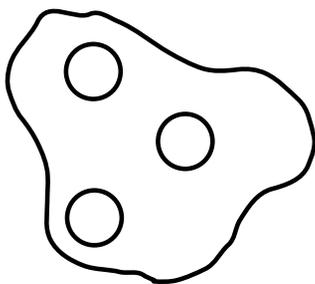

Рис. 2. Вариант концептуализации сцены
«единый неоднородный объект»

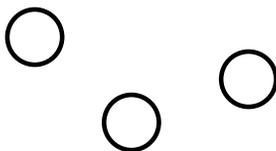

Рис. 3. Вариант концептуализации сцены
«множество отдельных объектов»

ИКА_gen. Множественность отражена в формах множественного числа существительных: *ноты, деревья, волосы, манжеты*. Переход множественности в единичность встречается один раз: *волосы – в прическу*. Не только все сущности концептуализируются как объекты с четкими границами, но и используются лексические маркеры дополнительного подчеркивания границ объектов (пр. 7):

- (7) *женщина – в полный рост* (ограничена фигурой); *волосы – уложены в прическу* (пассив: им придали форму); *стол покрыт скатертью* (пассив: границы стола подчеркнуты скатертью); *свет проникает через окно* (активная семантика глагола, наличие в нем семантической пресуппозиции ‘наличие преграды’, усиливаемое предлогом *через*: окно ограничивает свет).

В качестве объектов, не имеющих границ, осмысляются только не существующие на картине объекты, являющиеся результатом галлюцинирования моделей. Они номинируются абстрактными существительными, например: *свет, музыка, небо, пейзаж*.

подавляющее большинство объектов осмысляются как отдельные, в том числе фиксируем частые случаи отчуждения части тела или характеристики внешности человека от своего «носителя»: *женщина имеет осанку* – осанка рассматривается как отдельный объект, которым субъект обладает; аналогично – *голова наклонена, волосы уложены*.

Отмечены случаи концептуализации группы объектов как единого неоднородного объекта (см. рис. 2) при помощи схемы, отражающей объективные системные отношения целого и части «X с Y, где X – человек, а Y – часть X»: *в голубом платье с белым кружевным воротничком и манжетами; на фоне пейзажа с деревьями и небом*.

ИКА_image. Доминирует категория единичности (пр. 8):

- (8) *a painting of a woman playing a lute* ('картина с женщиной, играющей на лютне').

Неопределенный артикль (*a woman, a lute*) подчеркивает единственность объекта.

Все выделяемые на картине объекты описываются как имеющие четкие границы: *portrait of a woman in a blue dress with a feathered hat* ('портрет женщины в голубом платье со шляпой с перьями').

У моделей Image to text, так же как у ЕКА, наблюдаем объединение в один объект нескольких объектов, соположенных с изображенным человеком, однако это происходит по несколько иной модели – «X с Y, где X – человек, а Y – яркий элемент его одежды»: *a woman with a bow tie* (женщина в платье с галстуком-бабочкой); *portrait of a lady with a blue hat* (портрет дамы с голубой шляпкой).

5.1.2. Фигура и фон

ЕКА. В качестве фона выступают размытые цветовые пространства (*на темном фоне*), помещения (*мальчик с балалайкой в комнате*²), одежда (*дама в платье, в кимоно*), соматические объекты

² Отметим на полях, что только у ЕКА среди ответов встречались случаи концептуализации лютниста на картине Караваджо как юноши; все же ИКА единодушно определяли его как девушку. Из этой специфической черты ЕКА, как представляется, происходит одно важное наблюдение: только ЕКА обладают способностью наблюдать «наблюдаемое не сейчас». Юноша у Караваджо, действительно, соответствует современным стандартам женской, не мужской, красоты, но ЕКА могут себе представить, что когда-то стандарты красоты были иными, и смотреть на изображаемое «глазами» Наблюдателя того времени, благодаря некоторым фоновым знаниям (благодарим за это наблюдение одного из рецензентов).

(ленточка *на шее*), а также временной отрезок, концептуализируемый как большой объект с достаточно четкими контурами (портрет дамы *в XVIII в.*).

ИКА_gen концептуализируют как фон те же объекты, что и ЕКА, за одним исключением – в функции фона никогда не используется временной период.

Для **ИКА_image** топология фигуры и фона не характерна.

5.2. Группа картин № 2 («Юдифь» Джорджоне и «Кающаяся Мария Магдалина» Тициана).

5.2.1. Конфигурационные схемы

Комплексность. Ограниченность. Отдельность.

ЕКА. Преобладает единичность: *грустная девушка с книгой смотрит в небо*. Переход от единичности к множественности при осмыслении одного и того же объекта только один: руки Марии Магдалины могут концептуализироваться либо как единичный объект (*держит руку на сердце*), либо как множественный (*полускрестив руки на груди*).

подавляющее большинство объектов концептуализируются информантами как имеющие четкие границы. Исключение составляют а) объекты, непосредственно не присутствующие в сцене, но имплицуемые – дама с мечом одолела *кого-то* (импликатура: об этом свидетельствует отрубленная голова); б) объекты, не попадающие в фокус внимания, например одежда Юдифи (девушка *в розовом* с мечом и ногой на отрубленной голове); слабо категоризируемые объекты, например *что-то странное слева* (девушка страдает, плач, темная улица, рядом бутылка пустая, книга, рука на груди, боль, *что-то странное слева*). Наконец, вся сцена может представляться как некий глобальный образ, не имеющий границ, на фоне которых выделяется единственный четкий объект – дама: *незаметный, пугающий, дама, завоевание*.

Для концептуализации головы Олоферна на картине Джорджоне используются три топологические схемы: 1) топологическая схема отчужденной части другого объекта (*отрубленная голова; оторванная голова* – имплицуется идея «отъединения» данной части от какого-то целого, которому она принадлежала); 2) неотчужденной части объекта (*наступает на голову мужчины* – при таком описании она может наступать на голову спящему совершенно «целому» мужчине); 3) описывается как отдельный объект (*валяется голова*).

Как и в предыдущих случаях, описывая картины, информанты склонны объединять человека и соположенные с ним объекты посредством топологической схемы отдельного единого, но неоднородного внутри объекта за счет атрибутивной конструкции с предлогом

с: женщина с мечом, отрубившая голову мужчине; женщина смотрит в небо с рукой у груди; очень печальная девушка с книгой на голове. Те же объекты – меч, книга, рука – могут концептуализироваться и как отдельные.

Интересны способы концептуализации ноги Юдифи (рис. 4). Нога как объект может не выделяться вовсе, но имплицироваться в объекте «тело Юдифи» (рис. 4а). Это достигается употреблением глаголов *наступить, попать*, включающих в свою семантику сему 'нога': *девушка с мечом наступает на отрубленную голову; охотница с мечом, попирающая человеческую голову.*

Нога может также осмысляться как составляющая неоднородного объекта – тела Юдифи, включающего и ногу, и меч (рис. 4б): *девушка в розовом с мечом и ногой на отрубленной голове.*

Она может концептуализироваться и как часть членимого объекта «ноги» – *одной ногой* (рис. 4в, пр. 9):

- (9) *женщина с мечом, одной ногой стоящая на человеческой голове. Рядом дуб.*

Нога может становится отдельным объектом, связь которого с Юдифью устанавливается лишь индуктивно (рис. 4г, пр. 10):

- (10) *девушка в красном халате с мечом и под ногой голова.*

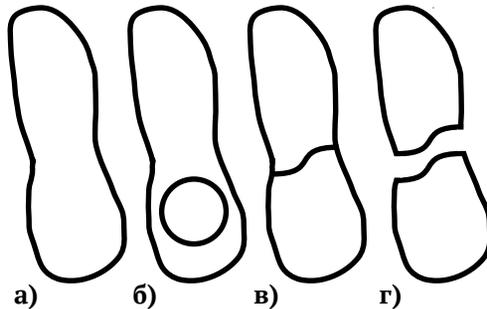

Рис. 4. Варианты концептуализации ЕКА объекта «нога» на картине Джорджоне «Юдифь»: слева направо – а) как объект не выделяется, поскольку неотделим от целого; б) составляющая неоднородного объекта «Юдифь»; в) часть объекта «Юдифь»; г) отдельный объект

При описании Марии Магдалины информанты склонны концептуализировать лицо, руки, грудь как составляющие неоднородного объекта «Мария Магдалина», о чем свидетельствует регулярное использование предлога *с*: *молящаяся некрасивая женщина со страдающим лицом; женщина смотрит в небо с рукой у груди.* Как отдельные

объекты концептуализируются ее эмоционально-волевые состояния: например, мольба (*девушка, молящая о прощении, мольба*), боль (*рука на груди, боль, что-то странное слева*). Иными словами, информанты склонны «расчленять» живой объект «Мария Магдалина», выделяя такие составляющие, как части тела, эмоции, переживания, качества личности.

ИКА_gen. Для описания картины Тициана генеративные языковые модели также используют категорию единичности, концептуализируя женщину, пещеру, череп, тень, распятие. Только два объекта концептуализируются как множественные объекты: у Яндекс GPT-3 – руки (*в руках у нее...*) и у всех моделей – волосы (*женщина с длинными волосами*). Интересно, что информанты (ЕКА) «не видели» волосы в качестве объекта ни на одной из картин. Переходов от множественности к единичности и наоборот – нет.

Модель LLama осмысляет Марию Магдалину как объект с четкими границами, выделяя только признак объекта (*полуголая*), семантика которого указывает на его принадлежность категории «человек», а грамматическая форма – на гендер: *полуголая, тень, волосы золотистые*.

Большинство моделей при описании головы Олоферна с картины Джорджоне используют преимущественно две схемы: либо голова выступает как часть неоднородного объекта «Юдифь», вследствие чего возникает когнитивный диссонанс – чья голова? (*женщина с мечом и головой*), либо как отчужденная часть другого объекта: *под ногами у нее лежит... блин, ну, голова отрубленная!* (Chat-GPT 4.0).

Генеративные языковые модели так же, как информанты, активно используют коммутативную конструкцию с предлогом *с* для концептуализации женских фигур на картинах как неоднородных объектов, включающих в себя другие объекты, например волосы или меч.

ИКА_image. При описании картины Джорджоне модели не выделяют отрубленную голову в качестве объекта, а при описании картины Тициана – «не видят» волосы. Множественность или единичность при концептуализации рук зависит от картины: концептуализируя Юдифь, модели выделяют единственную руку – ту, что держит меч (*a woman with a sword in her hand*), концептуализируя Марию Магдалину – две руки, потому что они держат книгу (*a woman with her hands over her chest, holding a book in her hands...*). Переходов между единичностью и множественностью при осмыслении одного и того же объекта нет.

Модели концептуализируют все сущности как объекты, имеющие четкие границы: *a painting of a woman holding a sword; a painting of a woman holding a book* (изображение женщины, держащей меч; изображение женщины, держащей книгу). При этом для того, чтобы

осмыслить степень отдельности объектов, они используют типичную и для обработки других изображений схему концептуализации неоднородного объекта: «X с Y, где Y – то, что X держит в руках», поэтому голова Олоферна и нога Юдифи на картине Джорджоне не попадают в поле концептуализации моделей.

5.2.2. Фигура и фон

ЕКА. Описывая данную группу картин, информанты используют не только статический фон, например элемент рельефа (гора) или временной отрезок (эпоха Возрождения) (*картина с девушкой, которая держит руку на сердце в горе; девушка с отрубленной головой эпоха Возрождения*), но и динамический: это явления природы, на фоне которых разыгрывается сцена (сумерки: *очень печальная девушка с книгой на черепе. Смеркалось*; шторм: *женщина, раздираемая внешними муками в шторм*).

ИКА_gen. Генеративные языковые модели используют только статичный фон: лес (*картина женщина с головой мужчины на блюде в лесу*), пещера (*женщина с длинными волосами в пещере*), пейзаж (*вокруг нее – пустынный пейзаж*) и др.

ИКА_image не используют схему «фигура – фон».

5.3. Группа картин № 3 (А. Ватто «Затруднительное предложение» и Д. Веласкеса «Завтрак»)

5.3.1. Конфигурационные схемы

Комплексность, ограниченность, отдельность.

ЕКА. В ответах информантов, концептуализирующих людей на картинах, категория комплексности в том смысле, как ее понимает Л. Талми, реализована во всех возможных ее вариантах и образует градуированную шкалу:

а) множественность, маркированная употреблением числительных в препозиции к существительному: *Картина, на которой три барышни и два кавалера сидят в лесу*;

б) комплексность множества единичных объектов (сыновья): *сыновья с отцом сидят за столом с едой*;

в) множественность неоднородного объекта с четкими границами (*пятеро*, которое, в отличие от числительного *пять*, обозначает концептуализацию этих пяти единиц как единого объекта): *пятеро людей на берегу*;

г) множественность неоднородного объекта с нечеткими границами (дворяне – это номинация очень широкой сословной категории): *дворяне на природе*;

д) комплексность неопределенного множества, извлеченного из другого неоднородного объекта с нечеткими границами (несколько

людей – люди представляют собой номинацию чрезвычайно широкой категории, границы которой определить пока трудно даже семантически, но при помощи неопределенного местоимения *несколько* эта категория резко сужается, из нее извлекается часть, которая, однако, не имеет четких границ): *несколько людей на опушке*;

е) комплексность подразумеваемого множества со скрытыми границами (*разговоры и застолье* только подразумевают наличие людей, но не дают указания ни на количество, ни на границы): *разговоры на природе; застолье в темноте*.

ИКА_gen. Генеративные языковые модели предлагают меньше вариантов концептуализации людей на анализируемых двух картинах:

а) единичность, передаваемая номинациями единичных объектов (*дама и кавалер*, хотя на самом деле на картине изображено пять фигур): *картина с изображением дамы и кавалера в саду*;

б) множественность неоднородного объекта с четкими границами (*парочка*): *парочка в необычном положении среди листвы*;

в) единичность, выделенная из множественности неоднородного объекта с четкими границами (*один из них...*): *группа людей за круглым столом, один из них смотрит на зрителя*;

г) комплексность подразумеваемого множества со скрытыми границами (аналогично информантам, модели используют номинации событий, которые не могли бы состояться без участия людей, но эта категория выражена имплицитно, а границы ее не заданы – *флирт и игра*): *изображение сцены флирта и игры в парке*.

ИКА_image. Модели данного типа оперируют тремя видами концептуальных структур, сочетающих в себе признаки комплексности и ограниченности:

а) множественность, маркированная употреблением числительных в препозиции к существительному: *a painting of three men sitting at a table* (<https://huggingface.co/spaces/hysts/image-captioning-with-git>) (изображение трех мужчин, сидящих за столом);

б) множественность неоднородного объекта с четкими границами: *a painting of a group of people on a bench* (<https://huggingface.co/nlpconnect/vit-gpt2-image-captioning>) (изображение группы людей на скамейке).

Если мы сделаем матрицу соответствия вариантов концептуализации, полученных в трех выборках, то получим следующее (табл. 1): для ЕКА характерны все виды выражения множественности, но отсутствуют случаи концептуализации группы персонажей на картине через категорию единичности; ИКА_image при осмыслении пространства многофигурной картины все-таки тяготеют к категории единичности или множественности неоднородного объекта, но с четкими границами; ИКА_gen занимают промежуточное положение – они так же, как ИКА_image,

тяготееют к единичности даже при осмыслении многофигурных композиций, но, с другой стороны, демонстрируют способность к актуализации категории множественности в двух ее разновидностях (множественность неоднородного объекта с четкими границами и множественность подразумеваемого множества со скрытыми границами).

Таблица 1. Реализация различных комбинаций комплексности, ограниченности, отдельности тремя типами когнитивных агентов для концептуализации объектов на картине группы 3 (группа людей)

Вид плексности/тип выборки	ЕКА	ИКА_gen	ИКА_image
Единичность (например, <i>мужчина</i>)	-	+	+
Комплексность множества единичных объектов (например, <i>сыновья</i>)	+	-	-
Множественность неоднородного объекта с четкими границами (например, <i>пятеро</i>)	+	+	+
Множественность неоднородного объекта с нечеткими границами (например, <i>дворяне</i>)	+	-	-
Комплексность подразумеваемого множества со скрытыми границами (например, <i>застолье</i>)	+	+	-
Комплексность неопределенного множества, извлеченного из другого неоднородного объекта с нечеткими границами (например, <i>несколько людей</i>)	+	-	-
Единичность, выделенная из множественности неоднородного объекта с четкими границами (например, <i>один из группы</i>)	-	+	-

Что касается ограниченности, то еще добавим, что на картине Веласкеса информанты концептуализируют темную фигуру, стоящую за столом, как объект, не имеющий четких границ: страшная картина с отцом и двумя сыновьями и *каким-то чудищем* посередине за столом. ИКА_gen эту фигуру не концептуализируют: (ChatGPT-4.o) *На заднем плане вообще ничего особенного нет, просто стена.*

Интересен пример, где сама по себе эмоциональная оценка ситуации представляется как сущность, границы которой, однако, трудно

провести: Посиделка, обычная пятница, мрак, застолье, пьянка, *вроде весело, а вроде плакать хочется*.

У моделей такой неопределенной концептуализации не встречается.

Для осмысления отдельности объектов и информанты, и модели пользовались схемой «X с Y, где Y – то, что находится рядом с X, а X – одушевленная или неодушевленная сущность»: *человек с бутылкой; мальчик с колбой; за столом с едой; небо с облаками; подносы с едой* (ChatGPT-4.0); *a painting of four people sitting on the ground with trees in the background* (<https://huggingface.co/spaces/hysts/InstructBLIP>) (изображение четырех людей, сидящих на земле, с деревьями на фоне).

5.3.2. Фигура и фон

ЕКА. В качестве фона для концептуализируемой сцены выступают как природные объекты, так и временные отрезки: *картина XVII в. на природе; разговоры на природе XVII в.*

ИКА_gen. Генеративные языковые модели концептуализируют в качестве фона как натурфакты, так и артефакты: *парочка в необычном положении среди листвы; ...архитектурные элементы на фоне.*

ИКА_image. Модели не используют схему «фигура – фон».

Обсуждение

Последовательно рассмотрим сначала специфику реализации конфигурационных структур у трех типов когнитивных агентов, а затем – особенности реализации схемы «фигура – фон».

Комплексность. У ЕКА наблюдаем большую гибкость переходов от единичности к множественности для концептуализации одного и того же объекта, чем у ИКА_gen и ИКА_image: если первые с известной степенью регулярности могут осмыслять объект, как вычленив его из группы (принцип селективности), так и объединяя его с другими (принцип группировки), то ИКА_gen способны производить такие трансформации лишь в редких случаях, а ИКА_image предпочитают концептуализировать всякий объект как единичный.

Ограниченность. ЕКА могут концептуализировать как всю сцену, так и любой объект в ней, в том числе – временные интервалы, мыслимые как сущности, в качестве объектов с нечеткими границами. Для того чтобы объект был концептуализирован как тот, у которого нечеткие границы, достаточно, чтобы он рассматривался ЕКА как «неважный», «незнакомый», «неопознанный». Степень размытости границ может варьировать: от практически отсутствующих,

но имплицитных границ (*флирт* – значит где-то есть категория с размытыми границами «люди») до эксплицитно нечетких границ (*что-то странное*). При этом нередко объекты концептуализируются как слабо очерченные составляющие неоднородного объекта с нечеткими границами (*несколько людей*) – получается некая «пирамида неопределенностей», которая тем не менее попадает «в кадр» концептуализации.

ИКА_gen прибегают к концептуализации объекта на картине как объекта с нечеткими границами в редких случаях: когда модели галлюцинируют и описывают то, чего на изображении нет, и когда пытаются определить сцену целиком (*сцена флирта*). В остальных же случаях ИКА_gen концептуализируют объекты как имеющие четкие, а в ряде случаев – подчеркнута четкие границы.

Аналогичная характеристика справедлива и для ИКА_image, которые в нашем материале ни разу не использовали концептуализацию сущности как объекта с нечеткими границами.

Отдельность. Все три выборки – ЕКА, ИКА_gen и ИКА_image – объединяет то, что они склонны объединять несколько соположенных в пространстве объектов в один, представляемый как неоднородный (*женщина с мечом, ваза с цветами*). Однако только ЕКА способны объединять сущности в один объект по принципу ситуативной субъективной близости – они могут находиться довольно далеко друг от друга в пространстве картины, но попадать в одно «окно внимания» Наблюдателя в силу того, что Наблюдатель «связал» их субъективно значимой связью. ИКА_gen концептуализируют как единый неоднородный объект целое и его части, а ИКА_image – человека и отличительную яркую деталь его гардероба или человека и предмет, который он держит в руках.

Другие важные особенности концептуализации пространства когнитивными агентами разных типов становятся заметны, когда речь идет о концептуализации объектов, находящихся друг с другом не только в пространственных, но и в причинно-следственных отношениях (например, Юдифь сначала убила Олоферна и теперь попирает его голову). В этом непростом случае только ЕКА демонстрируют бóльшую гибкость в способах концептуализации головы Олоферна как следствия убийства и ноги Юдифи – как символа победы убийцы. Когда Наблюдатель фиксируется на голове как следствии убийства, она концептуализируется как часть, отчужденная от другого объекта (*отрубленная голова – ее отрубили от тела*); когда такой фиксации нет – как неотчужденная часть объекта (голова мужчины) или как отдельный объект (*валяется голова*). Нога же может вообще не выделяться, ни как объект, ни как его часть (Юдифь попирает...), быть составляющей неоднородного объекта «Юдифь» (женщина с ногой на голове...), частью объекта «Юдифь» (нога женщины на голове...), отдельным объектом (нога на голове).

Можно предположить, что в первом случае Наблюдатель осознает ответственность мифологического персонажа за убийство, в каждом последующем случае – все в меньшей степени, и наконец – в последнем случае не связывает причину и следствие вовсе.

Интересно, что ИКА_image голову и ногу в этом случае вообще не «замечают», фиксируясь на мече, который женщина держит. ИКА_gen хотя и используют несколько способов концептуализации отрубленной головы, как правило, не имплицитуют причинно-следственные связи. Только одна модель из пяти (ChatGPT-4.o) концептуализировала голову как отчужденную от некоторого другого объекта, имплицитовав идею убийства.

ЕКА активно пользуются концептуальной схемой «фигура – фон», где в качестве фона могу выступать не только натурфакты (*лес, небо, пещера* и т.д.), но и артефакты (*комната*), а также временные отрезки (*XVIII в., эпоха Возрождения*) и динамические состояния природы (*смеркалось*). ИКА_image вообще не задействуют схему «фигура – фон», ИКА_gen используют в качестве фона только натурфакты и артефакты, никогда – время или динамическое состояние природы, ситуацию.

Если мы сравним между собой отличия в топологических схемах, используемых для концептуализации трех групп картин, то можно отметить следующее.

Для концептуализации картин, изображающих отдельную фигуру в некотором предметном окружении (группа 1), все группы когнитивных агентов используют наиболее разнообразные из доступных им схемы концептуализации объектов, связанные с различением «фигура и фон».

Для концептуализации сущностей на картинах, изображающих отдельную фигуру, включенную в сложную символически нагруженную ситуацию (группа 2), две из трех групп когнитивных агентов (ЕКА и ИКА_gen) фокусируются на схемах концептуализации степени *отдельности* объектов, но наибольшим разнообразием концептуальных схем этого типа отличаются естественные когнитивные агенты.

Для концептуализации объектов в многофигурных композициях все виды когнитивных агентов активнее, чем в других группах, используют топологические схемы *комплексности* и *ограниченности*.

Заключение

В целом мы наблюдаем наибольшее отличие между способами осмысления пространства, используемыми ЕКА и ИКА_image, что, как представляется, связано с тем фактом, что ЕКА и ИКА_image являются двумя разными типами Наблюдателей. ЕКА обладает

когнитивной системой интегративного типа, глубоко фундированной в телесности (т.е. воплощенной, см., например, [Chemero, 2011]) и одновременно способной благодаря языку формировать вокруг себя поле «вторичных консенсуальных взаимодействий» [Kravchenko, 2007; Кравченко, 2022], т.е. взаимодействий с объектами, которые отсутствуют в поле непосредственного восприятия, но их как бы можно «опредметить» и поместить в это поле, манипулируя соответствующими языковыми знаками. Кроме того, ЕКА обладают развитыми навыками когнитивной и социальной эмпатии [Filimon et al., 2007]. ИКА_image также берут на себя все полномочия Наблюдателя, но не обладают при этом ни телесностью, ни способностью к социальному предвосхищению, ни интегративностью. Их удел пока – это «наблюдение» того, что «вложено» разработчиками в выборки данных, использованные для обучения моделей, а также типовые фреймы «восприятия», от которых модели отклониться не могут.

Иной случай – ИКА_gen. Это модели, которые не берут на себя роль Наблюдателя – они просто интерпретируют связи и паттерны, заключенные в текстах, порожденных ЕКА и отражающих вербализованный опыт осмысления пространства ЕКА, и на этой основе порождающие свои, по сути, вторичные концептуализации пространства. Именно поэтому, как представляется, они достигают большего успеха, чем ИКА_image.

Тем не менее в своих попытках осмыслить пространство ни ИКА_image, ни ИКА_gen не обнаруживают ряда признаков, свойственных ЕКА и, по-видимому, представляющих собой косвенные свидетельства того, что Т. Нагель называл ощущением «каково это – быть данным организмом». Среди специфических для ЕКА признаков осмысления объекта в пространстве – модальность неуверенности, проистекающая от субъективного ощущения «незнания»; субъективная перцептивность в объединении разных объектов в случайную конфигурацию «единый, но неоднорный объект» по принципу «бриколажа», хорошо описанному в штудиях по мифопоэтическому мышлению; понимание зависимости восприятия от времени и эпохи (юноша/девушка с лютней); способность к опредмечиванию времени и эмоций; способность имплицировать непосредственно не данные в изображении связи между объектами. Иными словами, именно перечисленные признаки в текстовой продукции ЕКА демонстрируют на нашем локальном материале свидетельства присутствия познающего субъекта, обладающего сознанием.

Перспективу исследования составляет дообучение предобученной для русского языка Большой языковой модели на датасете описаний картин, полученных от информантов, для дальнейшего использования в задаче генерации описаний картин из коллекции Государственного Эрмитажа.

Список литературы

Витяев и др., 2020 – *Витяев Е.Е., Гончаров С.С., Свириденко Д.И.* О задачном подходе в искусственном интеллекте и когнитивных науках // *Сибирский философский журнал*. 2020. № 2. С. 5–29. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-2-5-29>

Калуцкая, 2010 – *Калуцкая А.П.* Моделирование информационного взаимодействия когнитивного агента с внешней средой на основе псевдофизических логик и обобщенных ограничений: автореф. ... канд. тех. наук. М., 2010. 25 с.

Касавин, 2024 – *Касавин И.Т.* Эпистемический лидер в динамике культуры. Пример искусственного интеллекта // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2024. Т. 7. № 1. С. 62–73. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-1-62-73.

Кравченко, 2022 – *Кравченко А.В.* Экологическая парадигма в исследованиях языка: смена познавательных установок // *Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография / Под ред. А.П. Сквородникова, Г.А. Копниной*. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 5–27.

Поспелов, 1986 – *Поспелов Д.А.* Ситуационное управление. Теория и практика. М.: Наука, 1986. 288 с.

Прасолов, 2012 – *Прасолов В.В.* Наглядная топология. М., 2012. 112 с.

Рахилина, 2002 – *Рахилина Е.В.* Основные идеи когнитивной семантики // *Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления*. М., 2002. С. 370–388.

Скребцова, 2018 – *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: ЯСК, 2018. 391 с.

References

Vityaev, E.E., Goncharov, S.S., Sviridenko, D.I. “O zadachnom podkhode v iskusstvennom intellekte i kognitivnykh naukakh” [On the Problem Approach in Artificial Intelligence and Cognitive Sciences], *Sibirskii filosofskii zhurnal* [Sibirskii filosofskii zhurnal], 2020, no. 2, pp. 5–29. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-2-5-29>. (In Russian)

Kalutskaya, A.P. *Modelirovanie informatsionnogo vzaimodeistviya kognitivnogo agenta s vneshnei sredoi na osnove psevdofizicheskikh logik i obobshchennykh ogranichenii*: avtoref. ... kand. tekh. nauk [Modeling of Information Interaction of a Cognitive Agent with the External Environment Based on Pseudophysical Logics and Generalized Constraints: Abstract of the Candidate of Technical Sciences]. Moscow, 2010. (In Russian)

Kasavin, I.T. “Jepistemicheskij lider v dinamike kul'tury. Primer iskusstvennogo intellekta” [Epistemic Leader in the Dynamics of Culture. Example of Artificial Intelligence], *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2024, vol. 7, no. 1, pp. 62–73. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2024-7-1-62-73>. (In Russian)

Kravchenko, A.V. “Ekologicheskaya paradigma v issledovaniyakh yazyka: smena poznavatel'nykh ustanovok” [The Ecological Paradigm in Language Research:

Changing Cognitive Attitudes], in: A.P. Skovorodnikov, G.A. Kopnina (eds.): *Lingvo-ekologiya: problemy i puti ikh resheniya* [Linguoecology: Problems and Solutions]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2022, pp. 5–27. (In Russian)

Pospelov, D.A. *Situatsionnoe upravlenie. Teoriya i praktika* [Situational Management. Theory and Practice]. Moscow: Nauka, 1986. (In Russian)

Prasolov, V.V. *Naglyadnaya topologiya* [Visual Topology]. Moscow, 2012, 112 pp. (In Russian)

Rakhilina, E.V. “Osnovnye idei kognitivnoi semantiki” [The Main Ideas of Cognitive Semantics], in: *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamental'nye napravleniya* [Modern American linguistics: Fundamental directions]. Moscow, 2002, pp. 370–388. (In Russian)

Skrebtsova, T.G. *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody* [Cognitive Linguistics: Classical Theories and New Approaches]. Moscow: YaSK, 2018. (In Russian)

Chemero, 2011 – Chemero, A. *Radical Embodied Cognitive Science*. MIT Press, 2011.

Filimon, Nelson, Hagler, Sereno, 2007 – Filimon, F., Nelson, J.D., Hagler, D.J., & Sereno, M.I. “Human Cortical Representations for Reaching: Mirror Neurons for Execution, Observation, and Imagery”, *NeuroImage*, 2007, no. 37 (4), pp. 1315–1328. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2007.06.008>.

Ji, Elmoznino, Deane et al. – Ji, X., Elmoznino, E., Deane, G., Constant, A., Dumas, G., Lajoie, G., Simon, J., Bengio, Y. Sources of Richness and Ineffability for Phenomenally Conscious States // arXiv:2302.064032023. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2302.064>

Kravchenko, 2007 – Kravchenko, A.V. “Essential Properties of Language, or, Why Language Is Not a Code”, *Language Sciences*, 2007, vol. 29, no. 5, pp. 650–671. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2007.01.004>

Lillicrap, Santoro et al., 2020 – Lillicrap, T., Santoro, A., Marris, L., Akerman, C.J., Hinton, G. “Backpropagation and the Brain”, *Nat Rev Neurosci*, 2020, no. 21 (6), pp. 335–346. DOI: 10.1038/s41583-020-0277-3.

Maturana, Varela, 1987 – Maturana, H.R., Varela, F.J. *The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding*. Boston: Shambhala Publications, 1987.

Nagel, 1974 – Nagel, T. “What Is It Like to Be a Bat?”, *The Philosophical Review*, 1974, no. 83 (4), pp. 435–450.

Russell, Norvig, 2020 – Russell, S., Norvig, P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*, Pearson, 4th Edition, 2020.

Schatten, Đurić, Peharda, 2021 – Schatten, M., Đurić, B. O. and Peharda, T. “A Cognitive Agent for University Student Support”, *2021 IEEE Technology & Engineering Management Conference – Europe (TEMSCON-EUR)*, Dubrovnik, Croatia, pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1109/TEMSCON-EUR52034.2021.9488627>.

Talmy, 2000a – Talmy, L. *Towards a Cognitive Semantics*. Vol. 1. Concept Structuring Systems. MIT Press, 2000.

Talmy, 2000b – Talmy, L. *Towards a Cognitive Semantics*. Vol. 2. Typology and Process in Concept Structuring. MIT Press, 2000.

Talmy, 2018 – Talmy, L. *The Targeting System of Language*. MIT Press, 2018.

Touvron, Lavril, Izacard et al., 2023 – Touvron, H., Lavril, T., Izacard, G, Martinet, X., Lachaux, M.-A., Lacroix, T., Rozière, B., Goyal, N, Hambro, E., Azhar, F.,

Rodriguez, Au., Joulin, A., Grave, E., and Lample, G. “Llama: Open and Efficient Foundation Language Models”. *ArXiv*, abs/2302.13971, 2023. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2302.13971>.

Xue, Shu, Awadalla et al., 2024 – Xue, L., Shu, M., Awadalla, A., Wang, J., Yan, A., Purushwalkam, S., Zhou, H., Prabhu, V., Dai, Y., Ryoo, M.S., Kendre, Sh., Zhang, J., Qin, C., Zhang, Sh., Chen, Ch.-Ch., Yu, N., Tan, J., Manoj, T., Heinecke, Sh., Wang, H., Choi, Y., Schmidt, L., Chen, Z., Savarese, S., Niebles, J.-C., Xiong, C., Xu, R. *xGen-MM (BLIP-3): A Family of Open Large Multimodal Models*. arXiv:2408.08872v2. 2024.

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

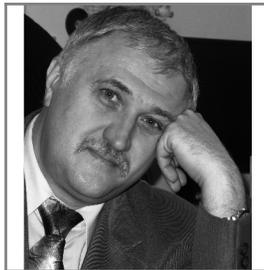
ХИЛАРИ ПАТНЭМА: ИЛИ ПАТНЭМ ПРОТИВ ПАТНЭМА

Бакулов Виктор Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки. Институт философии и социально-политических наук, Южный Федеральный Университет. Российская Федерация, 344065, г. Ростов-на-Дону, Днепроvский пер., д. 116; e-mail: vdbakulov@sfedu.ru, viktor_bakulov@mail.ru

Мельников Данил Романович – студент. Институт философии и социально-политических наук, Южный Федеральный Университет. Российская Федерация, 344065, г. Ростов-на-Дону, Днепроvский пер., д. 116; e-mail: dame@sfedu.ru, ddan@list.ru

В статье производится реконструкция эволюции философии сознания Хилари Патнэма. Анализируются два периода творчества философа – ранний и поздний – для выявления ключевых идей философии сознания Патнэма в каждом из них. Ранний период характеризуется разработкой функционалистского подхода к трактовке ментальных состояний. Согласно функционализму, ментальные состояния необходимо объяснять в терминах их функций в рамках каузальной цепи переработки информации. Поворотным моментом, определившим разделение на ранний и поздний периоды философии сознания Патнэма, стала разработанная философом концепция семантического экстернализма, согласно которой содержание ментальных состояний, по крайней мере частично, определяется внешними факторами. Экстерналистские выводы противоречили индивидуализированным представлениям функционализма, поэтому философ стал одним из главных критиков направления, у истоков которого находился. В то же время нельзя сказать, что разрыв произошел окончательно. Поздний период характеризуется отходом от трактовки сознания как феномена имманентного, независимого от внешнего мира. Еще одной особенностью позднего периода является обращение философа к проблеме восприятия, в рамках которой разрабатывается подход под названием «транзакционализм». Отличительной чертой транзакционализма является попытка согласовать феноменализм с идеей о квалиа и наивно-реалистическую трактовку субъект-объектных отношений. В заключении предпринимается попытка осмыслить парадигмальное значение эволюции идей Патнэма. Делается вывод, что методологический урок, который дает анализ эволюции Патнэма от раннего к позднему, может позволить выявить противоречия современных философских дискуссий, посвященных природе сознания, представить философию сознания как развивающийся процесс, каждый из этапов которого содержит в себе важные концептуальные и методологические составляющие.

Ключевые слова: Х. Патнэм, философия сознания, сознание, восприятие, квалиа, функционализм, экстернализм, транзакционализм

THE EVOLUTION OF HILARY PUTNAM'S PHILOSOPHY OF MIND: OR PUTNAM AGAINST PUTNAM

Viktor D. Bakulov – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science. Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, 116 Dneprovsky lane, Rostov-on-Don 344065, Russian Federation; e-mail: vdbakulov@sfnedu.ru, viktor_bakulov@mail.ru

Danil R. Melnikov – Student. Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, 116 Dneprovsky lane, Rostov-on-Don 344065, Russian Federation. e-mail: dame@sfnedu.ru, ddanl@list.ru

The aim of the article is to analyze Hilary Putnam's philosophy of mind. The early and late periods of the philosopher's work are analyzed to identify the key ideas of Putnam's philosophy of mind in each. The early period is characterized by the development of a functionalist approach to the interpretation of mental states. According to functionalism, mental states must be explained in terms of their functions. The turning point that defined the division into early and late periods of Putnam's philosophy of mind was the philosopher's concept of semantic externalism, according to which the content of mental states is determined by external factors. The externalist conclusions ran counter to the individualist ideas of functionalism, which is why the philosopher became one of the main critics of the movement he was at the origin of. However, it cannot be said that the rupture was final. The late period is characterized by a shift away from treating mental states as independent of the external world. Another feature of the late period is the philosopher's focus on the problem of perception, which develops an approach called "transactionalism". A distinctive feature of transactionalism is the attempt to reconcile phenomenalism and the idea of qualia with naïve realism. It concludes with an attempt to reflect on the paradigmatic significance of the evolution of Putnam's ideas. It is concluded that the methodological lesson to be drawn from the analysis of Putnam's evolution, his critical analysis and self-criticism will reveal the contradictions of contemporary philosophical discussions.

Keywords: Hilary Putnam, philosophy of mind, consciousness, perception, qualia, functionalism, externalism, transactionalism

Хилари Патнэм как оригинальный и глубокий философ сознания

Хилари Патнэм (1926–2016) – мыслитель, оказавший существенное влияние на аналитическую философию. С исследовательской точки зрения философ интересен и известен не только фундаментальностью и оригинальностью своих взглядов, – действительно, Патнэм за свою долгую жизнь сумел оставить след в освещении многих классических философских вопросов, – но также своей научной добросовестностью. Взгляды Патнэма в процессе его деятельности претерпевали значительные изменения, и, конечно, эти метаморфозы происходили под воздействием критики со стороны его оппонентов. Однако главным критиком теоретических построений Патнэма являлся сам Патнэм. Как метко замечает И.Д. Джохадзе, одним из наиболее часто употребляемых словосочетаний в работах Патнэма является оборот «я ошибался...» [Джохадзе, 2017, с. 160]. В этом смысле

довольно точна характеристика В.В. Васильева, назвавшего Патнэма «знаменитым гарвардским Протеом аналитической философии» [Васильев, 2009, с. 27]. Гарвардский философ, в свою очередь, отвечает на подобные замечания тем, что философия – это не та дисциплина, которая приводит к окончательным решениям, и если философу удалось внести вклад в диалог, длящийся тысячелетия, то он делает свою работу правильно [Putnam, 1988, р. xii]. На наш взгляд, Хилари Патнэму на собственном примере удалось продемонстрировать истинность этой мысли.

В данной статье нашей главной целью является, с одной стороны, продемонстрировать существование зачастую неочевидной преемственности, о которой писал и сам Патнэм [Putnam, 2012, р. X], с другой, учитывая эту преемственность, исследовать отличающиеся в содержательном плане периоды его философского творчества – раннего и позднего. Осмысление наследия философа именно в таком контексте обусловлено тем, что в изучении философии Патнэма содержательно-смысловой срез эволюции его взглядов и сравнительный анализ этих изменений имеет большее значение, нежели подробная периодизация его интеллектуальной биографии. Подобный анализ имеет не только теоретическое значение, но и содержит в себе существенный методологический урок.

Стоит также отдельно отметить, что речь будет идти, как становится ясно из названия статьи, преимущественно о философии сознания Патнэма. Обращение именно к этому аспекту философской системы Патнэма вызвано тем, что при анализе работ философа особое внимание обычно уделяется другим смысловым пластам исследований, и прежде всего представлениям о реализме. Выражаясь словами Л.Б. Макеевой, реализм выступает «связующей темой в творчестве Патнэма» [Макеева, 1996, с. 5]. Самыми показательными являются рассуждения самого философа на этот счет [Putnam, 2012, р. 51–71]. При этом нельзя сказать, что философия сознания Патнэма обделена вниманием российскими философами. В конце 90-х гг. прошлого века в нашей стране был издан сборник работ Патнэма, посвященных проблеме сознания. В предисловии этого сборника Л.Б. Макеева лаконично излагает основные изменения философии сознания раннего Патнэма [Макеева, 1999, с. 7–22]. Другим специалистом по философии Патнэма, И.Д. Джохадзе, в монографии «Прагматический реализм Хилари Патнэма» анализируются ключевые для поздней философии сознания идеи исследователя [Джохадзе, 2013, с. 57–70]. Однако критичность философа к собственным взглядам в некотором смысле сыграла с ним злую шутку: может создаться впечатление, что изменение взглядов Патнэма – не эволюция идей, а стихийная смена позиций. Вместе с тем однозначно Патнэма следует отнести к систематическим философам. Более 20 лет назад на данное обстоятельство обратил внимание М.В. Лебедев

в послесловии перевода книги Патнэма «Разум, истина и история». Лебедев пишет: «Каковы отношения между нашим восприятием и действительностью? Каковы отношения между сознанием и телом? Каким образом мы придаем значение выражениям нашего языка? На основании чего мы заключаем о мире? Наконец, в чем состоит истинность и является ли истина свойством и отношением? Эти традиционные вопросы всегда были и остаются темой философских дебатов. Сразу же бросающаяся в глаза – и в самом деле поразительная – особенность книги Хилари Патнэма “Разум, истина и история” состоит в том, что он показывает единство этих вопросов» [Лебедев, 2002, с. 283]. Приведенная интерпретация, как, собственно, и дальнейшие рассуждения Лебедева, которые мы находим в послесловии, можно целиком отнести и к философии Патнэма последних лет. В этом, возможно, и заключается уникальность и в то же время парадоксальность философии Патнэма: несмотря на множественные изменения она все же остается целостной системой. Именно поэтому, на наш взгляд, важно осуществить последовательный анализ и сопоставление ключевых идей философии сознания Патнэма, начиная с ранних работ и заканчивая поздними. В свою очередь, осмысление идей Патнэма и уточнение имеющихся представлений о философе будет важным шагом на пути понимания актуальных проблем современной философии сознания.

Философ М. де Гейнесфорд указывает, что Патнэм ответственен за несколько «сейсмических сдвигов» в философском дискурсе его времени: за разработку функционализма в отношении ментальных феноменов и экстернализма в отношении значения [De Gaynesford, 2006, p. 1]. Эти два теоретических конструкта – функционализм и семантический экстернализм – являются фундирующими стержнями его философии сознания (хотя в несколько разных смыслах) и поэтому будут проанализированы нами в первую очередь¹.

Ранний Патнэм: у истоков когнитивной революции

В середине прошлого века, когда формировались философские взгляды раннего Патнэма, доминировали два подхода к проблеме сознания – бихевиоризм, рассматривающий ментальное состояние как

¹ Обратим внимание на актуальность и влияние на современную философию сознания идей Патнэма. Как показывает недавний опрос, проведенный Д. Бурже и Д. Чалмерсом, в отношении ментального содержания большинство философов занимают экстерналистскую позицию; в случае с подходами к проблеме сознания функционализм занимает лидирующую позицию [Bourget, Chalmers, 2023].

поведенческую предрасположенность, и теория тождества, устанавливающая равенство между сознанием и мозгом. Патнэм, подвергнув критике оба этих подхода, предложил собственную альтернативу.

Бихевиоризм, по мнению Патнэма, сталкивается с рядом непреодолимых трудностей, хотя на первый взгляд может показаться, что эта теория обладает преимуществом: она согласуется со способом определения ментального состояния, в котором находится организм. И действительно, мы понимаем, что человеку больно или радостно, по его специфическому поведению. Критикует это «преимущество», как и сам подход, Патнэм следующим образом: «Когда мы говорим, что животное испытывает боль, на практике мы ничего не знаем о состоянии его мозга; также нам практически ничего не известно о его функциональной организации, кроме самых общих и интуитивных представлений. Но это “преимущество” вовсе не является таковым: хотя утверждение о том, как мы определяем, что *x* является *A*, имеет много общего с тем, к чему сводится понимание того, что такое *A*, оно почти ничего не говорит о том, что *есть* свойство *A*» [Putnam, 1975, p. 437–438]. Иными словами, поведенческие реакции играют ключевую роль в определении (с позиции третьего лица) ментального состояния, в котором находится наблюдаемый агент, однако природа ментального состояния не может быть объяснена лишь указанием на способ проявления этого ментального состояния. В качестве наглядной аргументации Патнэм приводит мысленный эксперимент о «супер-спартанцах» [Ibid., p. 335–341]. Философ предлагает представить народ, взрослое население которого по культурно-идеологическим причинам научилось не проявлять поведенческие признаки болевого состояния, при этом испытывая весь характерный для данного ментального состояния спектр ощущений. Как считает Патнэм, последовательный бихевиорист должен заключить, что «супер-спартанцы» не ощущают боли, что, конечно, не соответствует действительности.

Исключив истинность бихевиоризма, Патнэм приходит к выводу, что «более правдоподобно было бы отождествить ощущение боли не с поведенческой предрасположенностью, а с некоторым состоянием – состоянием мозга или функциональным состоянием – которое объясняет эту предрасположенность» [Ibid., p. 439]. Из приведенной цитаты можно заключить, что Патнэм образца 60-х гг. видел два возможных объяснения ментального. Между тождествами «ментальное состояние – состояние мозга» и «ментальное состояние – функциональное состояние» Патнэм предпочел второе.

В качестве критики теории тождества Патнэм предложил аргумент, который стал концептуальной основой функционализма и впоследствии получил название принципа «множественной реализуемости». Суть этого аргумента заключается в следующем: отождествляя ментальное состояние – к примеру, боль – с нейрофизиологическим

состоянием – с возбуждением С-волокон, – должны ли мы признать, что существа с иным устройством центральной нервной системы не смогут испытывать боль? Поскольку известно, что многие виды земных организмов способны испытывать боль, постольку, по мысли Патнэма, теоретик тождества должен определить универсальное физико-химическое состояние для всех организмов, которые могут находиться в соответствующем ментальном состоянии. Вполне возможно, что в будущем такое состояние будет найдено, но предпочтительней для Патнэма оказалась другая гипотеза. Философ вводит понятие функционального изоморфизма, применяющееся для обозначения тех систем, между состояниями которых существует соответствие, предполагающее сохранение функциональных отношений [Putnam, 1975, p. 291]. Принципом множественной реализуемости, основанным на функциональном изоморфизме, постулируется, что одни и те же ментальные состояния могут быть реализованы на различных по своим физическим основам системах. Поэтому объяснимо, почему существа с другим устройством центральной нервной системы все же будут испытывать боль. В этом смысле, по выражению Патнэма, «мы могли бы быть сделаны из швейцарского сыра, и это не имело бы значения» [Ibid., p. 291].

На множественной реализуемости основано функционалистское понимание ментальных состояний. Суть этого подхода заключается в отождествлении ментальных состояний с конкретными ролями, которые они выполняют в каузальной цепи переработки информации. Иными словами, ментальные состояния определяются не загадочными внутренними состояниями, а функциями, переводящими стимулы в поведенческие реакции. Патнэм предложил вариант функционализма, который в исследовательской литературе получил название «функционализм машинных состояний». Базируясь на компьютерной метафоре, т.е. на представлении о том, что наш мозг – «железо» компьютера, а сознание – «софт», Патнэм-функционалист считал, что ментальные состояния по своей природе являются вычислительными, как, собственно, и программа компьютера². Аргументация раннего Патнэма строилась на сравнении ментальных состояний человека и состояний машины Тьюринга – устройства, состоящего из машинной ленты, сканера и печатающего механизма. По своей сути машина Тьюринга является простым компьютером, который может получать и анализировать данные, а также выводить проанализированную информацию. С помощью сканера и печатного механизма осуществляется «ввод» и «вывод» данных, которые считываются и заносятся на машинную ленту. Машинная лента разделена на отдельные клетки,

² Философ не сразу пришел к такому тождеству. В статье 1960 г. «Сознание и машины» Патнэм указывает лишь на полезность сравнения ментальных и вычислительных состояний [Putnam, 1975, p. 362–385].

в каждой из которых может быть напечатана команда, состоящая из последовательности символов из заданного машинного алфавита.

По задумке Патнэма, машина Тьюринга полностью описывается машинной таблицей, т.е. ее внутренние состояния определяются различными символьными манипуляциями и считыванием клеток, в соответствии с которыми определяется команда. Патнэм-функционалист считал, что психика человека устроена аналогичным образом и может быть понята на двух уровнях: физико-химическом (мозг, машина Тьюринга) и программном (ментальные состояния, машинная таблица)³. Осмысление этого периода творчества примечательно тем, что вычислительно-функционалистские идеи Патнэма сыграли ключевую роль в когнитивной революции, а их развитие его последователями – в частности, Дж. Фодором – легли в основу формирующейся когнитивной науки.

Патнэм против Патнэма: от редукционизма к холизму

Отношение Патнэма к функционализму со временем изменилось: философ стал одним из главных критиков подхода, основоположником которого сам являлся (см. [Патнэм, 2005]). Уже в статье 1973 г. «Философия и наша ментальная жизнь» Патнэм приходит к выводу, что отождествлять ментальные состояния и состояния машины Тьюринга ошибочно. Он показывает, что заключение о таком тождестве основано на двух несоответствиях:

1) машина Тьюринга в любой данный момент времени может находиться лишь в одном состоянии, тогда как человек способен пребывать в нескольких ментальных состояниях (например, одновременно ощущать боль и испытывать желание съесть пирог);

2) состояние машины Тьюринга, в отличие от состояний человека, является мгновенным: на него не влияют обучение и память [Putnam, 1975, p. 298–299].

Осознание этих несоответствий стало отправной точкой для критического переосмысления Патнэмом функционализма⁴.

³ Впоследствии Патнэм расширяет понятие машины Тьюринга до понятия «вероятностный автомат». Отличие заключается в том, что машина Тьюринга – детерминистская система, т.е. машина точно переходит из одного состояния в другое в соответствии с таблицей. В случае с вероятностным автоматом допускается переход в состояния с различными степенями вероятности [Putnam, 1975, p. 433–434].

⁴ Также важно учитывать экзистенциальный и социально-политический контекст, в котором работал Патнэм в этот период (см. [Dennett, 2023, p. 64, 108; Conant, 2022, p. 8–9]).

Вместе с тем, несмотря на то, что в последующих работах критический настрой Патнэма относительно функционализма усиливался, верность множественной реализуемости оставалась для философа непоколебимой. Более того, этот аргумент сыграл свою роль и в критике функционализма. Патнэм, как он сам пишет, осуществляет здесь прием, характерный для последователей джиу-джитсу, обращая силу противника против него самого: философ расширяет изначальный аргумент против теоретиков тождества и утверждает, что раз различные состояния вычислительной машины могут реализовать конкретное ментальное состояние, то сознание не может быть отождествлено с вычислительными состояниями. Иными словами, ментальные состояния не тождественны вычислительным, т.к. могут быть реализованы различными «программами» [Putnam, 1988]. Сама же цель принципа множественной реализуемости заключается в том, чтобы продемонстрировать автономность ментальной жизни. Патнэм выразил эту мысль следующим образом: «...субстанция, из которой мы состоим, не накладывает никаких первопорядковых ограничений на нашу форму. И то, что нас действительно интересует, как это видел Аристотель, – форма, а не материя. Вопрос не в том, что есть материя, а в том, что есть наша интеллектуальная форма. И чем бы ни была наша субстанция – душевным веществом (soul-stuff), материей или швейцарским сыром, – она не накладывает никаких содержательных первопорядковых ограничений на ответ» [Putnam, 1975, p. 302]. Такое автономное понимание области ментального является одной из основных идей философии сознания Патнэма.

К 90-м гг. прошлого века разрыв с машинным функционализмом произошел окончательно⁵. Кроме уже приведенных нами причин, отказ от функционализма связан с разработкой концепции экстернализма⁶. Экстернализм в философии сознания – подход, согласно которому ментальные состояния зависят от внешних по отношению к субъекту факторов и не могут определяться исключительно внутренними свойствами организма. Идеи Патнэма легли

⁵ Основные идеи критики прошлой позиции можно увидеть в статье Патнэма с говорящим названием «Почему функционализм не сработал?» [Putnam, 1995, p. 441]. Также особо примечательным является автобиографический анализ Патнэмом собственной эволюции взглядов на функционализм [Putnam, 2012, p. 608–623; Putnam, 2016, p. 165–168].

⁶ Экстерналистская концепция Патнэма была разработана в контексте дискуссии о природе значения, однако ее выводы применимы и к философии сознания, о чем впоследствии писал сам автор [Putnam, 2016, p. 210]. Тимоти Уильямсон демонстрирует эту мысль, распространяя выводы семантического экстернализма на различные ментальные состояния [Williamson, 2006]. Подробный анализ теории значения Патнэма в русскоязычной исследовательской литературе представлен довольно полно [Макеева, 1997; Джохадзе, 2017].

в основу семантического экстернализма, выводы которого позволили продемонстрировать, если выразиться словами самого автора, что «“значения” просто не в голове» [Putnam, 1975, p. 227]. Аргументы сторонников рассматриваемого варианта экстернализма строятся на идеализациях, в которых внутреннее состояние субъекта остается неизменным, в то время как меняется элемент внешней среды, что, в свою очередь, влияет на содержание ментальных состояний. Классическим примером экстерналистской аргументации является широко известный мысленный эксперимент Патнэма о «Двойнике Земли», который во многом определил дальнейшее развитие философии сознания позднего периода исследовательского творчества философа [Ibid., p. 223–227]. Из этого аргумента следует ключевой для построений Патнэма тезис: содержание ментальных состояний зависит от каузальных отношений (природных и социальных) субъекта с внешним миром, а сами ментальные состояния не могут быть детерминированы лишь физико-химическими и функциональными состояниями головного мозга и центральной нервной системы.

Примерно с 2010 г. Патнэм стал называть свою позицию «либеральным функционализмом». Отвергая интерналистские и редукционистские выводы функционализма «в узком смысле», Патнэм оставался сторонником функционализма «в широком смысле» (или функционализма с «длинными руками»), подчеркивая, что необходимо понимать сознание в терминах его внешних и внутренних функций (соответственно, для ментальных состояний важны именно функциональные способности) [Putnam, 2012, p. 625; De Caro, 2018, p. 157–159]. В таком понимании функционализма аристотелевская идея о том, что нам следует исследовать форму, а не материю, – главный постулат либерального функционализма [Ibid., p. 73–74].

Таким образом, Патнэм стремился показать, что полное понимание природы наших ментальных состояний невозможно без учета каузальной связи с внешней реальностью, физическими и социальными факторами. Вполне закономерно, что Патнэм приходит к следующему выводу: «Семантический экстернализм подразумевает экстернализм в отношении сознания (mind). Если иметь сознание – значит иметь мысли, тогда для того, чтобы иметь сознание, недостаточно иметь корректные процессы в мозгу и остальных частях тела; чтобы иметь сознание вы должны быть включены в окружающую среду...» [Putnam, 2016, p. 223]. Очевидно, что такое экстерналистское понимание сознания, холистическое по своей природе, несовместимо с индивидуализированным функционалистским представлением. Именно отказом от редуктивного функционализма, с одной стороны, и развитием экстерналистских взглядов, с другой стороны, знаменуется переход раннего Патнэма к позднему.

Поздний Патнэм: сознание как система способностей

Помимо холистических взглядов, поздний этап философии сознания Патнэма связан с разработкой теории восприятия. Обращение Патнэма к этой проблематике закономерно и объясняется его исследовательскими целями, а именно обоснованием реализма во всем многообразии его формулировок. Если независимый от сознания объект действительно существует, то в каких отношениях находятся субъективное и объективное?

По мнению Патнэма, в философии XX в. распространился картезианский взгляд на природу восприятия. Странниками такого подхода – Б. Расселом, А.Дж. Айером, Дж.Э. Муром и др. – утверждалось, что существует некая граница, специфический интерфейс между сознанием и объектами внешнего мира, являющиеся основанием нашего знания о внешнем мире – чувственные данные, которые возникают в «личных пространствах» при воздействии объектов на органы чувств. Иными словами, цвета, формы и все то, что воспринимается субъектом, – это приватные, зависимые от сознания данности, являющимися ментальными, но при этом неконцептуальными [Putnam, 2016, p. 155]. Опираясь на обнажающую проблемность теории чувственных данных аналогию У. Селларса, согласно которой сознание – внутренний киноэкран, в то время как полученный в результате восприятия опыт является не свойством внешних объектов, а свойством изображаемой внутренней картинки, Патнэм приходит к следующему выводу: «Я считаю, что проблемы философии, которые стали “традиционными” со времен Декарта, основаны на ошибочной концепции восприятия. Согласно этой “традиционной” концепции, то, с чем мы когнитивно связаны в восприятии, – это не люди, мебель и пейзажи, а репрезентации»⁷ [Putnam, 2012, p. 589–590]. Таким образом, Патнэм, отрицая существование чувственных данных, вступил на путь, который Рассел, отвергая, называл «наивным реализмом».

Патнэмовская критика теории чувственных данных показывает, помимо всего прочего, его обращение к дизъюнктивизму – позиции наивного реализма, согласно которой при достоверном восприятии субъектом воспринимаются свойства объектов внешнего мира.

⁷ Приведенная цитата взята из работы, на момент написания которой Патнэмом отстаивался дизъюнктивизм. Подробнее о самом подходе см. ниже, а также в книге Патнэма “The threefold cord: mind, body, and world” [Putnam, 1999, p. 128–133]. В данном случае важно уточнить, что после критического переосмысления дизъюнктивизма философ приходит к мысли, что понятие ментальной репрезентации не является бесполезным.

При этом существование чувственных данных или любых других «интерфейсов» между субъектом и объектом отрицается. По мнению Патнэма, картина опыта, согласно которой феноменальные свойства исчерпываются свойствами воспринимаемого объекта, характерна и для другой популярной наивно-реалистической позиции – интенционализма⁸. Сторонники данного подхода утверждают, что перцептивные переживания имеют репрезентативное содержание, представляющее объекты внешнего мира определенным образом [Putnam, 2012, p. 624–639]. В этом плане и дизъюнктивизм, и интенционализм в интерпретации Патнэма – позиции наивного реализма, поддерживающие тезис феноменального экстернализма, согласно которому феноменальный характер опыта – внутренние переживания; то, *каково это быть* в том или ином ментальном состоянии – исчерпывается качествами воспринимаемых объектов⁹.

Обращение Патнэма к дизъюнктивизму обосновывается попыткой отстоять наивный реализм, который согласуется с общей логикой развиваемой им философской системы, т.к. наивный реализм как локальная позиция философии восприятия – самый очевидный способ обосновать реалистические интуиции в целом. Однако отношение к данному подходу философом было пересмотрено вследствие переосмысления основополагающего для дизъюнктивизма феноменального экстернализма. Анализируя концепции современников¹⁰, Патнэм уточняет свою позицию, продолжая критиковать теорию чувственных данных и современную ее форму – феноменализм (phenomenism), а также стараясь избежать общих крайностей дизъюнктивизма и интенционализма.

В качестве альтернативы Патнэм предлагает подход под названием «транзакционализм». Переосмысливая экстерналистские выводы дизъюнктивизма и интенционализма относительно трактовки феноменального опыта, Патнэм в данном случае занимает позицию феноменалистов, которые утверждают, что существуют внутренне

⁸ Подробнее о современных дискуссиях в философии восприятия можно посмотреть в статье А.А. Гусева [Гусев, 2022].

⁹ Патнэм интерналист относительно феноменальных качеств, поскольку согласен с трактовкой квалиа как неконцептуальных внутренне присущих свойств [Putnam, 2016, p. 211]. Подробнее о видах экстернализма см. [Иванов, 2019; Pitt, 2024, p. 87–117].

¹⁰ В поздний период философствования на Патнэма оказали особое влияние два исследователя – дизъюнктивист Дж. Макдауэлл и феноменалист Н. Блок. Именно под влиянием критики со стороны Блока Патнэм принимает идею о существовании внутренне присущих свойствах опыта – квалиа, тем самым отвергая выводы дизъюнктивизма. Более того, похоже, наиболее близкой позицией по отношению к транзакционизму является позиция Н. Блока [Block, 2019; 2023]. О возможной совместимости транзакционализма и феноменализма в варианте Блока пишет сам Патнэм [Putnam, 2012, p. 635].

присущие, приватные, нерепрезентативные, неконцептуальные, а также непосредственно доступные субъекту свойства – квалиа. Как пишет Патнэм, «они [дизъюнктивисты и интенционалисты] не видят, в какой степени то, что мы воспринимаем, зависит от трансакций между нами и окружающей средой, и, следовательно, они не видят, что свойства, которые мы воспринимаем, зависят от нашей природы, а также от природы окружающей среды» [Putnam, 2012, p. 636]. Делая особый акцент на объектах, дизъюнктивисты и интенционалисты умаляют специфику субъекта, тем самым не решая проблему, а лишь упрощая ее. Тем не менее верность наивного реализма Патнэма не подвергает сомнению.

Оригинальность задуманного Патнэмом проекта заключается в том, что исследователь фактически намечает пути решения главного затруднения философии восприятия – дилеммы, которую Дж. Валберг назвал «головоломкой опыта». В основе этой «головоломки» лежат два правдоподобных и на первый взгляд противоречащих друг другу тезиса:

– тезис «открытости опыту», согласно которому субъект воспринимает свойства самих объектов;

– тезис о «проблематичном рассуждении», согласно которому картина опыта, учитывающая общепризнанные факты о восприятии, указывает в пользу того, что в опыте субъекту представлены лишь «внутренние объекты» [Valberg, 1992, p. 9–11].

Своим подходом Патнэм стремится осуществить синтез этих двух тезисов, согласовав наивный реализм как наиболее успешную трактовку субъект-объектных отношений и «чистый» феноменализм с идеей о квалиа. Главное препятствие, которое видит перед собой Патнэм, можно сформулировать следующим образом: как, допуская существование квалиа, т.е. внутренне присущих свойств опыта, создать корректную эпистемологическую картину, соответствующую наивному реализму, согласно которой знания субъекта основаны не на внутренних «интерфейсах», а на реальном положении вещей? У самого Патнэма мы находим следующую формулировку этого вопроса: «Но тот факт, что наше восприятие таких знакомых объектов, как яблоки и стулья, зависит от “кусочков чувственного восприятия”, приводит, если мы отождествим это чувственное восприятие с субъективными “впечатлениями” (“impression”), а впечатления, в свою очередь, с неконцептуальными “квалиа”, прямо к выводу, что основой всех наших “знаний о внешнем мире” являются наши квалиа; при этом трудно понять, как они могут быть такой основой. Более того... разумно предположить, что то, что мы можем понять и на что мы можем сослаться, зависит, по крайней мере на начальных стадиях, от того, с чем мы имеем когнитивный контакт. А если все, с чем мы имеем когнитивный контакт на начальных стадиях эмпирического познания, это квалиа?...» [Putnam, 2016, p. 192]. В этом смысле

Патнэм вслед за Дж. Макдауэллом рассматривает проблему сознания не совсем с мейнстримного для современной философии сознания ракурса: не как проблему объяснения субъективного опыта, а как проблему содержания ментальных состояний с центральным вопросом о том, как возможно, что мысли имеют содержание [Putnam, 2016, p. 192; Ху, 2022].

Для ответа на поставленные вопросы Патнэм помимо чистых ощущений (*sensations*) выделяет также другой аспект опыта, который он по-кантовски называет апперцепцией (*apperception*) – подлинный концептуализированный опыт, характеризующийся осознанностью (*awareness*) восприятия [Putnam, 2012, p. 87]; уровень рациональной деятельности [Putnam, 2016, p. 185]. В случае с человеческим восприятием апперцепции и ощущения зачастую, выражаясь словами У. Джеймса, «неразрывно сливаются», т.е. фактически невозможно представить один аспект опыта без другого. Примером такого «слияния» является визуальное восприятие объекта, когда человек *видит* что-то не только в минимальном смысле, как в том случае, когда, например, кошка *смотрит* на этот же объект. В случае восприятия объекта человеком «видеть объект» – это не просто смотреть на него, но также знать, чем этот объект является. Иными словами, человеческое восприятие, при всем его многообразии, предполагает владение концептом, а владение концептом, в свою очередь, требует каузального взаимодействия с объектами внешнего мира. Однако при этом человеческий опыт включает в себя также и чувственный компонент, квалиа, которыми обладают и существа, не владеющие концептом¹¹ [Ibid., p. 222–225]. Таким образом, хотя в случае человеческого восприятия концептуализация важна, тем не менее она не безгранична: существует и неконцептуализированный опыт¹².

Ключевым моментом предлагаемой Патнэмом картины опыта является вывод семантического экстернализма, согласно которому процесс формирования перцептивных убеждений начинается не с головы. Именно этот тезис позволяет Патнэму преодолеть «завесу» собственных ощущений, чтобы добраться до мира» [Ibid., p. 225]. В плену «завесы» ощущений, по мнению Патнэма, находится традиционная эпистемологическая парадигма, согласно которой знание о мире выводится из ощущений или квалиа. Как считает философ, значимой эпистемической ролью обладают лишь апперцепции.

¹¹ В отношении животных и младенцев Патнэм использует понятие «протоконцепции» (“*protoconcepts*”) [Putnam, 1999, p. 160].

¹² «Слияние» не является характеристикой всех переживаний. К примеру, амодальная апперцепция – осознание целостности объекта при восприятии одной из его сторон – характеризуется Патнэмом как «апперцепция без отчетливого феноменального характера» [Putnam, 2012, p. 87; 2016, p. 150–151].

Патнэм не отрицает существование неконцептуального опыта и квалиа, но при этом не соглашается с тем, что этот опыт лежит в основании наших знаний. Философ пишет об этом так: «Знание является продуктом трансакций между человеческим организмом и окружающей средой, а не результатом интеракций с ментальными объектами в личном пространстве» [Putnam, 2016, p. 226]. Следовательно, понимание человеческого сознания, наделенного концептуальным содержанием, мыслями, не может быть основано лишь на открытии природы квалиа и их нейрофизиологической основы.

В дискуссиях о квалиа поздний Патнэм принимает точку зрения Блока, согласно которой квалиа идентичны состояниям мозга [Putnam, 2012, p. 635; 2016, p. 183]. Рассуждения на этот счет можно найти еще до отказа от функционализма «в узком смысле» [Putnam, 1981, p. 75–103]. При этом стоит вновь обратить внимание, что Патнэм не стремится решить так называемую «трудную проблему» сознания (как, собственно, и Блок) – вопрос о том, почему нейрофизиологические процессы сопровождаются субъективным опытом. Как нами уже утверждалось, Патнэм преимущественно осмысляет проблему содержания сознания. Причина игнорирования «трудной проблемы» кроется в холистической трактовке сознания, выраженной стремлением преодолеть субъект-объектную дихотомию, а также в самом отрицании постановки проблемы в дуалистическом варианте «сознание-тело». Показательной является следующая цитата: «Мой отказ от “тезиса” психофизической корреляции ни в коей мере не был защитой “дуализма” или “интеракционизма”. Я отверг не “тезис” о психофизической корреляции, а идею о том, что этот вопрос имеет смысл. Я утверждал, что сама картина, которую предполагает вопрос, неверна. А именно, картина наших психологических характеристик как “внутренних состояний”, которые, как таковые, либо “коррелируют”, либо “не коррелируют” с тем, что происходит внутри (буквально “внутри”) наших тел. Я утверждал, что наши психологические характеристики, как правило, индивидуализируются в зависимости от контекста и чрезвычайно сложным образом, с участием внешних факторов (природы объектов, которые мы воспринимаем, о которых думаем и действуем), социальных факторов, а также проекций, которые мы считаем естественными и неестественными» [Putnam, 1999, p. 132].

Таким образом, поздний Патнэм, расширяя тезис семантического экстернализма, разрабатывает концепцию трансакционизма и приходит к выводу, что «вербализованные мысли имеют значение лишь в контексте наших трансакций с объектами окружающего мира и с другими носителями языка» [Putnam, 2016, p. 210]. В таком случае и «сознание (mind) – это не вещь с конкретным местоположением, а вовлеченная в мир система способностей» [Ibid.]; «способностей, изначально связанных с внешним миром» [Ibid., p. 224].

Философия Патнэма как зеркало современной философии сознания, или Когда эволюция взглядов – больше чем просто развитие идей

Подведем основные итоги. Философия сознания раннего Патнэма характеризуется попыткой объяснить сферу ментального, основываясь на вычислительной аналогии. Переломным моментом раннего этапа является разработка экстерналистской концепции, которая несовместима с вычислительной аналогией. Такая несовместимость и обуславливает эволюцию его взглядов, нашедших свое выражение в позднем этапе его философии сознания.

Концептуальные и методологические выводы из эволюции философии сознания Патнэма заключаются в понимании того существенного для современной философии сознания значения его последовательного выбора, критического анализа, пересмотра и отказа от ряда подходов, а также в признании им ряда парадигмальных подходов к философскому изучению сознания. Изначальная разработка проблемы сознания Патнэмом в рамках функционализма вполне соответствовала духу философии середины XX в. Однако урок эволюции философии сознания Патнэма начинается с отказа от манящих своей научной образностью идеалов бихевиоризма, а далее нейрофизиологического редукционизма. В процессе развития своих концептуально-методологических установок Патнэм реабилитирует реализм (сознание – это система способностей, *«изначально связанных с внешним миром»*), разрабатывает концепцию трансакционализма, полагая тем самым необходимость изучения социокультурных и коммуникативных составляющих содержания сознания, а значит, необходимости их учета и определения места и роли в процессе сбора сложного «пазла», из которого складывается картина понимания природы сознания. Поэтому, рассматривая эволюцию философии сознания как методологический урок, как познавательный опыт, имеющий гораздо более глубокое значение, чем отдельный историко-философский кейс, содержащий в себе развитие идей крупного исследователя сознания, необходимо проанализировать эту эволюцию в ее целостности, в сопоставлении ее этапов, осмыслении значения причин и характера перехода философа от одних концептуально-методологических установок к другим. Философия сознания Х. Патнэма – это по сути своей критическое переосмысление, доведенное до уровня саморефлексии и самокритики (собственно ситуация «Патнэм против Патнэма»), позволяющая со всех сторон представить процесс пересмотра парадигмальных установок изучения сознания на уровне единства процесса и результата, а значит, на его целостном, всеобщем, философском уровне.

В целом сам факт такого коллизионного развития системы Патнэма очень репрезентативен: менялся не только «гарвардский Протей», но и, в том числе под его влиянием, менялась сама философия сознания.

Список литературы

Васильев, 2009 – *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.

Гусев, 2022 – *Гусев А.А.* Проблема восприятия: дизъюнктивизм vs репрезентационализм // *Философский журнал*. 2022. Т. 15. № 1. С. 115–130.

Джохадзе, 2013 – *Джохадзе И.Д.* Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. 288 с.

Джохадзе, 2017 – *Джохадзе И.Д.* В защиту семантического экстернализма. Аргументы Хилари Патнэма // *Философский журнал*. 2017. Т. 10. № 1. С. 154–162.

Иванов, 2019 – *Иванов Д.В.* Экстернализм и теория расширенного сознания // *Философия науки и техники*. 2019. Т. 24. № 2. С. 33–42.

Лебедев, 2002 – *Лебедев М.В.* “The Matrix never has you”. Хилари Патнэм и традиционная философия // *Патнэм Х. Разум, истина и история* / Пер. с англ. Т. Дмитриева, М. Лебедева. М.: Праксис, 2002. С. 283–294.

Макеева, 1996 – *Макеева Л.Б.* Философия Х. Патнэма. М.: ИФ РАН, 1996. 190 с.

Макеева, 1997 – *Макеева Л.Б.* Семантические идеи Х. Патнэма // *История философии*. 1997. № 1. С. 121–135.

Макеева, 1999 – *Макеева Л.Б.* Предисловие // *Патнэм Х. Философия сознания* / Пер. с англ. Л. Макеевой, О. Назаровой, А. Никифорова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 7–22.

Патнэм, 2005 – *Патнэм Х.* Химера когнитивной науки // *Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.)*. М., 2005. Т. 1. С. 276.

References

Bourget, Chalmers, 2023 – Bourget, D., Chalmers, D.J. “Philosophers on Philosophy: The 2020 Philpapers Survey”, *Philosophers’ Imprint*, 2023, vol. 23. [<https://philarchive.org/archive/BOUPOP-3>, accessed on: 07.06.2023]

Block, 2019 – Block, N. “Concepts and Percepts: Reply to Hilary Putnam”, in: A. Pautz, D. Stoljar (eds.). *Blockheads!: Essays on Ned Block’s Philosophy of Mind and Consciousness*. MIT Press, 2019, pp. 451–458.

Block, 2023 – Block, N. *The Border Between Seeing and Thinking*. Cambridge, MA: MIT Press, 2023.

Conant, 2022 – Conant, J. “An Introduction to Hilary Putnam”, in: J. Conant, S. Chakraborty (eds.) *Engaging Putnam*. De Gruyter, 2022, pp. 1–46.

De Caro, 2018 – De Caro, M. “Putnam on the Mind-body Problem”, *Belgrade Philosophical Annual*, 2018, vol. 31, pp. 155–163.

De Gaynesford, 2006 – De Gaynesford, M. *Hilary Putnam*. McGill-Queen’s University Press; First edition, 2006.

Dennett, 2023 – Dennett, D.C. *I’ve Been Thinking*. W.W. Norton & Company, 2023.

Dzhohadze, I.D. *Pragmaticskiy realizm Hilari Patnjema* [The Pragmatic Realism of Hilary Putnam]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitacija” Publ., 2013. (In Russian)

Dzhohadze, I.D. “V zashhitu semanticheskogo jeksternalizma. Argumenty Hilari Patnjema” [In Defence of Semantic Externalism. Hilary Putnam’s Arguments], *Philosophy Journal*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 154–162. (In Russian)

Gusev, A.A. “Problema vosprijatija: dizjunktivizm vs reprezentacionalizm” [The Problem of Perception: Disjunctivism vs Representationalism], *The Philosophy Journal*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 115–130. (In Russian)

Ivanov, D.V. “Jeksternalizm i teorija rasshirenno go soznanija” [Externalism and the Theory of Extended Mind], *Philosophy of Science and Technology*, 2019, vol. 24, no. 2, pp. 33–42. (In Russian)

Lebedev, M.V. “‘The Matrix Never Has You’. Hilary Putnam i tradiconnaja filosofija” [“The Matrix Never Has You”. Hilary Putnam and Traditional Philosophy], in: T. Dmitrieva, M. Lebedeva (trans.), H. Putnam. *Razum, istina i istorija* [Reason, Truth and History]. Moscow: Praksis Publ., 2002, pp. 283–294. (In Russian)

Makeeva, L.B. *Filosofija H. Putnam* [The Philosophy of H. Putnam]. Moscow: IF RAN Publ., 1996, 190 p. (In Russian)

Makeeva L.B. “Semanticheskie idei H. Putnam” [Semantic Ideas of H. Putnam], *History of Philosophy*, 1997, no. 1, pp. 121–135. (In Russian)

Makeeva, L.B. “Predislovie” [Preface], in: H. Putnam. *Filosofija soznanija* [Philosophy of Mind], trans. by L. Makeeva, O. Nazarova & A. Nikiforov. Moscow: Dom intellektual’noj knigi Publ., 1999, pp. 7–22. (In Russian)

Pitt, 2024 – Pitt, D. *The Quality of Thought*. Oxford University Press, 2024.

Putnam, 1975 – Putnam, H. *Mind, Language and Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.

Putnam, 1981 – Putnam, H. *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Putnam, 1988 – Putnam, H. *Representation and Reality*. Cambridge: MIT Press, 1988.

Putnam, 1995 – Putnam, H. *Words and Life*. Cambridge: Harvard University Press, 1995.

Putnam, 1999 – Putnam, H. *The Threefold Cord: Mind, Body and World*. N.Y.: Columbia University Press, 1999.

Putnam, 2012 – Putnam, H. *Philosophy in an Age of Science: Physics, Mathematics, and Skepticism*. Cambridge: Harvard University Press, 2012.

Putnam, 2016 – Putnam, H. *Naturalism, Realism, and Normativity*. Cambridge: Harvard University Press, 2016.

Valberg, 1992 – Valberg, J. *The Puzzle of Experience*. Oxford: Oxford University Press, 1992.

Vasilyev V.V. *Trudnaja problema soznanija* [The Hard Problem of Consciousness]. Moscow: Progress-Tradicija Publ., 2009. (In Russian)

Williamson, 2006 – Williamson, T. “Can Cognition Be Factorised into Internal and External Components?”, in: R. Stainton (ed.), *Contemporary Debates in Cognitive Science*. Oxford: Blackwell, 2006, pp. 291–306.

Xu, 2022 – Xu, Y. “The Putnam-McDowell Controversy on Perception and the Relevant Sciences”, *Philosophia*, 2022, vol. 50, no. 2, pp. 787–814.

ЗНАНИЕ И КОНТЕКСТ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ МАЙКЛА БЛОМЕ-ТИЛЛЬМАННА «СЕМАНТИКА АТРИБУЦИИ ЗНАНИЯ»

Вострикова Екатерина Васильевна – PhD по лингвистике, исследователь по кафедре английской филологии философского факультета Геттингенского университета им. Георга Августа. Германия, 37073, Геттинген, Кете-Хамбургер-Вег, 3; e-mail: katerina-vos@mail.ru

В данной статье проводится анализ книги Майкла Бломе-Тилльманна «Семантика атрибуции знания» (2022), посвященной современным подходам к моделированию зависимости высказываний о знании от контекста. Автор предлагает подробное исследование ключевых теорий, которые объясняют, как контекст влияет на значение утверждений, связанных с понятием знания. Рассматриваются основные подходы к данной проблеме: контекстуализм, эпистемический импуризм, эпистемический релятивизм и строгий инвариантизм. Контекстуализм утверждает, что значение глагола «знать» определяется контекстом произнесения. В рамках этой теории стандарт, определяющий, что именно требуется для знания, варьируется в зависимости от обстоятельств беседы, таких как ее цели и предполагаемые участники. Таким образом, одно и то же утверждение может быть истинным в одном контексте и ложным в другом. Эпистемический импуризм предполагает, что истинностное значение аскрипции знания зависит не от контекста говорящего, а от контекста субъекта, которому знание приписывается. Эта теория допускает, что практические интересы субъекта, такие как возможные риски или выгоды, могут влиять на утверждение о его знании. Релятивизм, в свою очередь, является близкой к контекстуализму теорией. Однако он моделирует зависимость от контекста через параметр интерпретации, а не через введение в логическую форму предложения скрытых элементов, значение которых определяется контекстом. Строгий инвариантизм, напротив, предполагает, что значение аскрипции знания остается неизменным, независимо от контекста. Любая видимая зависимость от контекста объясняется с точки зрения прагматических импликаций. В статье также обсуждаются проблемы, связанные с каждой из этих теорий. Особое внимание уделено контекстуалистской теории Бломе-Тилльманна, которую он называет «пресуппозициональным контекстуализмом». Согласно этому подходу, значение аскрипции знания определяется допущениями, разделяемыми всеми участниками диалога. Однако автор показывает, что эта теория сталкивается с трудностями, когда скептик ставит под сомнение такие общепринятые допущения. В качестве альтернативы предложено объяснение, согласно которому значение аскрипции знания зависит не от пресуппозиций участников, а от обсуждаемого в диалоге вопроса. Проводится аналогия между зависимостью значения глагола «знать» от обсуждаемого вопроса и зависимостью значения нечетких предикатов, таких как «высокий» или «ровный».

Ключевые слова: атрибуция знания, контекст, верование, обоснование

KNOWLEDGE AND CONTEXT. REFLECTIONS ON MICHAEL BLOME-TILLMANN'S “SEMANTICS OF KNOWLEDGE ATTRIBUTION”

Ekaterina V. Vostrikova –
PhD in Linguistics, Researcher
at the Seminar for English
Philology of the Philosophical
Faculty of the University
of Göttingen.
3 Käte-Hamburger-Weg, 37073,
Göttingen, Germany;
e-mail: katerina-vos@mail.ru

This article discusses Michael Blome-Tillmann's book *Semantics of Knowledge Attribution* (2022). The book explores key contemporary approaches to modeling the context-dependence of knowledge ascriptions. The primary theoretical frameworks discussed include contextualism, epistemic impurism, epistemic relativism, and invariantism, each offering unique perspectives on how context shapes the interpretation of knowledge claims. Contextualism posits that the meaning of the verb “to know” depends on the context of utterance. Impurism, on the other hand, argues that the truth value of a knowledge ascription depends not on the speaker's context but on the context of the subject to whom knowledge is attributed. This view allows practical interests, beyond purely epistemic factors, to influence the attribution of knowledge. Relativism, models context-dependence through an interpretation parameter rather than by incorporating unspoken elements into the logical form of sentences. Invariantism, in contrast, holds that the meaning of a knowledge ascription is context-independent, with context dependence instead reflected in conversational implicatures. The article also critiques the challenges and potential weaknesses faced by each of these approaches in explaining various epistemic scenarios. Blome-Tillmann's own theory, termed “presuppositional contextualism”, is explored in detail. According to this framework, the meaning of knowledge ascriptions depends on assumptions shared by all participants in a dialogue. However, it is demonstrated that this theory struggles to account for scenarios in which a skeptic challenges the shared assumptions. The article proposes an alternative view: that truthfulness of knowledge ascriptions depends on the question under discussion rather than presuppositions shared by all the participants of the conversation.

Keywords: knowledge attribution, context, belief, justification

Введение: атрибуции знания и их зависимость от контекста

Атрибуция знания является одной из основных и наиболее обсуждаемых проблем в современной аналитической философии. Книга Майкла Блеме-Тильманна «Семантика атрибуции знания» (2022) представляет собой обзор основных направлений дискуссий в этой области. В своем исследовании автор систематизирует основные типы концепций, анализирует критические аргументы, выдвинутые оппонентами, а также предлагает свою версию основной концепции атрибуции знания – контекстуализма. В данной статье мы предложим краткое описание всех обсуждаемых теорий и основных

философских аргументов, мотивирующих эти теории, а также сформулируем критический аргумент против версии контекстуализма, предлагаемой автором.

Исходной точкой современной дискуссии в области атрибуции знания являются работы Д. Льюиса, такие как «Подсчет очков в языковой игре» и «Ускользящее Знание» [Lewis, 1979; 1996]. В этих работах Льюис предложил теорию эпистемического контекстуализма, которая полагает, что наше понимание знания и интерпретация предложений, содержащих глагол «знать», зависят от контекста дискуссии. Согласно этой теории, аскрипция знания может быть истинной в одном контексте, но ложной в другом контексте. Контекстуализм предполагает, что истинностное значение утверждений о знании не является однозначным или абсолютным, а зависит от таких факторов, как обстоятельства, цели разговора, информация, доступная участникам дискуссии. Дальнейшие дискуссии в этой области были направлены на то, чтобы уточнить, какие конкретно факторы и каким образом влияют на аскрипции знания.

Есть два типа классических аргументов в пользу идеи о том, что истинностное значение аскрипций знания зависит от контекста: случаи в духе Геттиера и случаи, в которых разнится важность истинности аскрипции знания для наших практических целей.

В качестве примера первого типа Блуме-Тилльманн предлагает рассмотреть модифицированный пример Дрекке с зебрами в зоопарке [Dretske, 1970]. Учительница приводит свой класс в зоопарк на экскурсию и объясняет ученикам, что животные в загоне являются зебрами. В этом контексте нам кажется очевидным, что утверждение «Она знает, что животные за забором – это зебры» является истинным. Однако, если нам предложить представить гипотетически возможную ситуацию, что на самом деле в загоне находятся мулы, которых нарочно раскрасили в полосы так, чтобы они выглядели как зебры, наше восприятие истинности предыдущего утверждения о знании меняется. Теперь с учетом нового контекста и информации утверждение выглядит ложным. Данный пример демонстрирует, как эпистемические стандарты (критерии для определения достоверности информации) могут изменяться в зависимости от контекста.

Примеры второго типа представлены случаем в аэропорту С. Коэна [Cohen, 1999] и случаем с банком К. ДеРоуза [DeRose, 1992]. В примере с аэропортом читателю предлагается рассмотреть ситуацию, в которой некто хочет купить билет на определенный рейс до Нью-Йорка, однако для него очень важно, чтобы этот рейс был с пересадкой в Чикаго, где у него запланирована деловая встреча. Этот человек консультируется с другим пассажиром, который только что приобрел билет на этот рейс. Пассажир, глядя на свой билет, говорит, что он точно знает, что данный рейс требует пересадки в Чикаго. Но поскольку для нашего героя принципиально важно попасть

в Чикаго, то он вынужден рассматривать возможные ситуации, когда в расписание рейса были внесены изменения в последнюю минуту или когда распечатанный билет другого пассажира содержит ошибки. Поэтому он заключает, что данный пассажир не знает, делает ли рейс остановку в Чикаго. Этот случай демонстрирует, как практические интересы и ставки могут влиять на наши эпистемические стандарты и суждения об истинности атрибуции знания.

Схожую идею демонстрирует случай с банком К. ДеРоуза. Он также показывает, что наши суждения об истинности аскрипций знания могут меняться в зависимости от того, насколько значимой для нас является информация, содержащаяся в аскрипции. В данном сценарии Ханна размышляет о том, будет ли банк открыт в субботу. В ситуации с низкими ставками (например, ей требуется получить банковскую услугу, но не принципиально когда) ее прошлого опыта обращения в офис банка в субботу достаточно для того, чтобы она могла истинно утверждать: «Я знаю, что банк открыт в субботу». Однако в ситуации с высокими ставками (например, Ханне необходимо заплатить налоги и суббота – это последний срок) это же утверждение воспринимается как ложное, ведь Ханна должна учитывать такие возможности, как изменение расписания работы банка или непредвиденные обстоятельства, препятствующие работе банка именно в эту субботу. Мы снова наблюдаем здесь, что уровень ставок в контексте влияет на то, является ли истинной аскрипция знания. Здесь важно отметить, что эпистемически релевантные обстоятельства не изменяются в контексте в этих примерах: обоснование Ханны остается одним и тем же – это ее прошлый опыт взаимодействия с банком. Изменяются только внешние для самого знания обстоятельства – важность данного знания. Таким образом, данные примеры (по крайней мере, на первый взгляд) показывают, что практические интересы могут влиять на наше восприятие истинности аскрипций знания.

Эпистемический контекстуализм Д. Льюиса

Эпистемический контекстуализм в современной эпистемологии – это не единая теория, а общее направление исследования того, как истинностное значение атрибуций знания может меняться в зависимости от контекста высказывания.

Наиболее влиятельной и обсуждаемой является теория Д. Льюиса [Lewis, 1996]. Он предлагает следующую семантику для аскрипций знаний.

Предложение « x знает p » в контексте S истинно тогда и только тогда, если свидетельства, доступные x , исключают любую релевантную возможность $\neg p$.

Речь здесь идет о том, что можно приписывать субъекту знание только в том случае, если на основании имеющихся свидетельств он может исключить релевантные ситуации, несовместимые с этим знанием.

Ключ к пониманию применения этого определения лежит в понятии «релевантной». Как отличить релевантную ситуацию от нерелевантной? Рассмотрим известный пример в духе Геттиера из статьи А. Голдмана [Goldman, 1976] с потемкинскими сараями. В этом примере нам предлагается рассмотреть ситуацию человека, который видит сараи, не зная, что большая часть из них представляет собой муляжи. Наша интуиция говорит, что в таком случае нельзя сказать: «Он знает, что это сарай», указав случайным образом на реальный сарай. Условия для приписывания знания не выполнены в данном контексте. Следуя определению Льюиса, мы должны сказать, что индивид не исключил релевантную возможность, совместимую с тем, что это не сарай, а именно возможность того, что большинство или даже все сараи фейковые. Что делает эту возможность релевантной и почему такого рода странные и отдаленные возможности не всегда являются релевантными?

Для ответа на эти вопросы Льюис предлагает ряд правил для определения релевантности. Всего таких правил семь. Мы не будем подробно рассматривать все правила, а сосредоточимся только на тех, которые помогают объяснить примеры геттиеровского типа, а также примеры с разными практическими интересами.

Согласно Льюису, в геттиеровский примерах играют роль два правила: правило реальности («Реальность всегда является релевантной альтернативой и не может игнорироваться»); правило сходства («Возможность является релевантной, если она схожа с возможностью, которую нельзя игнорировать в силу какого-то другого правила (например, правила реальности)»).

Эти правила объясняют пример с муляжами сараев следующим образом. В данном случае мы не можем игнорировать возможность того, что индивид видит очередной ненастоящий сарай, потому что такая возможность сходна с реальностью в том смысле, что большая часть объектов, выглядящих как сараи, являются муляжами.

Два правила отвечают за роль практических интересов и ставок в том, какие критерии применимы для истинностной аскрипции знания: правило верования («То, во что субъект верит, не может игнорироваться, даже если это ошибочно») и правило внимания («Нельзя игнорировать возможность, к которой привлечено наше внимание»).

Льюис иллюстрирует применение первого правила примером с судом, которому необходимо установить виновность индивида в совершении убийства. В данном случае ошибка ведет к серьезным последствиям, поэтому меньшее количество возможностей

может игнорироваться. Однако некоторые маловероятные возможности, например возможность того, что специально обученная собака нажала на курок, могут вполне обоснованно не рассматриваться судом. Тем не менее если один из судей убежден, что лучший в мире тренер собак был врагом убитого, то даже такая отдаленная возможность должна приниматься во внимание как релевантная. В примере с аэропортом или банком роль может играть как правило верования, так и правило внимания. В частности, если индивид верит, что в распечатке билета может быть ошибка, или если даже внимание индивида было просто привлечено к возможности такой ошибки, то такая возможность не может игнорироваться.

В целом теория релевантных альтернатив, которые не могут игнорироваться при атрибуции знания, предложенная Льюисом, объясняет, как значимость различных альтернатив может изменяться в зависимости от контекста разговора, тем самым влияя на истинность атрибуций знаний.

Интересно отметить, что такие традиционные понятия, как обоснование и верование, не входят в определение знания по Льюису, на что он сам прямо указывает.

Правило сходства и его роль в объяснении геттиеровских случаев подвергались серьезной критике. В частности, Дж. Хоторн подчеркивает разницу между вниманием к какой-то идее и принятием этой идеи. Рассматривая пример ситуации с просмотром фильма «Матрица», он указывает на то, что, хотя этот фильм привлекает внимание к возможности нереальности внешнего мира, при его просмотре мы все равно можем делать истинные утверждения типа «Я знаю, что я в кинотеатре». Хоуторн отмечает, что, согласно подходу Льюиса, сделать альтернативу релевантной слишком просто, а значит, слишком сложно удовлетворить условиям истинной аскрипции знания [Hawthorne, 2004].

Другие версии контекстуализма

Обсуждаются в книге и другие версии контекстуализма. В частности, рассматривается подход Коэна, получивший название «интерналистского эвиденциализма» [Cohen, 1999]. Коэн дает следующее определение знания.

Если в контексте S индивиду x можно приписать свойство «знать p », то верование x , что p , является достаточно эпистемически сильным, чтобы приписывать ему это свойство в данном контексте.

Согласно этому подходу, знание или незнание некоего утверждения зависит от качества и силы доказательств и аргументов, которыми

они подкрепляют свое верование в эту пропозицию. Истинность аскрипций знания в значительной степени зависит от внутренних факторов, доступных субъекту, таких как рациональные соображения и обоснование (отсюда и название подхода). Согласно теории Коэна, контекст аскрипции определяет, насколько сильной должна быть эпистемическая позиция человека, чтобы приписывать ему знание. В этом контекстуализм его подхода: атрибуции знания чувствительны к различиям стандартов в разных контекстах. В разных контекстах то, что считается достаточными доказательствами или рациональной обоснованностью для утверждения о знании, может меняться. Коэн предлагает также вероятностный подход, согласно которому знание можно приписывать, если условная вероятность истинности содержания знания при условии наличия имеющихся доказательств достаточно высока в данном контексте.

Еще одна контекстуалистская концепция знания была сформулирована Кейтом ДеРоузом [DeRose, 1992; 1995; 2009; 2018]. Эта теория схожа с теорией Коэна, так как она также основана на понятии эпистемической силы. В отличие от Коэна, для прояснения понятия эпистемической силы он использует не вероятностный подход, а опирается на модальное понятие надежности. С его точки зрения, для того чтобы находиться в сильной эпистемической позиции, необходимо верование, содержание которого не только истинно в реальном мире, но и в мирах, достаточно схожих с реальным. Позиция субъекта относительно рассматриваемого вопроса или проблемы становится сильнее, если, наряду с близкими (схожими с реальным миром) мирами, содержание верования верифицируется и в более отдаленных мирах. Его контекстуалистское определение знания таково: «аскрипция знания является истинной тогда и только тогда, если верование индивида является контекстуально достаточно надежным».

Бломе-Тильманн полагает, что оба подхода сталкиваются с теми же сложностями, что и подход Льюиса. В частности, эти подходы слишком уступчивы скептицизму. Ведь если внимания к скептическому сценарию достаточно для того, чтобы поднять стандарт обоснования до такой степени, что обладание знанием становится невозможным, то мы лишаемся большей части наших знаний о внешнем мире.

Лингвистические версии контекстуализма

Существуют различные семантические имплементации контекстуализма, каждая из которых основана на аналогии с другими выражениями языка, зависимыми от контекста.

Самой очевидной аналогией являются прилагательные, такие как «сухой», «ровный», «синий», так как их значение часто характеризуется как «неточное» или «размытое». П. Юнгер [Unger, 1975] отмечает, что аргументы, аналогичные скептическим аргументам относительно знания, могут быть сформулированы в отношении некоторых градулируемых прилагательных. Например, так же, как в рамках философской дискуссии, можно утверждать, что на самом деле мы ничего не знаем по-настоящему, можно утверждать, что ни одна поверхность не является по-настоящему ровной и что ни одна емкость не является по-настоящему пустой.

Несмотря на привлекательность данного подхода, аналогия между зависимыми от контекста прилагательными и знанием не является абсолютной [Stanley, 2004].

Прилагательные, чье значение включает отсылку к подразумеваемому в диалоге стандарту, могут модифицироваться различными наречиями, которые сообщают нам дополнительную информацию об этом стандарте, например «совсем плоский», «совсем пустой», а также допускают сравнение степеней: «более пустой, чем». В этом смысле глагол «знать» ведет себя иначе. Несмотря на то, что можно сказать: «Я это очень хорошо знаю», «Я знаю, эту тему лучше, чем ту», нельзя сказать: «Я очень хорошо знаю, что Земля круглая» или «Я знаю, что Земля круглая лучше, чем то, что трава зеленая». Таким образом, когда глагол «знать» сочетается с пропозицией, он теряет возможность модификации степени знания. Дж. Стенли отмечает также, что другие глаголы, сочетающиеся с пропозициями, допускают такого рода модификации: «я очень сильно/больше всего сожалею, что пришел тогда туда», «я сожалею, что пришел туда, больше, чем я сожалею, что поссорился с ним» [Ibid.].

Проводилась также аналогия с кванторами и контекстуальным ограничением их области действия. Так, если мы говорим: «Все студенты сдали экзамен», то мы не имеем в виду, что все студенты в мире сдали экзамен, мы ограничиваем область действия квантора «все» релевантными студентами из определенного класса или школы. Основным аргументом против идеи моделировать значение слова «знать» по аналогии с этими выражениями является тот факт, что ограничение области действия квантора может изменяться в одном и том же предложении: «Каждый матрос помахал каждому матросу» (когда речь идет о матросах разных кораблей) или «Она всегда отвечает на вопросы учителя, всегда помогает маме по дому, всегда выигрывает спортивные состязания» (где «всегда» в трех случаях квантифицирует по разным ситуациям: ситуациям, когда учитель задает вопросы в школе, ситуациям, когда требуется помощь дома, и ситуациями, когда она участвует в спортивных состязаниях) [Stanley, 2004]. Предложения со словом «знать» ведут себя иначе: высказывание «Я знаю, что у меня есть руки, но я не знаю

наверняка, нахожусь ли я в матрице» воспринимается нами как противоречие.

Этот же аргумент применялся к вышеуказанной аналогии с прилагательными, потому что они также допускают изменение стандарта в одном предложении: «Эта бабочка огромная, а этот слон маленький» (относительно других животных своего вида) [Stanley, 2004]. Однако здесь стоит отметить, что более точной аналогией предложений о знании будут скорее конструкции такой формы, как «Слон маленький, но он не маленький», «Поверхность ровная, но она не ровная», которые также воспринимаются как противоречивые. Хоторн, обсуждая схожие примеры, отмечает, что в языке есть способы уточнить, что имеется в виду в случае с прилагательными, но не в случаях с глаголом «знать» [Hawthorne, 2004]: «Поверхность ровная для обеденного стола, но она недостаточно ровная для физического эксперимента».

Здесь можно отметить в противовес Хоторну, что такого же рода пояснение существенно улучшает дискурс о знании: «Я знаю, что у меня есть руки в общепотребимом смысле этого слова. Конечно, в философском смысле, я признаю, что невозможно отличить реальность от представления, а значит, я на самом деле не знаю, есть ли у меня есть руки». Это отчасти ставит под вопрос возражения Хоторна.

Эпистемический импуризм

Дискуссиями внутри теории контекстуализма не исчерпываются современные философские дебаты вокруг проблемы аскрипции знания. Другой влиятельный и широко обсуждаемый тип теорий получил название «эпистемического импуризма» [Fantl, McGrath, 2002; 2007; 2009; Hawthorne, 2004; Stanley, 2005; Hawthorne, Stanley, 2008; Weatherson, 2011; 2012; 2017]. Основной тезис этого подхода состоит в том, что истинность аскрипции знания отчасти зависит от практической ситуации субъекта знания. Как и контекстуализм, данный подход предполагает, что одна и та же аскрипция знания может быть истинной или ложной в зависимости от контекста. В отличие от контекстуализма, данная теория утверждает, что имеет значение контекст субъекта аскрипции (субъекта предложения о знании), а не того, кто оценивает утверждение о знании. В частности, подходы такого типа полагают, что оценка аскрипций знания может варьироваться в зависимости от практических обстоятельств субъекта. В этом смысле данная теория противопоставляется традиционным эпистемологическим теориям, в которых знание определяется исключительно факторами, способствующими достижению истины, такими как доказательства, надежность методов формирования убеждения,

обоснование и т.д. Мотивация для теорий этого типа основывается на таких примерах, как пример с аэропортом или банком, в которых наша оценка знания меняется в зависимости от того, насколько практические интересы субъекта зависят от этого знания.

Еще одно отличие эпистемического импуризма от контекстуализма состоит в том, что, тогда как контекстуализм предполагает, что предикат «знает р» чувствителен к контексту и его содержание меняется в соответствии с этим контекстом, импуризм не делает такого лингвистического или семантического утверждения [Hawthorne, 2004; Stanley, 2005]. Это скорее онтологическая точка зрения о природе знания, согласно которой вопрос о том, знает ли субъект истинностное значение пропозиции, зависит от его собственной практической ситуации.

Следует отметить, что импуризм – это не одна монолитная теория, а кластер теорий. Среди этих теорий присутствует также вероятностный подход («насколько большой должна быть вероятность пропозиции, принимая во внимание доступные индивиду свидетельства, для того, чтобы индивид знал эту пропозицию, зависит от практических интересов индивида» [Fantl and McGrath, 2009]).

Импуризм сталкивается с серьезными философскими проблемами. В частности, тезис о том, что роль играют только практические интересы именно того, кому приписывается знание, представляется неверным.

Это иллюстрируется случаями, в которых ставки для приписываемого знания высоки, но ставки для субъекта низки, такими как пример с аэропортом, рассмотренный здесь ранее. В этом примере информация важна только для индивида, который спрашивает другого пассажира, останавливается ли рейс в Чикаго, поскольку у него там запланирована важная встреча. Предложение, содержащее аскрипцию знания себе, а именно «Я знаю, что самолет останавливается в Чикаго», произносимое другим пассажиром, воспринимается как ложное из-за того, что ставки именно спрашивающего велики. Таким образом, импуризм не может объяснить наши интуиции в этом случае.

Для того чтобы оценить, насколько серьезна данная проблема для эмпиризма, достаточно ознакомиться с ответом, предложенным Дж. Стэнли [Stanley, 2005]. По мнению Стэнли, когда мы рассматриваем такого рода сценарий, мы совершаем когнитивную ошибку, а именно, мы ошибочно принимаем фактическое произнесение пассажиром предложения в изъявительном наклонении за контрфактическое условное предложение такого типа: «Пассажир не знал бы, что самолет летит в Чикаго, если бы он находился в нашей практической ситуации». Представляется достаточно очевидным, что данное объяснение является абсолютно произвольным и не может претендовать на реальную теорию того, что происходит в таких случаях.

Бломе-Тилльманн также указывает на то, что импуризм делает неверные предсказания относительно вложенных аскрипций знания. Например, условное предложение «Если бы мне нужно было оплатить налоги до воскресенья, я не знал бы, что банк будет открыт в субботу», в котором antecedent описывает ситуацию повышенных ставок, воспринимается как ложное. Таким же образом, предложение «Я не знаю этого сейчас и не знал бы, если бы ставки были ниже» воспринимается как истинное.

В современной литературе подвергается сомнению и сам тезис о том, что практические интересы и ставки могут влиять на наши аскрипции знания. В частности, примеры, в которых высокие ставки требовали пересмотра нашей оценки аскрипции знания, были противопоставлены примерам, в которых ставки были и оставались низкими, при этом наша аскрипция знания пересматривается. Пример с банком можно модифицировать таким образом: предположим, что у Сары есть несрочное дело в банке, однако, проезжая мимо банка в пятницу с мужем, она видит большую очередь. Она решает, что может сделать свое дело в субботу, и они обсуждают вопрос, открыт ли банк в субботу. Муж вспоминает, что на прошлой неделе был в субботу в банке. Сара отмечает, что она банки иногда меняют часы работы. Ее муж говорит: «Полагаю, ты права. Я не знаю, будет ли банк открыт завтра». Этот пример показывает, что роль здесь играют не сколько практическая значимость знания и ставки, а то, что повышенная практическая значимость заставляет нас обратить внимание на те возможности, которые обычно могут игнорироваться. Однако привлечь внимание к этим возможностям можно и в ситуации с низкими ставками. Наша готовность пересматривать оценку аскрипции знания варьируется в зависимости от заметности, конкретности и яркости возможности ошибок. В экспериментальной литературе было показано, что практические факторы, такие как ставки и интересы, не оказывают значительного влияния на аскрипции знания. Это ставит под вопрос утверждение импуриста о том, что практические интересы субъекта определяют, какие доказательства или свидетельства требуются для знания [Wesley, 2014; Rose et al., 2019; Roeber, 2018].

Другие теории

В книге рассматриваются также такие теории, как «эпистемический релятивизм» и «строгий ивариатизм».

Первая теория представлена работами Дж. МакФарлейн [MacFarlane, 2005; 2009; 2011; 2014]. Согласно эпистемическому релятивизму, содержание аскрипций знания остается неизменным (они не содержат

никаких скрытых переменных или индексикалов), но их значение вычисляется не только относительно параметров времени и мира, а относительно трех параметров: мира, времени и контекста оценки.

МакФарлейн проводит аналогию между предикатами личного вкуса, такими как «вкусно» и аскрипциями знания. Два индивида могут быть несогласны относительно утверждений, содержащих предикаты личного вкуса, при этом у нас нет интуиции, что кто-то из них ошибается. МакФарлейн предлагает рассматривать различие в суждениях об истинности аскрипций знания в зависимости от контекста таким же образом: и суждение, что учитель знает, что перед ней зебра, произнесенное в обычном контексте, и суждение, что учитель не знает, что перед ней зебра, произнесенное в контексте, когда наше внимание привлечено к скептической альтернативе, являются истинными.

МакФарлейн, в отличие от предыдущего подхода, не предсказывает, что условное предложение «если бы мне надо было оплатить налоги до воскресенья, то я бы не знал, что банк будет открыт в субботу» должно быть истинным. Параметр интерпретации задается для всего предложения, таким образом, условное предложение не может повлиять на контекст оценки, предложение оценивается в контексте низкого риска, а не в предполагаемом контрфактическом контексте с высокими ставками. В качестве основного возражения данному подходу в литературе автор рассматриваемой книги выделяет аргумент о том, что, когда мы в свете скептических сценариев признаем, что не обладаем знанием, мы не продолжаем считать нашу изначальную аскрипцию знания истинной [Montminy, 2009; Рунн, 2016]. Это можно проиллюстрировать на основе диалога, в контексте примера с зоопарком:

Джон: Я знаю, что это зебра.

Мэри: Откуда ты знаешь, что это не мул, искусно раскрашенный так, чтобы он выглядел как зебра?

Джон: Да, такая возможность есть. Так что я ошибался. На самом деле я не знаю, что это зебра.

Здесь Джон говорит, что его предыдущая аскрипция была ложной и что она была результатом ошибки. Однако, согласно релятивизму, Джон ранее не ошибался: первоначальная аскрипция знания Джона и последующее отрицание должны восприниматься как верные.

В статье обсуждается также две версии строгого инвариантизма – психологическая и прагматическая. Как следует из названия, объединяет эти подходы идея о том, что значение слова «знать» и истинностное значение аскрипций знания являются постоянными и не зависят от контекста.

Выделяются две версии психологического инвариантизма. Одна из них утверждает, что мы ошибаемся, когда в ситуации с высокими

ставками отказываем индивиду или себе в знании. В рамках данной теории предлагается психологическое объяснение для такого рода ошибки [Gerken, 2013; 2017; Stoutenburg, 2017]. Проблематичный аспект данной теории, с точки зрения автора книги, состоит в той систематичности, с которой носители языка склонны более строго оценивать аскрипции знания в ситуации с более высокими ставками или в ситуации, когда наше внимание привлекается к скептическим сценариям.

Также можно отметить, что эта теория ставит под сомнение наши методы анализа значения. У нас нет другого доступа к значению выражений языка кроме наших интуиций об условиях истинности предложений, в которые входят эти предложения. Непонятно, каким образом, мы можем ошибаться в наших суждениях относительно глагола «знать», но не в отношении всех остальных выражений языка. И если мы отрицаем анализ наших интуиций о значении, как метод их исследования, то на каком основании мы можем утверждать, что мы ошибаемся, именно когда отрицаем знание в ситуации с высокими ставками, а не тогда, когда приписываем знание в условиях низких ставок?

Согласно другой версии психологического подхода, наша интуиция в отношении ситуации с высокими ставками верна и Ханна на самом деле не знает, что банк открыт в субботу, но причина этого кроется в том, что она не верит в то, что банк открыт, а верование – это необходимый компонент знания [Bach, 2005; Nagel, 2008; 2010]. Автор книги возражает этой теории, указывая на то, что наша интуиция в таких случаях заключается в том, что индивид не знает, будет ли банк открыт в субботу, потому что ее эпистемическая позиция недостаточна сильна, а не только потому, что ей не хватает убежденности. Д. Льюис также обращает внимание на то, что верование не является необходимым условием знания [Lewis, 1996, p. 556]. Льюис приводит пример с очень робким студентом, который знает ответ на вопрос экзаменатора, хотя у него нет уверенности в том, что он ответил правильно, и нет веры в то, что он знает ответ. Мы все равно говорим в такой ситуации, что студент знает ответ.

Вторая версия строгого инвариатизма – прагматическая – также основана на идее о том, что значение аскрипций знаний не меняется в зависимости от контекста. За зависимость от контекста отвечают прагматические факторы, а именно импликатуры. Данная теория также представлена в литературе в разных вариациях. Согласно одной из них, наши утверждения о знании всегда ложные, поскольку «х знает р» является истинным тогда и только тогда, если свидетельства, имеющиеся у х, исключают каждый \neg р мир [Schaffer, 2004; Davis, 2007], что является невыполнимым. Аскрипции знания сопровождаются истинной импликатурой в ситуации с низкими

ставками: «свидетельство x исключает каждый $\neg r$ мир, имеющий отношение к контексту произнесения», поэтому воспринимаются как истинные. Согласно П. Грайсу, импликатуры возникают, когда нарушается какое-то правило коммуникации, в данном случае предполагается, что нарушается принцип качества («Не говорите то, что вы считаете не истинным»!).

Представители этой теории проводят аналогию с гиперболой в языке, то есть такими высказываниями, как «Я извинился тысячу раз», «Я ждал автобуса сто лет». Когда мы делаем утверждение о знании не в скептическом контексте, это гипербола, преувеличение. Аргументом против этой теории является то, что носители языка способны осознавать, когда они используют гиперболы, но при этом они не воспринимают использование глагола «знать» в повседневной речи как преувеличение. Более того, автор книги указывает, что гиперболы и глагол «знать» ведут себя по-разному с лингвистической точки зрения. Можно сравнить два диалога ниже: в первом показано, что говорящий вполне может указать на преувеличение, во втором – это оказывается невозможным.

А: Я ждал целую вечность!

Б: Это абсурдно, ни один человек не смог бы ждать так долго.

А: Да ладно, я просто преувеличил!

А: Я знаю, что банк будет открыт завтра.

Б: #Это абсурдно, ни один человек не может этого знать.

А: #Ну ладно, я просто преувеличил!

Есть и другая версия этой теории, которая также полагает, что буквальное значение аскрипций знания является неизменным, а за контекстную зависимость отвечает импликатура, при этом буквальное значение аскрипций знания является истинным [Rysiew, 2001; 2007; Black, 2005; Brown, 2006; Hazlett, 2009; Pritchard, 2010]. Согласно этому подходу, неизменно семантическое (условно-истинностное) содержание аскрипции знания таково: «свидетельства x исключают каждый $\neg r$ мир, который эпистемически релевантен». При этом аскрипция знания генерирует импликатуру: «доказательства x исключают каждый $\neg r$ мир, который является актуальным в разговоре в данном контексте». Различие между условиями истинности и импликатурой в том, какие миры исключаются – эпистемически релевантные или актуальные в разговоре. Представители этого подхода полагают, что в ситуации с низкими ставками эпистемически релевантные миры и миры, актуальные в разговоре, совпадают. Но в ситуации с высокими ставками контекст диалога делает актуальными миры, которые не являются эпистемически релевантными. Эпистемически релевантные миры не меняются в зависимости от контекста. Согласно этому подходу, в такой ситуации предложение формы « x знает r » является истинным, но импликатура является ложной.

Этот подход, с нашей точки зрения, основан на непонимании механизма генерации импликатур. Не существует неотменяемых импликатур, отменяемость заложена в определении импликатуры. Это демонстрирует [Cohen, 1999], показывая, что данная теория неверно предсказывает, что следующий дискурс должен быть последовательным, так как в нем предполагаемая импликатура отменяется: «Я знаю, что банк завтра будет открыт, но не могу исключить, что банк недавно изменил график работы».

Пресуппозициональный контекстуализм

Учитывая эти аргументы, дискуссии и общую картину, автор предлагает новую теорию, которую он называет «пресуппозициональный эпистемический контекстуализм». Согласно этой теории, главным фактором, влияющим на наши интуиции относительно аскрипций знания, является не важность, актуальность или ставки, а скорее пресуппозиции, присутствующие в контексте атрибуции знания.

Выше мы обсуждали примеры, в которых показано, что ставки сами по себе не влияют на аскрипцию знания. Примеры с высокими ставками, где аскрипция знания остается истинной, показывают, что важны не ставки сами по себе, а скорее привлечение внимания к тем возможностям, которые могут игнорироваться в сценарии с низкими ставками. Однако автор показывает, что и просто привлечения внимания недостаточно для пересмотра нашей оценки аскрипции знания. Он предлагает рассмотреть ту же ситуацию с банком, где опять же Ханна с мужем, проезжая мимо банка в пятницу, наблюдают большую очередь. Ханна размышляет о том, будет ли открыт банк в субботу. Муж говорит, что банки меняют расписание. Однако Ханна отвергает его рассуждения, говоря, что она много раз была в этом банке в субботу, в том числе недавно. Она заключает: «Я знаю, что банк открыт в субботу». Таким образом, в этом видоизмененном примере показано, что, хотя слова мужа актуализируют возможность того, что банк будет закрыт в субботу, этого недостаточно для того, чтобы аскрипция знания была пересмотрена. То, что отличает этот пример от примеров, рассмотренных выше, – это что Ханна не принимает аргументы мужа. Автор заключает, что этот пример не может быть объяснен в рамках классической теории контекстуализма. Согласно правилу внимания Льюиса, актуализации скептической возможности, привлечения к ней внимания достаточно для того, чтобы аскрипция знания перестала быть истинной.

Соответственно, автор заключает, что ключевую роль играет то, какие возможности принимаются или отвергаются в контексте. Ставки и актуальность могут влиять на то, что прагматически предполагается

как данность, они не влияют непосредственно на наши суждения об истинности атрибуций знания.

Он реализует свою интуицию посредством понятия пресуппозиции, которой предлагается следующее определение: « p является пресуппозицией x в контексте C тогда и только тогда, если x имеет диспозицию вести себя в использовании языка так, как если бы он считал p общим (общепринятым) основанием в C ».

На основе этих интуиций он предлагает свою теорию, которую он называет «пресуппозициональный эпистемический контекстуализм»: « x удовлетворяет условиям “знает p ” в контексте C , только если свидетельство x исключает все $\neg p$ миры, совместимые с тем, что прагматически предполагается в C ».

Особенность этого определения в том, что оно не вводит необходимого и достаточного условия («если и только если») для того, чтобы аскрипция знания была истинной, а формулирует только необходимое условие («только если»). Таким образом, данная теория не представляет собой полноценную теорию аскрипций знания. Это признает и сам автор. Он указывает на то, что этот вид контекстуализма не предлагает ни анализа, ни редуктивного определения «знания» и, как следствие, совместим с большим разнообразием взглядов в эпистемологии, предлагаемое условие можно добавить к большинству объяснений природы «знания», включая теорию о том, что «знание» не поддается анализу или определению.

Согласно этой теории, данный пресуппозициональный компонент вписан в семантику слова «знать». Он предлагает индексальный анализ, проводя аналогию между словом «знать» и такими индексальными выражениями, как «я» и «сегодня». Особенностью этих выражений является то, что их значение определяется автоматически в контексте произнесения [Perry, 2001], то есть не зависит от интенций говорящего, в отличие от таких выражений, как «он» и «она». Автор указывает на то, что существующие аргументы против различных лингвистических имплементаций контекстуализма не применимы к предлагаемой им теории. Выражения такого типа, как «я», «сегодня» и «завтра», не меняют свое содержание в рамках одного дискурса. Это можно продемонстрировать противоречивостью следующих предложений: «Я голоден, но я не голоден», «Завтра будет 1 января 2025 года, но завтра не будет 1 января 2025 года».

Согласно предлагаемой теории, семантическое содержание слова «знает» в контексте частично определяется прагматическими пресуппозициями, а намерения говорящего не играют прямой роли в определении содержания слова «знает».

Помимо того, что сформулированная в книге идея не представляет собой теории аскрипции знания, предлагаемый подход имеет и другие недостатки. В частности, пресуппозиции – это именно те допущения, которые считаются общими, разделяемыми всеми участ-

никами в контексте разговора. Но для того, чтобы поднять вопрос о возможности скептического сценария, нет необходимости исходить из того, что все участники диалога делают такое допущение. Так, вполне возможна ситуация, когда скептически настроенный философ рассказывает своей семье: «Мы не можем точно знать, что это зебры, потому что существует возможность, что это раскрашенные мулы, мы не можем исключить эту возможность». Высказывание скептических мыслей вовсе не требует, чтобы участники диалога заранее разделяли его настрой. Это показывает, что аскрипции знания не указывают на основания, разделяемые всеми участниками диалога.

Здесь хотелось бы вернуться к аналогии между предикатом «знать» и прилагательными, значение которых в литературе часто описывается как «неточное» или «размытое». Это такие предикаты, как «сухой», «ровный», «синий». Насколько ровной должна быть поверхность, для того чтобы предложение, содержащее этот предикат, было истинным, зависит от контекста в том же смысле, в каком значение предиката «знать» зависит от контекста. Например, если вопрос, который мы обсуждаем в диалоге, это вопрос о том, можно ли поставить шкаф на этот пол, то мелкие неровности не влияют на истинность предложения «поверхность ровная». Однако если мы проводим сложный физический эксперимент, исход которого зависит от мельчайших неровностей, то поверхность с таким же уровнем ровности будет оцениваться как неровная. Таким же образом, значение слова «знать» зависит не от тех убеждений, которые разделяются участниками диалога, а тем, какой вопрос стоит на повестке в рамках текущего диалога.

Заключение

В данной статье мы описали основные подходы к моделированию зависимости аскрипций знания от контекста, существующие в современной литературе. Данное обсуждение показывает, что наиболее адекватной остается теория контекстуализма, однако конкретная имплементация зависимости атрибуций знания от контекста остается открытым вопросом в современной эпистемологии и семантике.

Список литературы / References

Bach, 2005 – Bach, K. “The Emperor’s New ‘Knows’”, in: G. Preyer and G. Peter. (eds.) *Contextualism in Philosophy: On Epistemology, Language and Truth*. Oxford: Oxford University Press, 2005, pp. 51–90.

Black, 2005 – Black, T. “Classic Invariantism, Relevance, and Warranted Assertability Manoeuvres”, *Philosophical Quarterly*, 2005, vol. 55, pp. 328–336.

Brown, 2006 – Brown, J. “Contextualism and Warranted Assertability Manoeuvres”, *Philosophical Studies*, 2006, vol. 130, pp. 407–435.

Buckwalter, 2014 – Buckwalter, W. “The Mystery of Stakes and Error in Ascriber Intuitions”, in: J. Beebe (ed.) *Advances in Experimental Epistemology*. London: Bloomsbury Academic, 2014, pp. 145–174.

Cohen, 1999 – Cohen, S. “Contextualism, Skepticism, and the Structure of Reasons”, *Philosophical Perspectives*, 1999, vol. 13, pp. 57–89.

Davis, 2007 – Davis, W.A. “Knowledge Claims and Context: Loose Use”, *Philosophical Studies*, 2007, vol. 132, pp. 395–438.

DeRose, 1992 – DeRose, K. “Contextualism and Knowledge Attributions”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 1992, vol. 52, pp. 913–929.

DeRose, 1995 – DeRose, K. “Solving the Skeptical Problem”, *The Philosophical Review*, 1995, vol. 104, pp. 1–52.

DeRose, 2009 – DeRose, K. *The Case for Contextualism: Knowledge, Skepticism, and Context, Vol. 1*. New York; Oxford: Oxford University Press, 2009.

DeRose, 2018 – DeRose, K. *The Appearance of Ignorance: Knowledge, Skepticism, and Context, Vol. 2*. Oxford: Oxford University Press, 2018.

Dretske, 1970 – Dretske, F. “Epistemic Operators”, *Journal of Philosophy*, 1970, vol. 67, pp. 1007–1023.

Fantl, McGrath, 2002 – Fantl, J. and M. McGrath. “Evidence, Pragmatics and Justification”, *The Philosophical Review*, 2002, vol. 111 (1), pp. 67–94.

Fantl, McGrath, 2007 – Fantl, J. and M. McGrath. “On Pragmatic Encroachment in Epistemology”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2007, vol. 75, pp. 558–589.

Fantl, McGrath, 2009 – Fantl, J. and M. McGrath. *Knowledge in an Uncertain World*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009.

Gerken, 2013 – Gerken, M. “Epistemic Focal Bias”, *Australasian Journal of Philosophy*, 2013, vol. 91 (1), pp. 41–61.

Gettier, 1963 – Gettier, E. “Is Justified True Belief Knowledge?”, *Analysis*, 1963, vol. 23, pp. 121–123.

Goldman, 1976 – Goldman, A. “Discrimination and Perceptual Knowledge”, *Journal of Philosophy*, 1976, vol. 73, pp. 771–791.

Hawthorne, 2004 – Hawthorne, J. *Knowledge and Lotteries*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Hawthorne, Stanley, 2008 – Hawthorne, J. and J. Stanley. “Knowledge and Action”, *Journal of Philosophy*, 2008, vol. 105 (10), pp. 571–590.

Hazlett, 2009 – Hazlett, A. “Knowledge and Conversation”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2009, vol. 78 (3), pp. 591–620.

Lewis, 1979 – Lewis, D. “Scorekeeping in a Language Game”, *Journal of Philosophical Logic*, 1979, vol. 8, pp. 339–359.

Lewis, 1996 – Lewis, D. “Elusive Knowledge”, *Australasian Journal of Philosophy*, 1996, vol. 74, pp. 549–567.

MacFarlane, 2005 – MacFarlane, J. “The Assessment Sensitivity of Knowledge Attributions”, in: T. Gendler and J. Hawthorne (eds.) *Oxford Studies in Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2005, pp. 197–233.

MacFarlane, 2009 – MacFarlane, J. “Nonindexical Contextualism”, *Synthese*, 2009, vol. 166 (2), pp. 231–250.

MacFarlane, 2011 – MacFarlane, J. “Relativism and Knowledge Attributions”, in: S. Bernecker and D. Pritchard (eds.) *Routledge Companion to Epistemology*. London: Routledge, 2011, pp. 536–544.

MacFarlane, 2014 – MacFarlane, J. *Assessment Sensitivity: Relative Truth and Its Applications*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Montminy, 2009 – Montminy, M. “Contextualism, Relativism and Ordinary Speakers’ Judgments”, *Philosophical Studies*, 2009, vol. 143 (3), pp. 341–356.

Nagel, 2008 – Nagel, J. “Knowledge Ascriptions and the Psychological Consequences of Changing Stakes”, *Australasian Journal of Philosophy*, 2008, vol. 86 (2), pp. 279–294.

Nagel, 2010 – Nagel, J. “Epistemic Anxiety and Adaptive Invariantism”, *Philosophical Perspectives*, 2010, vol. 24 (1), pp. 407–435.

Perry, 2001 – Perry, J. *Reference and Reflexivity*. Stanford, CA: CSLI Publications, 2001.

Pritchard, 2010 – Pritchard, D. “Contextualism, Skepticism and Warranted Assertibility Manoeuvres”, in: J. Keim-Campbell, M. O’Rourke, and H. Silverstein (eds.) *Knowledge and Skepticism*. Cambridge, MA: MIT Press, 2010, pp. 85–104.

Pynn, 2016 – Pynn, G. “Contextualism in Epistemology”, *Oxford Handbooks Online*. New York: Oxford University Press, 2016.

Rysiew, 2001 – Rysiew, P. “The Context-Sensitivity of Knowledge Attributions”, *Noûs*, 2001, vol. 35 (4), pp. 477–514.

Rysiew, 2007 – Rysiew, P. “Speaking of Knowing”, *Noûs*, 2007, vol. 41 (4), pp. 627–662.

Schaffer, 2004 – Schaffer, J. “Skepticism, Contextualism, and Discrimination”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2004, vol. 69, pp. 138–155.

Stoutenburg, 2017 – Stoutenburg, G. “Strict Moderate Invariantism and Knowledge-Denials”, *Philosophical Studies*, 2017, vol. 174 (8), pp. 2029–2044.

Unger, 1975 – Unger, P. *Ignorance: A Case for Scepticism*. Oxford: Clarendon, 1975.

Weatherson, 2011 – Weatherson, B. “Defending Interest-Relative Invariantism”, *Logos and Episteme*, 2011, vol. 2 (4), pp. 591–609.

Weatherson, 2012 – Weatherson, B. “Knowledge, Bets, and Interests”, in: J. Brown and M. Gerken (eds.) *Knowledge Ascriptions*. Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 75–103.

Weatherson, 2017 – Weatherson, B. “Interest-Relative Invariantism”, in: J.J. Ichikawa (ed.) *The Routledge Handbook of Epistemic Contextualism*. Ed. London: Routledge, 2017, pp. 240–253.

Памятка для авторов

- Автор гарантирует, что текст, представленный для публикации в журнале, не был опубликован ранее или сдан в другое издание. При использовании материалов статьи в последующих публикациях ссылка на журнал «Эпистемология и философия науки» обязательна.
- Автор берет на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имен и фамилий.
- Рукописи принимаются исключительно в электронном виде в формате MS Word (шрифт – Times New Roman; размер – 12; междустрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 0,9; выравнивание – по левому краю; поля – 2,5 см) на сайте журнала <https://journal.iphras.ru>
- Объем статьи – от 0,75 до 1,2 а.л. (включая ссылки, примечания, список литературы, аннотации). Объем аналитического обзора – 0,5 а.л.
- Примечания оформляются как постраничные сноски со сквозной нумерацией. Библиографические сведения, отсылающие к Списку литературы, даются в основном тексте и в примечаниях в квадратных скобках; например: [Сидоров, 1994, с. 25–26]. На все источники из цитируемой литературы должны быть ссылки в тексте статьи.
- Помимо основного текста статьи, рукопись должна включать в себя следующие **сведения на английском и русском языках**:
 - 1) Ф.И.О. автора; ученую степень и ученое звание; место работы; полный адрес места работы (включая страну, индекс, город); адрес электронной почты автора;
 - 2) название статьи;
 - 3) аннотацию (1500–2000 знаков);
 - 4) ключевые слова (до 10 слов и словосочетаний);
 - 5) список литературы.
- Рукописи на русском языке должны содержать два варианта списка литературы:
 1. «**Список литературы**», выполненный в соответствии с требованиями ГОСТа. В начале списка в алфавитном порядке указываются источники на русском языке.
 2. Список «**References**», составленный в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных (Scopus и др.). Все библиографические ссылки на русскоязычные источники приводятся в латинском алфавите по следующей схеме:
 - автор (имена отечественных авторов – в транслитерации латиницей, имена зарубежных авторов – в оригинальном или англоязычном написании);
 - заглавие статьи (транслитерация);
 - [перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках];

-
- название русскоязычного источника (транслитерация);
 - [перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках];
 - выходные данные на английском языке (включая общее количество страниц в источнике или номера страниц, на которых размещен текст в сборнике/журнале/монографии).
 - Для транслитерации необходимо использовать сайт <http://translit.net/> (формат BSI).
 - Подробные рекомендации по оформлению текстов содержатся на странице журнала: <https://journal.iphras.ru/forcontributors>
 - К рукописи также должна прилагаться фотография автора.
 - Рисунки и формулы должны быть продублированы в графическом режиме и записаны отдельным файлом. Тексты, содержащие специфические символы и неевропейские шрифты, должны быть продублированы в формате pdf.
 - Решение о публикации материала принимается членами редколлегии, главным редактором и рецензентами в течение полугода с момента поступления текста в редакцию.
 - Плата за публикацию материалов не взимается, гонорар авторам не выплачивается.
 - Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 315. Тел.: +7 (495) 697-95-76; e-mail: journal@iphras.ru; сайт: <https://journal.iphras.ru>

Научно-теоретический журнал
Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки
2025. Том 62. Номер 1

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-57113 от 3 марта 2014 г.

Главный редактор *И.Т. Касавин*
Зам. главного редактора: *А.Ю. Антоновский, И.А. Герасимова, П.С. Куслий*
Ответственный секретарь *Л.А. Тухватулина*

Художники: *Ч.Р. Кантов, С.Ю. Растегина*
Корректор *И.А. Мальцева*
Технический редактор *Е.А. Морозова*

Подписано в печать с оригинал-макета 03.03.25
Формат 60×100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура IPH Astra Serif
Усл. печ. л. 16,37. Уч.-изд. л. 15,17. Тираж 1 000 экз. Заказ № 2

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерная верстка: *Е.А. Морозова*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о журнале «Эпистемология и философия науки»
см. на сайте: <https://journal.iphras.ru>